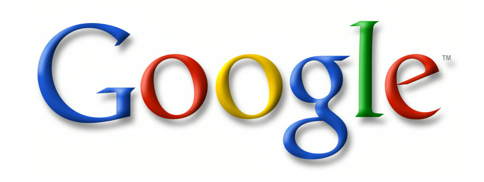
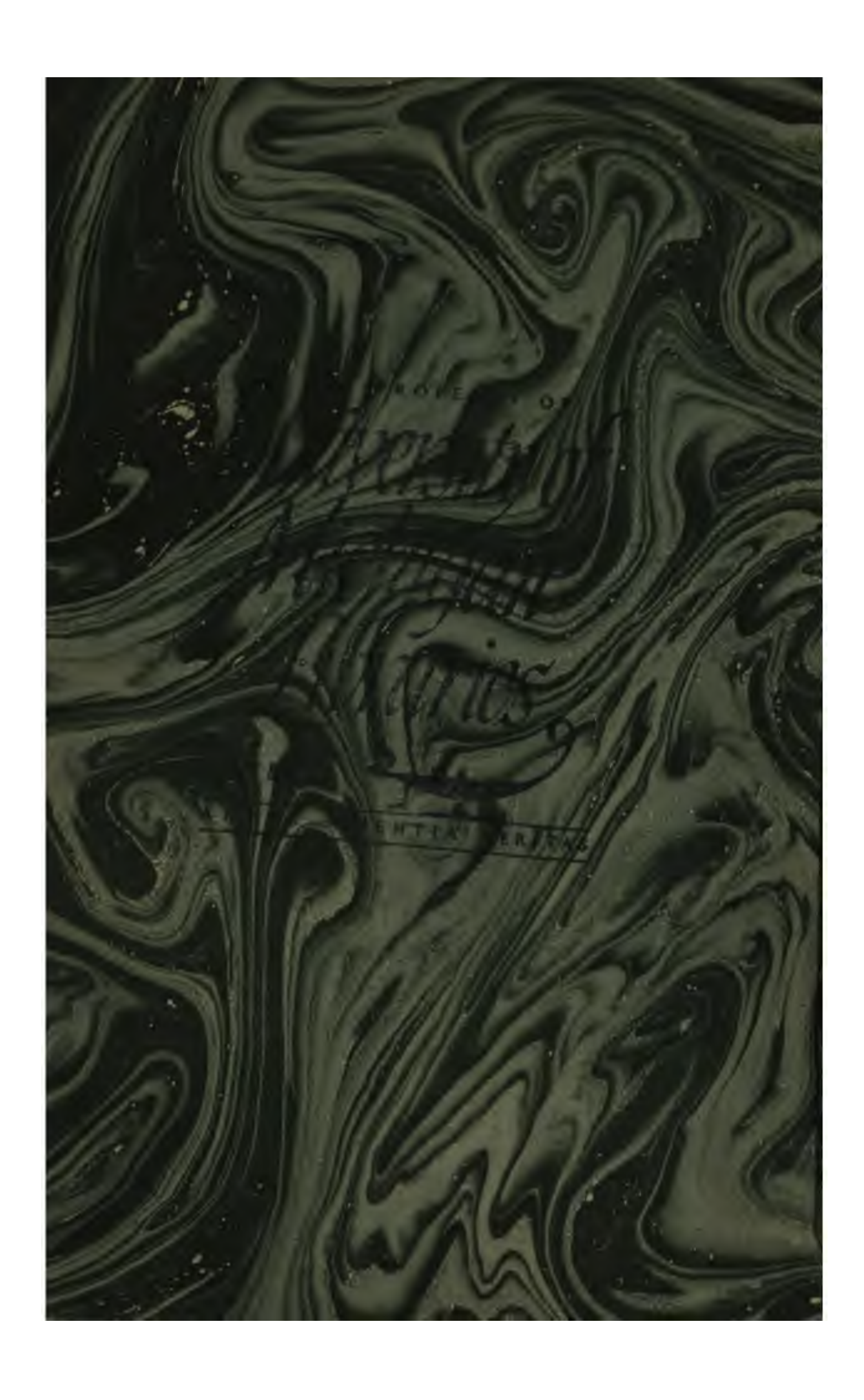
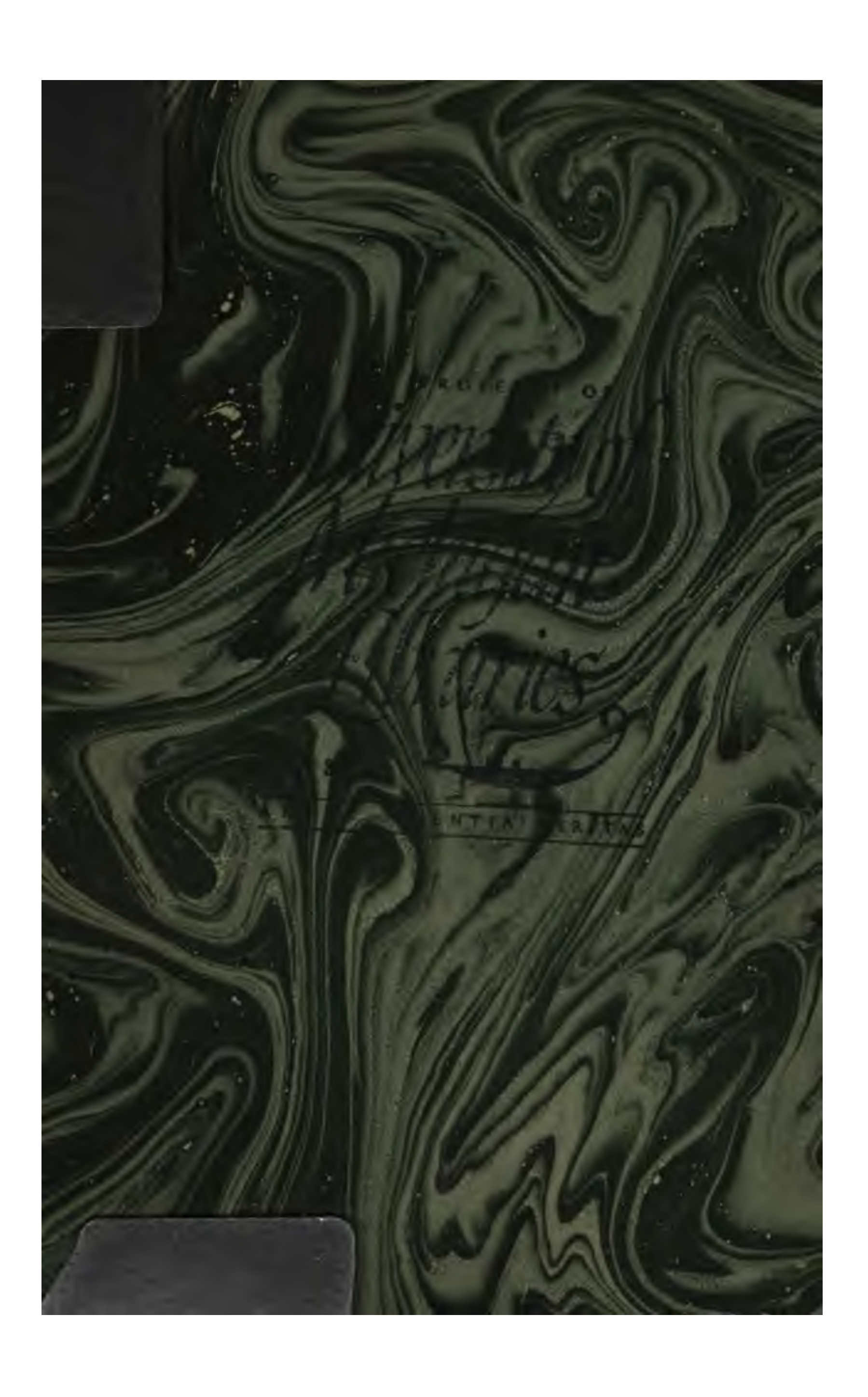

ИЗЪ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ

Pierling, Paul

П. ПИРЛИНГЪ

ИЗЪ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ

СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1902

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА.

Еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, Чаадаевъ заявлялъ безъ колебанія, что пора заняться «философіею» русской исторіи. Ему казалось, что фактовъ собрано достаточно, и что смѣлый мысленный полетъ могъ бы извлечь изъ нихъ причинную тайну прошлаго.

Сѣтованія почтеннаго автора были преждевременны. Конечно, сырого, историческаго матеріала накопилось вдоволь, но, не будучи изслѣдованъ, разработанъ, освѣщенъ, онъ не могъ служить исходнымъ пунктомъ для умозрѣній охватывающихъ всю народную жизнь. Только въ относительно недавнее время научная критика пріобрѣла полное право гражданства и стала успѣшно разрѣшать свою задачу.

Въ исторіи Смутнаго времени это новое направленіе наглядно выдѣляется. Здѣсь повтори-

лось явленіе, которое въ Петровской Руси не должно черезчуръ удивлять: сперва вышла въ свѣтъ исторія смуты, а потомъ принялись за изученіе источниковъ. Многихъ соблазнилъ вѣроятно примѣръ Карамзина, у котораго приводятся въ примѣчаніяхъ самыя разнородныя свидѣтельства безъ всякихъ оговорокъ объ ихъ далеко не равномъ достоинствѣ. Такое механическое сопоставленіе иностранныхъ и домашнихъ извѣстій нельзя признать удовлетворительнымъ.

Неправильная постановка вопроса повліяла также на изданіе памятниковъ. Печатались и перепечатывались даже менѣе значительныя сочиненія, дошедшія до насъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, а такіе документы отмѣнной важности какъ собственноручныя записки Льва Сапѣги, переписка сенаторовъ съ Сигизмундомъ III при появленіи Самозванца, польскіе статейные списки, № 26, 27 и 30 оставались въ пренебреженіи и отчасти въ забвеніи.

Новѣйшіе изслѣдователи отрѣшились отъ неловкихъ пріемовъ своихъ предшественниковъ. Тщательный пересмотръ источниковъ Смутнаго времени въ связи съ царствованіемъ Ивана Грознаго далъ уже значительные результаты, а главное, открылъ и указалъ вѣрный путь для достиженія намѣченной цѣли.

Примыкая по мѣрѣ силъ къ этому направленію, я собралъ въ одну книгу отдѣльныя розысканія, которыя преимущественно освѣщаютъ отношенія Димитрія къ папскому престолу. Ради сохраненія цѣльности каждой статьи, пришлось допустить нѣкоторыя, впрочемъ немногія, повторенія.

Настоящій трудъ представляетъ опытъ разбора историческаго матеріала и ограничивается скромными размѣрами. Только впослѣдствіи можно будетъ сдѣлать окончательную группировку всѣхъ источниковъ и дать полную ихъ оцѣнку. Покуда слѣдуетъ довольствоваться тѣмъ, что нашелся первоисточникъ послѣдующихъ разсказовъ о чудесномъ спасеніи Димитрія въ Угличѣ, и этотъ первоисточникъ относится къ 1603 году.

Парижъ
31-го іюля 1901.

НОВАЯ ПОСТАНОВКА ВОПРОСА О ДИМИТРІИ [1].

Въ первыхъ годахъ XVII вѣка по всей Европѣ пронеслась молва о чудесномъ восшествіи на отцовскій престолъ царевича Димитрія. Генрихъ IV плѣнился сѣвернымъ героемъ; Рудольфъ II прочилъ ему въ невѣсты австрійскую эрцгерцогиню; Фердинандъ Тосканскій хлопоталъ о торговыхъ выгодахъ; въ Римѣ мечтали о соединеніи церквей и крестовомъ походѣ противъ турокъ.

Главный очагъ, гдѣ прославлялся Димитрій и откуда во всѣ стороны разносились извѣстія о немъ, былъ нѣкоторое время въ Краковѣ. Послѣ же майскаго погрома 1606 года стало преобладать мнѣніе, что Димитрій не былъ царскимъ сыномъ, а только искуснымъ проходимцемъ. Въ этомъ смыслѣ высказывались особенно нѣмецкіе, голландскіе и англійскіе писатели.

Съ теченіемъ времени накопилось такое множество сочиненій второй руки, что оно заслонило

---

[1]) Перепечатано изъ Вѣстника Европы, 1901 г., январь стр. 101—120.

самыя древнія и важныя свидѣтельства о происшедшемъ. Настоящая статья представляетъ попытку разрѣшенія запутаннаго вопроса на основаніи современныхъ и документальныхъ данныхъ.

I.

Аудіенція нунція Рангони у Сигизмунда III.—Докладъ князя Адама Вишневецкаго.—Его странная участь въ исторіи.—Происхожденіе и дата.—Внѣшняя обстановка.—Внутренняя содержательность.—Отрицательное заключеніе.

1-го ноября 1603 года, папскій нунцій при польскомъ дворѣ, Рангони, имѣлъ аудіенцію въ Вавельскомъ замкѣ. Сигизмундъ III далъ ему первое извѣстіе о появленіи Димитрія, выдававшагося за московскаго царевича, за сына Ивана Грознаго, и пребывавшаго тогда на Волыни у князя Адама Вишневецкаго. Изложивъ свои соображенія по этому поводу, король прибавилъ, что онъ обратился къ Вишневецкому съ требованіемъ объясненій о загадочномъ пришельцѣ.

Князь Адамъ исполнилъ данное ему порученіе и представилъ докладъ. Это самое раннее показаніе о Димитріи имѣло въ исторіи странную участь. Впервые напечаталъ его Новаковскій, пріурочивъ къ 1606 году, и тѣмъ самымъ обрекая его на жертву научнаго пренебреженія[1]). Н. И. Костомаровъ остановился на разсказѣ Товіанскаго, не

[1]) Nowakowski, Źródła do Dziejów Polski, т. II, стр. 65.

замѣтивъ, что это—передѣлка доклада, и просто отбросилъ его, какъ черезчуръ легендарный и противорѣчившій истинѣ.

До какой степени докладъ Вишневецкаго очутился въ забвеніи у историковъ, видно изъ того, что въ 1895 году Археографическая Коммиссія напечатала нѣмецкій документъ, найденный г. Дворскимъ «въ архивѣ чешскаго города Индрихова Градца», отнесла его ко второй половинѣ 1605 года, и отнюдь не догадалась, что вся первая часть этой «наиболѣе любопытной записки» есть не что иное какъ почти буквальный переводъ княжескаго доклада[1]).

Пора заняться этимъ документомъ, установить его происхожденіе, разобрать внѣшнюю обстановку, внутреннюю правдоподобность и указать подобающее ему по достоинству мѣсто.

Русскій историкъ долженъ здѣсь обратиться къ Ватиканскому архиву. Тамъ находится въ латинскомъ переводѣ едва ли не самый древній списокъ доклада; во всякомъ случаѣ одинъ изъ древнѣйшихъ. Его препроводилъ въ Римъ краковскій нунцій Рангони съ депешею, помѣченною 8 числомъ ноября 1603 года[2]). Установленіе этой даты отмѣнно важно. Такимъ образомъ докладъ стано-

[1]) Лѣтопись Занятій Археографической Коммиссіи, выпускъ десятый, отд. II, стр. 39.

[2]) Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, III, 90, а.

вится сразу первоисточникомъ и даже единственнымъ документальнымъ источникомъ того мнѣнія, что царевичъ Димитрій былъ спасенъ въ Угличѣ. Всѣ аналогичные разсказы современниковъ относятся къ позднѣйшей эпохѣ, передаютъ только анонимные слухи и видимо основываются на текстѣ Вишневецкаго. Ужъ это одно обстоятельство выдвигаетъ докладъ на первый планъ.

Теперь спрашивается: кто былъ, собственно, авторомъ доклада, и какъ онъ былъ составленъ? По словамъ Рангони, самъ Димитрій разсказывалъ свою исторію Вишневецкому, а Вишневецкій только записывалъ его слова, такъ сказать, писалъ подъ его диктовку.

Сигизмундъ III придерживался того же мнѣнія, придавалъ докладу не малое значеніе и воспользовался имъ, чтобы извѣстить сенаторовъ о появленіи Димитрія и спросить ихъ совѣта объ этомъ дѣлѣ. Его окружное посланіе 15-го февраля 1604 года составлено по запискѣ Вишневецкаго. «Тотъ, который въ настоящее время выдаетъ себя за сына Иванова», — пишетъ король, — «передаетъ слѣдующее: его учитель, человѣкъ благоразумный, замѣтивши, что умышляютъ на жизнь того, который порученъ былъ его опекѣ, взялъ—при появленіи тѣхъ, которые должны были убить Димитрія—другого младенца, отданнаго ему на воспитаніе, который ничего не зналъ объ этомъ обстоятельствѣ, и положилъ его въ постель Димитрія; такимъ

образомъ, этотъ младенецъ, неузнанный, ночью въ постели былъ убитъ,—а того учитель укрылъ, потомъ отдалъ въ надежное мѣсто для воспитанія; подросши, уже по смерти учителя, онъ—для прикрытія себя — поступилъ въ монахи и затѣмъ отправился въ наши предѣлы; отсюда, признавшись и объявивши, что онъ сынъ великаго князя, отправился къ князю Адаму Вишневецкому, который далъ намъ знать о немъ...[1])» Правда, нѣкоторыя обстоятельства, какъ увидимъ ниже, сглажены и переданы неточно, все же существенное заимствовано изъ доклада.

Сенаторы немедленно откликнулись на королевское посланіе. До насъ дошли десятка два такихъ писемъ, собственноручныхъ или, по крайней мѣрѣ, съ собственноручною подписью. Одна часть этихъ драгоцѣнныхъ свидѣтельствъ находится въ Краковѣ, въ прелестномъ музеѣ князя Чарторыжскаго, и уже поступила въ научный оборотъ. Другая часть, самая важная, самая интересная, лежитъ еще въ Московскомъ Архивѣ министерства юстиціи и преспокойно ожидаетъ своей очереди явиться на бѣлый свѣтъ. Если не ошибаюсь, никто до сихъ поръ ею не воспользовался и не ссылался на нее.

Сравнивая отвѣты сенаторовъ, выводится за-

---

[1]) Записки гетмана Жолкевскаго (2-ое изд.). Приложенія, стр. 6, № 2.

ключеніе, что они, получивъ самый текстъ Вишневецкаго, были застигнуты врасплохъ. Никто изъ нихъ не имѣлъ частныхъ свѣдѣній о Димитріи. Все, что они о немъ знали, ограничивалось королевскимъ сообщеніемъ. Даже престарѣлый князь Константинъ Острожскій, которому былъ сдѣланъ особый запросъ, усердно открещивался отъ Димитрія, и былъ ли «такъ себя называвшій князекъ московскій» въ монастыряхъ его патроната, этого онъ знать не зналъ и вѣдать не вѣдалъ. Исключеніе представляетъ одинъ Янушъ Острожскій. Въ противоположность своему отцу, краковскій кастелянъ заявляетъ, что Димитрій ему извѣстенъ, что онъ проживалъ въ Дерманскомъ монастырѣ, а потомъ удалился къ анабаптистамъ. А кто онъ таковъ, Янушъ признается, что сказать не можетъ, за неимѣніемъ никакихъ указаній.

Вообще, сенаторы отнеслись къ Димитрію съ недовѣріемъ. Особенно замѣчательно письмо плоцкаго епископа, Альберта Барановскаго. Онъ подчеркнулъ слабыя стороны доклада Вишневецкаго, вдумался въ обстоятельства дѣла и не упустилъ предостеречь Сигизмунда. «Этотъ московскій князекъ, — писалъ Барановскій королю 6-го марта 1604 года, —для меня очень подозрительная личность. Въ его исторіи есть весьма неправдоподобные факты. Во-первыхъ, какъ мать не узнала умерщвленнаго сына? Во-вторыхъ, къ чему было убивать еще тридцать дѣтей? Въ-третьихъ, какъ

могъ монахъ узнать царевича Димитрія, котораго никогда не видѣлъ? Самозванство — вещь не новая. Бываютъ самозванцы въ Польшѣ, между шляхтою, при раздѣлѣ наслѣдства; бываютъ въ Валахіи, когда престолъ остается незанятымъ; были самозванцы и въ Португаліи: всѣмъ извѣстны приключенія такъ называемаго Севастіана. Потому безъ вѣскихъ доказательствъ полагаться на Димитрія не слѣдуетъ. Само священное писаніе порицаетъ легковѣрныхъ, а донесенія шпіоновъ и свидѣтельство одного ливонца не имѣютъ никакого значенія[1])». — Такъ наставлялъ короля плоцкій епископъ, требуя вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы за Димитріемъ зорко слѣдили, не допускали бѣгства къ низовымъ казакамъ, и наконецъ, чтобы его подвергли строжайшему испытанію. Въ виду этой послѣдней мѣры, Барановскій посылалъ рядъ вопросовъ, которые выяснили бы сущность дѣла. Къ сожалѣнію, написанные на особомъ листѣ, эти вопросы не дошли до насъ.

При такомъ настроеніи умовъ не удивительно, что сенаторы отвѣчали королю уклончиво, и не рѣшались подсказывать рѣшительныхъ военныхъ мѣропріятій. Всѣ какъ бы предчувствовали, что затѣвается крупная исторія, а обстоятельства были темныя; по сбивчивымъ и сомнительнымъ

---

[1]) Москва, Архивъ Министерства Юстиціи, Лит. Метрика, Новыя книги, т. 55, л. 87.

даннымъ трудно было самому судить, а еще труднѣе—дать другому совѣтъ и вмѣшаться въ дѣло государственной важности. На первый взглядъ Димитрій казался хорошимъ заложникомъ, въ сношеніяхъ съ Борисомъ Годуновымъ можно было бы воспользоваться его грознымъ именемъ; но какъ, съ какими оговорками и предосторожностями, чтобъ не вовлечь Польшу въ войну,—этого сенаторы ясно не видѣли и не сознавали. Нѣкоторые изъ нихъ ухитрились предложить двоякія мѣры, смотря по тому, докажетъ ли Димитрій, или нѣтъ, что онъ—истинный царевичъ. Янъ Остророгъ изложилъ оригинальную мысль: назначить Димитрію пенсію и отправить его къ папѣ на жительство въ Римъ.

Такимъ образомъ, ничего путнаго не вытекало изъ сенаторскихъ писемъ. Только въ одномъ и очень трезвомъ мнѣніи было полное единогласіе: всѣ сенаторы требовали, чтобы дѣло Димитрія было предоставлено сейму и на немъ обсуждалось. Никто изъ нихъ не желалъ оставлять его на произволъ короля. Въ такой всенародной постановкѣ вопроса они видѣли политическую необходимость, а нѣкоторые прибавляли, что сохраненіе заключеннаго съ Годуновымъ въ 1602 году перемирія должно считать обязательнымъ и долгомъ совѣсти. Поэтому, если, въ августѣ 1604 года, Димитрій, собравъ войско, выступилъ въ походъ противъ Москвы, то отвѣтственность падаетъ на

него самого, на Юрія Мнишка, на родныхъ и подручниковъ сендомирскаго воеводы, на короля, который тайкомъ имъ потворствовалъ. Польскій же народъ въ этомъ предпріятіи неповиненъ; большинство его представителей порицало двуличную политику Сигизмунда, и только очень, очень немногіе сенаторы одобряли ее, да и то тихомолкомъ. Это выяснилось на сеймѣ 1605 года: Рѣчь Посполитая не хотѣла потакать Димитрію.

Такова внѣшняя обстановка доклада. Этому оффиціальному и, такъ сказать, государственному значенію не соотвѣтствуетъ внутренняя содержательность записки. Невольно припоминается мѣткое слово Льва Сапѣги: Димитрій сочинилъ свою исторію «хитро, но грубо». Ужъ если сочинять, то почему не отбросить такія нелѣпости, которыя всѣмъ бросаются въ глаза, даже незнакомымъ съ московскими порядками? Вышеупомянутый епископъ плоцкій отлично подмѣтилъ три главныя неправдоподобныя черты доклада. Искусственность выдумки особенно ярко выдается въ разсказѣ о дѣтской рѣзнѣ. Легко предвидѣлось неизбѣжное возраженіе: если, вмѣсто Димитрія, убили другого ребенка, то какъ не замѣтить, что этотъ ребенокъ внезапно исчезъ? На это и дается заранѣе отвѣтъ: во время общей суматохи, разсвирѣпѣвшая чернь убила до тридцати дѣтей,—потому никто и не подумалъ дѣлать особаго розыска.

Замѣчанія Барановскаго совершенно основательны, но они сдѣланы поспѣшно. Онъ ухватился, и очень дѣльно, за верхушки; если поглубже вникнуть въ докладъ Вишневецкаго, то оказывается, что онъ содержитъ цѣлый рядъ завѣдомо ложныхъ фактовъ. Такъ разсказывается, что Борисъ Годуновъ уговорилъ царя Ѳедора отказаться отъ управленія государствомъ и заключиться въ Кирилловскій монастырь, что не обошлось безъ казни сторонниковъ слабоумнаго властелина. Далѣе, Годуновъ, будто бы, истребилъ вѣрныхъ слугъ, окружавшихъ Димитрія, и замѣнилъ ихъ другими, болѣе податливыми. Наставникъ Димитрія догадался, къ чему все это клонится, положилъ въ постель Димитрія его «двоюроднаго брата», который и былъ убитъ ночью безъ всякаго сопротивленія. Родство погибшаго съ Димитріемъ есть то обстоятельство, которое Сигизмундъ, какъ выше намекалось, упорно замалчивалъ, - уже оно одно выдавало несостоятельность записки. Поразительно также, что Димитрій очень безцеремонно себя самого считаетъ мальчикомъ умнымъ и смѣтливымъ, а мнимаго своего отца обзываетъ тираномъ, сыноубійцей, прелюбодѣемъ, и безъ всякой нужды распространяется о его злодѣйствахъ и развратѣ.

Съ другой стороны, въ запискѣ встрѣчаются данныя, сами по себѣ несомнѣнныя, о которыхъ въ Польшѣ едва ли знали, и которыя даже въ Москвѣ

не всѣмъ были извѣстны. Такова попытка Ивана Грознаго свататься въ Англіи, хотя и не на королевѣ Елизаветѣ, а на дѣвицѣ Mary Hastings. Таковъ разсказъ о гибели малолѣтняго Иванова сына, утонувшаго въ Бѣлоозерѣ. Рядомъ съ фактами, которые выводятся на свѣтъ, другіе факты, и очень важные, осторожно скрываются. Особенно какая-то таинственность соблюдается насчетъ собственныхъ именъ. Какъ назывался наставникъ, спасшій Димитрія? Кому онъ при смерти передалъ своего царственнаго питомца? По какимъ монастырямъ скитался Димитрій? Все это остается неизвѣстнымъ: ни одно лицо не выдано, ни одна мѣстность не обозначена. Ничего также не говорится о розыскѣ, бывшемъ въ Угличѣ немедленно по убіеніи Димитрія. Митрополитъ Геласій и дьякъ Клешнинъ ѣздили туда, будто бы, только для похоронъ. Замѣчательно, что Василій Шуйскій, который игралъ первую роль при этой поѣздкѣ, оставленъ въ совершенномъ забвеніи.

Подводя итогъ всему сказанному, надо признаться, что докладъ Вишневецкаго не внушаетъ довѣрія, и является крайне подозрительнымъ произведеніемъ. Грубыя ошибки сочетаются съ малоизвѣстными данными. Повсюду проглядываетъ разсчетъ, какъ бы увѣрить читателя въ спасеніи царевича и умолчать о тѣхъ, которые его спасли. Самые видные дѣятели, наставникъ Димитрія и его преемникъ, даже заблаговременно умираютъ.

Повсюду выступаютъ искусственность и заднія мысли: за вѣрность разсказа, кромѣ самого разсказчика, никто рѣшительно не ручается.

Если же сообразить, при какихъ обстоятельствахъ составлена была записка Вишневецкаго, то отрицательное заключеніе просто навязывается. Димитрій продиктовалъ ее при самомъ своемъ вступленіи на новое поприще. Успѣхъ зависѣлъ отъ болѣе или менѣе прочныхъ доказательствъ его царскаго происхожденія, а доказательства его слабы, ничтожны, неправдоподобны. Значитъ, другихъ онъ не имѣлъ, а если онъ ихъ не имѣлъ, то ихъ вообще не было. Вотъ почему записку Вишневецкаго слѣдуетъ считать самымъ явнымъ, хотя и невольнымъ, обличеніемъ самозванства Димитрія.

II.

Національность Димитрія.— Собственноручное письмо къ папѣ Клименту VIII.— Филологическая задача.—И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ и С. Л. Пташицкій.—Составитель письма и переписчикъ—двѣ разныя личности.— Великорусское происхожденіе Самозванца.— Историческое объясненіе двойственности письма.— Сотрудничество отца Савицкаго.— Свидѣтельство Чижовскаго и Лавицкаго.—Церковно-монашескій элементъ въ личности Димитрія.

Если Димитрій не былъ сынъ Ивана Грознаго, то естественно возникаетъ вопросъ, кто же онъ былъ и за кого его почитать? Вопросъ вѣковой, который удобнѣе рѣшить или освѣтить по частямъ, нежели цѣликомъ.

Начнемъ издалека. Спросимъ сперва, какой національности былъ Димитрій? Полякъ или русскій? Сколько догадокъ, сколько мнѣній высказывалось по этому поводу! Дошло до того, что нѣкоторые выдавали Димитрія за трансильванца и побочнаго сына польскаго короля Стефана Баторія, ссылаясь при этомъ на признаки атавизма, на неукротимую страсть къ охотѣ того и другого. Но если такъ, то почему же Димитрію не быть сыномъ Ивана, который не менѣе Баторія увлекался охотой? Въ самое послѣднее время Ѳ. Ф. Вержбовскій заговорилъ о бородавкѣ Баторія [1]). Она ярко различается на современныхъ медаляхъ. Опять сходство съ Димитріемъ: на томъ же мѣстѣ, у праваго глаза, тотъ же наростъ. Ужъ не атавизмъ ли?

Признаюсь, доводы эти меня не убѣждаютъ. Есть другія доказательства совсѣмъ иного рода и, по моему мнѣнію, бо̀льшаго вѣса.

24-го апрѣля 1604 года, Димитрій обратился съ собственноручнымъ письмомъ къ папѣ Клименту VIII. Это было послѣ отреченія отъ православія: онъ желалъ заручиться покровительствомъ главы римской церкви и выставить себя усерднымъ католикомъ. Письмо написано по-польски, размашисто, на трехъ большихъ страницахъ. Оно

---

[1]) Матеріалы къ исторіи Московскаго Государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ, выпускъ III, стр. VII.

было немедленно послано въ Римъ, представлено папѣ и перешло изъ Ватикана въ инквизицію, гдѣ обсуждалось дѣло о переходѣ Димитрія въ католичество. Въ архивѣ этого вѣдомства оно и пролежало цѣлыхъ три столѣтія, и только недавно, по милостивому разрѣшенію папы Льва XIII, сдѣлалось достояніемъ науки[1]).

Съ появленіемъ этого памятника назрѣла новая задача чисто филологическаго свойства, которую можно такъ формулировать: по данному собственноручному письму на польскомъ языкѣ, съ характерными отступленіями, опредѣлить національность автора письма.

За трудный подвигъ взялись присяжные археографы, и, должно сказать, свою задачу они разрѣшили блистательно. Самыя выдающіяся работы принадлежатъ перу И. А. Бодуэна-де-Куртенэ и С. Л. Пташицкаго[2]). Они сдѣлали полнѣйшій, въ строгомъ смыслѣ научный, разборъ письма, его внутренней и внѣшней стороны, въ лексическомъ, стилистическомъ, синтаксическомъ, грамматическомъ и графическомъ отношеніи. Каждое предложеніе, каждое слово, каждая буква подвергались проницательному разсмотрѣнію. Оба ученые,

---

[1]) Pierling, Lettre de Dmitri dit le Faux à Clément VIII.

[2]) Baudouin de Courtenay, Strona językowa oryginału polskiego listu «Dymitra Samozwańca». — Пташицкій, Письмо перваго Самозванца къ папѣ Клименту VIII.

несмотря на нѣкоторыя разногласія, пришли къ тождественнымъ выводамъ.

О внутренней сторонѣ письма С. Л. Пташицкій отзывается слѣдующимъ образомъ: «Подробное разсмотрѣніе внутренней стороны языка письма не можетъ не привести насъ къ заключенію, что составитель письма свободно владѣлъ польскимъ языкомъ. У него мы находимъ богатый лексическій запасъ чисто польскихъ словъ, легкое пользованіе синонимами, синтаксическую правильность съ хорошимъ запасомъ чисто польскихъ идіотизмовъ, которыми онъ умѣло пользуется, въ флексіи замѣчаемъ привычку въ пользованіи специально польскими грамматическими формами, а въ правописаніи—практическое знакомство съ графикой, не заставляющее его рабски держаться установившихся правилъ книжнаго правописанія. Всѣ эти соображенія приводятъ насъ къ заключенію, что составитель письма совершенно свободно и правильно владѣлъ польскою литературною рѣчью».

Совсѣмъ иначе представляется внѣшняя сторона письма. «Всѣ эти свойства написанія,—говоритъ тотъ же С. Л. Пташицкій,—указываютъ, что лицо, писавшее письмо, знакомо было съ латинской графикой, но не имѣло навыка въ польскомъ письмѣ, оно почти на каждомъ шагу останавливалось и дѣлало самыя элементарныя ошибки, и что для переписки польскаго текста оно прилагало весьма много усилій, не увѣнчавшихся

хорошимъ успѣхомъ». — «Кромѣ этихъ ошибокъ общаго характера, въ письмѣ имѣются такія специальныя ошибки, которыя прямо указываютъ на національность переписчика и школу, изъ которой онъ вышелъ».

А вотъ окончательный выводъ: «Въ виду такой двойственности—хорошаго текста и плохой переписки—приходится, не колеблясь, заключить, что составитель письма и его переписчикъ—двѣ разныя личности, что Самозванецъ переписывалъ готовый текстъ, составленный для него лицомъ, опытнымъ въ польскомъ языкѣ. Такъ какъ письмо это переписано и подписано собственноручно самимъ Самозванцемъ, то оно свидѣтельствуетъ, что Самозванецъ былъ лицомъ великорусскаго происхожденія, опытнымъ въ письмѣ московскаго характера и притомъ типа письма канцеляріи Сутупова, вмѣстѣ съ тѣмъ не чуждъ былъ греческой грамотѣ, но не имѣлъ навыка въ польской рѣчи и съ трудомъ овладѣвалъ польскою графикой».

Филологическій приговоръ С. Л. Пташицкаго вполнѣ подтверждается исторической обстановкой. На нее почтенный авторъ не обращалъ вниманія, что придаетъ его мнѣнію еще бо́льшую самостоятельность. Обстановка же была внушительная. Письмо Димитрія къ Клименту VIII помѣчено 24-мъ числомъ апрѣля 1604 года, но писано оно нѣсколько раньше, въ Свѣтлое Воскресенье. Нака-

нунѣ Димитрій присутствовалъ на обѣднѣ Рангони въ самомъ помѣщеніи нунціатуры, пріобщился св. Таинъ и былъ мvропомазанъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что мvропомазаніе было излишне. Въ русской церкви, какъ и въ греческой, оно дается при крещеніи, а повтореніе этого таинства не допускается. Какъ итальянецъ, нунцій, очевидно, не былъ знакомъ съ чужими обрядами. Между тѣмъ, новый католикъ былъ окруженъ москвичами, которые зорко слѣдили за нимъ и, желая сохранить тайну своего обращенія, Димитрій въ день пасхальнаго праздника не пошелъ на богослуженіе, а сидѣлъ дома и готовилъ письмо къ папѣ. За эту работу онъ взялся не самолично и одиночкой; по словамъ Рангони, ему помогалъ отецъ Савицкій, который потомъ и перевелъ письмо, хотя не совсѣмъ дословно, на латинскій языкъ.

Здѣсь кроется объясненіе той двойственности, которую подмѣтилъ С. Л. Пташицкій. Проповѣдникъ и писатель, Савицкій слылъ за образованнаго человѣка. Онъ-то и былъ опытное лицо, отлично владѣвшее польскимъ языкомъ и знавшее всѣ его тонкости. Ему, безъ сомнѣнія, принадлежитъ составленіе письма или, по крайней мѣрѣ, польскаго текста, при чемъ Димитрій исполнялъ только матеріальную работу переписыванія. Мало привычной рукою онъ сталъ чертить польскія письмена и сперва сравнительно хорошо, но вскорѣ

онъ утомился, началось передѣлыванiе буквъ, его сбивала московская фонетика, невольно являлись московскiя формы. Сотрудничествомъ Савицкаго объясняется также выборъ польскаго языка. Если бы Димитрiй писалъ по-русски, то его духовный отецъ не могъ бы ему помочь.

На основанiи всего вышесказаннаго, можно смѣло утверждать, что Димитрiй не былъ ни малоруссомъ, ни литвиномъ, ни трансильванцемъ, что онъ не только проходилъ русскую школу, но что и въ самомъ дѣлѣ былъ великорусскаго происхожденiя. Если вспомнить еще свидѣтельство полковыхъ священниковъ Димитрiева войска, Николая Чижовскаго и Андрея Лавицкаго, то вопросъ о нацiональности Самозванца окажется безповоротно рѣшеннымъ. Когда, въ порывѣ усердiя, Димитрiй вздумалъ учиться въ Путивлѣ, и оба iезуита стали ему преподавать по-польски реторику и философiю, то москвичъ переводилъ ему уроки по-русски, и это не потому, что Димитрiй не понималъ польскаго языка, но чтобъ лучше и легче усвоивать себѣ уроки. Важное, компетентное свидѣтельство, сдѣланное безъ всякаго разсчета.

Опредѣливъ нацiональность Димитрiя, спросимъ далѣе, къ какому сословiю онъ принадлежалъ или, лучше, въ какой средѣ онъ вращался передъ бѣгствомъ въ Польшу? При такой обширности вопроса единогласiе источниковъ совершен-

но убѣдительно. Самъ Димитрій говорилъ князю Адаму Вишневецкому въ 1603 году и писалъ папѣ Клименту VIII 24-го апрѣля 1604 года, что онъ долгое время скитался по монастырямъ. Всѣ русскіе источники выводятъ его изъ той или другой обители. По польскимъ источникамъ, онъ является въ Кіевѣ въ базиліанской рясѣ. Было бы излишне настаивать на этомъ фактѣ, представленномъ въ такомъ видѣ.

Замѣтимъ только, что даже въ образованіи и въ рѣчахъ Димитрія проглядываетъ церковно-монашескій элементъ. О первыхъ его преніяхъ въ Самборѣ съ бернардиномъ Анзериномъ, Францискомъ Помаскимъ и Юріемъ Мнишкомъ ничего въ особенности неизвѣстно; зато въ Краковѣ, при свиданіи съ іезуитами Савицкимъ и Гродзицкимъ, наглядно сказался бывшій монастырскій питомецъ. Ему были по силамъ такіе вопросы, какъ римское папство и его власть, исхожденіе Святого Духа, двоякая обрядность причастія. Ветхій и особенно Новый Завѣтъ онъ усердно читывалъ и удержалъ въ памяти довольно многое. Однажды онъ пожелалъ получить изъ рукъ Поссевина священное писаніе на русскомъ языкѣ. Монашескій бытъ былъ ему знакомъ вдоль и поперекъ, и объ этомъ предметѣ онъ охотно толковалъ. Къ чернецамъ онъ относился отрицательно, не только ихъ недолюбливалъ, но даже сурово порицалъ, считалъ ихъ невѣждами, упрекалъ въ развратѣ, задумы-

валъ коренное монастырское преобразованіе и въ Путивлѣ совѣтовался объ этомъ съ іезуитами. Въ его словахъ слышалась какая-то горечь, какъ будто у него были личные счеты съ монахами.

И такъ, Димитрій—великоруссъ, побывавшій въ монастыряхъ. Но кто онъ? Какимъ именемъ его называть?

III.

Н. И. Костомаровъ объ имени Отрепьева.— Новые доводы Е. Н. Щепкина.— Мнѣніе Бориса Годунова.— Его мгновенное колебаніе.— Партійная борьба и провѣрка.—Кличка при Димитріи.— «Извѣтъ» Варлаама.— Князь Катыревъ-Ростовскій. — Челобитная Отрепьевыхъ.

Обычный пріемъ критики—обращаться къ свидѣтелямъ, которые могутъ знать истину и хотятъ ее высказать, и взаимно провѣрять такого рода показанія. До нѣкоторой степени это возможно и на счетъ личности Самозванца.

Въ январѣ 1605 года патріархъ Іовъ въ извѣстной своей грамотѣ впервые обличилъ Димитрія и назвалъ его Гришкою Отрепьевымъ. За патріархомъ стоялъ Борисъ Годуновъ. Это было оффиціальное мнѣніе московскаго правительства, торжественно обнародованное, обставленное подробностями о бѣгствѣ и жизни Самозванца, данное въ такихъ обстоятельствахъ, когда Годунову было чрезвычайно важно бросить въ народъ настоящее имя грозно наступающаго врага.

Н. И. Костомаровъ свыкся съ мыслью, что Димитрій былъ названъ Отрепьевымъ наугадъ. Надо было выставить опредѣленное имя; узнали, что сбѣжалъ какой-то Гришка Отрепьевъ,—такъ и назвали Самозванца. Но доказательства, приведенныя авторомъ, слабы, и принять ихъ нельзя. Онъ ссылается на посольство Смирного Отрепьева, дяди Гришки, который, будто бы, не смѣлъ заикнуться о своемъ племянникѣ въ Краковѣ. Такъ заявляли паны въ переговорахъ съ боярами послѣ воцаренія Шуйскаго, но ихъ показаніе ложно. Русская лѣтопись, папскій нунцій, семейство Отрепьевыхъ—утверждаютъ совершенно противоположное. Рангони положительно говоритъ, что Смирной требовалъ очной ставки и обѣщалъ признать Димитрія, если онъ истинный царевичъ, и обличить его, если онъ—Самозванецъ. Понятно, что поляки отшатнулись отъ такого договора: Смирного отпустили ни съ чѣмъ.

Напрасно указываютъ также на посольство Постника-Огарева. Въ новѣйшее время взялъ на себя эту задачу Е. Н. Щепкинъ, пользуясь новымъ и цѣннымъ, имъ найденнымъ, матеріаломъ[1]. Фактическая суть его розысканій такова. Огаревъ жаловался на Димитрія въ польскомъ сенатѣ. Его слова возбудили всеобщій интересъ, и отдавая от-

[1] Wer war Pseudodemetrius I? (Archiv für slavische Philologie, т. XX, стр. 264).

четъ о посольствѣ. Рангони пишетъ, что Димитрій—воръ, аріанинъ, колдунъ, отступникъ, сынъ сапожника; какіе-то датчане заявляютъ, что онъ—бывшій слуга архимандрита и сынъ писаря. Синдикъ Гансъ Кекербартъ отмѣчаетъ, что онъ—мужицкій сынъ, а другой безъименный свидѣтель дѣлаетъ изъ него »ein Diener eines Notarii des Archimetritas«. Замѣчательное разногласіе, а источникъ единственный и тотъ же самый: передаются постоянно яко бы рѣчи московскаго гонца. Изъ этого слѣдуетъ, что иностранцы запутались въ показаніяхъ Огарева; пожалуй, онъ самъ наговаривалъ на Димитрія,—вѣдь выдавали же его московскія грамоты единовременно за лютера, за католика и за жидовскаго поборника! Но чужіе промахи никакъ нельзя приписывать Годунову, тѣмъ болѣе, что въ наказѣ Огарева упоминается о Гришкѣ Отрепьевѣ безъ всякихъ оговорокъ. Къ слову сказать, черезчуръ поспѣшно другое заключеніе Е. Н. Щепкина, что настоящее имя Самозванца было Димитрій Реоровичъ.

Нѣтъ, Борисъ Годуновъ и всѣ его сторонники, въ Москвѣ и за границею, съ начала до конца, твердили только о Гришкѣ Отрепьевѣ. Ужъ если признавать мимолетное колебаніе у Бориса Годунова, то оно было совсѣмъ другого рода и выразилось въ письмѣ къ императору Рудольфу II. Буде названный Димитрій,—писалъ Годуновъ,—истинный сынъ Ивана Грознаго, то и въ этомъ

случаѣ онъ не имѣетъ права на престолъ, какъ рожденный внѣ брака. Здѣсь слышится тревожное настроеніе, проглядываетъ какая-то робость, которая, впрочемъ, скоро исчезаетъ. Напротивъ того, наказъ, данный войску подъ Кромами, не присягать вору, который называется Димитріемъ, ничего не доказываетъ. Князь Иванъ Голицынъ говорилъ, что такое неопредѣленное внушеніе озадачило войско, но на самомъ дѣлѣ московское правительство выражаться иначе не могло. Ему было, конечно, извѣстно, что при Димитріи находилось лицо, носившее имя Гришки Отпрепьева, и потому прямое указаніе на врага было неизбѣжно.

Однако, переворотъ совершился. Москва преклонилась предъ Димитріемъ, и онъ занялъ престолъ Мономаха. Немедленно возникаютъ крамолы, царскій вѣнецъ переходитъ отъ Димитрія къ Василію Шуйскому, отъ Василія Шуйскаго къ Михаилу Романову. При этомъ ведется ожесточенная партійная борьба, которую отчетливо изобразилъ С. Ѳ. Платоновъ въ своемъ превосходномъ трудѣ о Смутномъ времени [1]). Она же доставитъ намъ возможность провѣрки.

Царствованіе Димитрія было время тревожное. Изъ писемъ Чижовскаго и Лавицкаго видно, что заговоры начались очень скоро, вызывая кара-

[1]) Очерки по исторіи Смуты.

четъ о посольствѣ, Рангони пишетъ, что Димитрій—воръ, аріанинъ, колдунъ, отступникъ, сынъ сапожника; какіе-то датчане заявляютъ, что онъ — бывшій слуга архимандрита и сынъ писаря. Синдикъ Гансъ Кекербартъ отмѣчаетъ, что онъ—мужицкій сынъ, а другой безъименный свидѣтель дѣлаетъ изъ него «ein Diener eines Notarii des Archimetrita». Замѣчательное разногласіе, а источникъ единственный и тотъ же самый: передаются постоянно яко бы рѣчи московскаго гонца. Изъ этого слѣдуетъ, что иностранцы запутались въ показаніяхъ Огарева; пожалуй, онъ самъ наговаривалъ на Димитрія,—вѣдь выдавали же его московскія грамоты единовременно за лютера, за католика и за жидовскаго поборника! Но чужіе промахи никакъ нельзя приписывать Годунову, тѣмъ болѣе, что въ наказѣ Огарева упоминается о Гришкѣ Отрепьевѣ безъ всякихъ оговорокъ. Къ слову сказать, черезчуръ поспѣшно другое заключеніе Е. Н. Щепкина, что настоящее имя Самозванца было Димитрій Реоровичъ.

Нѣтъ, Борисъ Годуновъ и всѣ его сторонники, въ Москвѣ и за границею, съ начала до конца, твердили только о Гришкѣ Отрепьевѣ. Ужъ если признавать мимолетное колебаніе у Бориса Годунова, то оно было совсѣмъ другого рода и выразилось въ письмѣ къ императору Рудольфу II. Буде названный Димитрій,—писалъ Годуновъ,—истинный сынъ Ивана Грознаго, то и въ этомъ

случаѣ онъ не имѣетъ права на престолъ, какъ рожденный внѣ брака. Здѣсь слышится тревожное настроеніе, проглядываетъ какая-то робость, которая, впрочемъ, скоро исчезаетъ. Напротивъ того, наказъ, данный войску подъ Кромами, не присягать вору, который называется Димитріемъ, ничего не доказываетъ. Князь Иванъ Голицынъ говорилъ, что такое неопредѣленное внушеніе озадачило войско, но на самомъ дѣлѣ московское правительство выражаться иначе не могло. Ему было, конечно, извѣстно, что при Димитріи находилось лицо, носившее имя Гришки Отпрепьева, и потому прямое указаніе на врага было неизбѣжно.

Однако, переворотъ совершился. Москва преклонилась предъ Димитріемъ, и онъ занялъ престолъ Мономаха. Немедленно возникаютъ крамолы, царскій вѣнецъ переходитъ отъ Димитрія къ Василію Шуйскому, отъ Василія Шуйскаго къ Михаилу Романову. При этомъ ведется ожесточенная партійная борьба, которую отчетливо изобразилъ С. Ѳ. Платоновъ въ своемъ превосходномъ трудѣ о Смутномъ времени [1]). Она же доставитъ намъ возможность провѣрки.

Царствованіе Димитрія было время тревожное. Изъ писемъ Чижовскаго и Лавицкаго видно, что заговоры начались очень скоро, вызывая кара-

---

[1]) Очерки по исторіи Смуты.

тельныя мѣры. Уже въ февралѣ 1606 года свѣдущіе и опытные люди совѣтовали проѣзжимъ кармелитамъ отправиться поскорѣе въ Персію, потому что Димитрію не устоять противъ своихъ враговъ. А какъ созывались мятежники, какъ они сплочивались, подъ какимъ знаменемъ? Василій Шуйскій дважды возставалъ противъ Димитрія. О первой попыткѣ современники говорятъ глухо и не даютъ подробностей. Но во второй разъ, въ маѣ 1606 года, онъ уже открыто обличалъ самозванца Отрепьева. Конечно, на вѣроломнаго Шуйскаго положиться нельзя. Онъ, смотря по обстоятельствамъ, клятвенно утверждалъ то одно, то другое. Важно только то, что въ самый разгаръ московской анархіи, когда разбушевавшаяся чернь была на все готова, другой клички не нашлось, кромѣ Гришки Отрепьева.

По вступленіи на престолъ, Василій Шуйскій остался навсегда при своемъ мнѣніи, что названный Димитрій—не кто иной, какъ Гришка Отрепьевъ. Всевозможные источники были ему доступны, доказать самозванство Димитрія было для него необходимо, однакожъ другого имени онъ не выставилъ, а присвоилъ себѣ воззрѣніе Годунова. Вслѣдъ за нимъ всѣ оффиціальные доброхоты стали вторить тоже самое. Особенное вниманіе заслуживаетъ такъ называемый «Извѣтъ» Варлаама.

Варлаамъ знаетъ, и между русскими онъ почти

одинъ знаетъ, что Яковъ Пыхачевъ былъ казненъ въ Самборѣ. Это подтверждается письмомъ Юрія Мнишка къ нунцію Рангони; тѣмъ самымъ заявляется и компетентность знающаго такой фактъ. Варлаамъ разсказываетъ, что они втроемъ покинули родину: Гришка Отрепьевъ, Мисаилъ Повадинъ и онъ, и что первая ихъ остановка послѣ Кіева была въ Острогѣ. Это опять подтверждается вещественнымъ доказательствомъ: въ Загоровскомъ монастырѣ, на Волыни, хранится экземпляръ Василія Великаго, печатанный въ «друкарнѣ» острожской и данный, какъ свидѣтельствуетъ надпись, княземъ Константиномъ «Григорию з братею, съ Варлаамомъ, да Мисаиломъ». Позднѣйшая прибавка «царевичу московскому» не имѣетъ значенія и не колеблетъ выводовъ г. Добротворскаго, нашедшаго эту драгоцѣнную книгу [1]).

Наконецъ сравненіе «Извѣта» съ запиской Вишневецкаго еще болѣе освѣщаетъ вопросъ. Между ними есть знаменательное совпаденіе. Димитрій такъ описываетъ свой путь: Острогъ, Гоща, Брагинъ. Точно такъ же и въ томъ же порядкѣ Варлаамъ обозначаетъ Острогъ, Гощу и Брагинъ какъ поочередное мѣстопребываніе Димитрія. Невозможно предположить, что они заблаговременно сго-

---

[1]) Свѣдѣнія о книгѣ Василія Великаго. (Записки арх. Общества, С.-Петербургъ, т. II, стр. 56).

тельныя мѣры. Уже въ февралѣ 1606 года свѣдущіе и опытные люди совѣтовали проѣзжимъ кармелитамъ отправиться поскорѣе въ Персію, потому что Димитрію не устоять противъ своихъ враговъ. А какъ созывались мятежники, какъ они сплочивались, подъ какимъ знаменемъ? Василій Шуйскій дважды возставалъ противъ Димитрія. О первой попыткѣ современники говорятъ глухо и не даютъ подробностей. Но во второй разъ, въ маѣ 1606 года, онъ уже открыто обличалъ самозванца Отрепьева. Конечно, на вѣроломнаго Шуйскаго положиться нельзя. Онъ, смотря по обстоятельствамъ, клятвенно утверждалъ то одно, то другое. Важно только то, что въ самый разгаръ московской анархіи, когда разбушевавшаяся чернь была на все готова, другой клички не нашлось, кромѣ Гришки Отрепьева.

По вступленіи на престолъ, Василій Шуйскій остался навсегда при своемъ мнѣніи, что названный Димитрій—не кто иной, какъ Гришка Отрепьевъ. Всевозможные источники были ему доступны, доказать самозванство Димитрія было для него необходимо, однакожъ другого имени онъ не выставилъ, а присвоилъ себѣ воззрѣніе Годунова. Вслѣдъ за нимъ всѣ оффиціальные доброхоты стали вторить тоже самое. Особенное вниманіе заслуживаетъ такъ называемый «Извѣтъ» Варлаама.

Варлаамъ знаетъ, и между русскими онъ почти

одинъ знаетъ, что Яковъ Пыхачевъ былъ казненъ въ Самборѣ. Это подтверждается письмомъ Юрія Мнишка къ нунцію Рангони; тѣмъ самымъ заявляется и компетентность знающаго такой фактъ. Варлаамъ разсказываетъ, что они втроемъ покинули родину: Гришка Отрепьевъ, Мисаилъ Новадинъ и онъ, и что первая ихъ остановка послѣ Кіева была въ Острогѣ. Это опять подтверждается вещественнымъ доказательствомъ: въ Загоровскомъ монастырѣ, на Волыни, хранится экземпляръ Василія Великаго, печатанный въ «друкарнѣ» острожской и данный, какъ свидѣтельствуетъ надпись, княземъ Константиномъ «Григорию з братею, съ Варлаамомъ, да Мисаиломъ». Позднѣйшая прибавка «царевичу московскому» не имѣетъ значенія и не колеблетъ выводовъ г. Добротворскаго, нашедшаго эту драгоцѣнную книгу[1]).

Наконецъ сравненіе «Извѣта» съ запиской Вишневецкаго еще болѣе освѣщаетъ вопросъ. Между ними есть знаменательное совпаденіе. Димитрій такъ описываетъ свой путь: Острогъ, Гоща, Брагинъ. Точно такъ же и въ томъ же порядкѣ Варлаамъ обозначаетъ Острогъ, Гощу и Брагинъ какъ поочередное мѣстопребываніе Димитрія. Невозможно предположить, что они заблаговременно сго-

---

[1]) Свѣдѣнія о книгѣ Василія Великаго. (Записки арх. Общества, С.-Петербургъ, т. II, стр. 56).

ворились, а выходитъ такъ, что темный, переходный пунктъ въ исторіи Димитрія излагается у обоихъ одинаково. Можно сдѣлать слѣдующее заключеніе: лицо, коронованное въ Москвѣ въ 1605 году, тождественно съ лицомъ, бывшимъ въ Острогѣ, Гощѣ и Брагинѣ; но это послѣднее лицо тождественно съ Гришкою Отрепьевымъ: остается признать, что Димитрій тождественъ съ Отрепьевымъ.

Такое мнѣніе держалось во все время царствованія Василія Шуйскаго, и послѣ него, когда Романовы ужъ были на престолѣ, оно опять возобновлялось. Выдающимся представителемъ этого направленія является князь Иванъ Михайловичъ Катыревъ-Ростовскій. Современникъ смуты, человѣкъ родовитый, женатый въ первомъ бракѣ на дочери Ѳедора Никитича Романова, сосланный на воеводство въ Сибирь при Шуйскомъ, вернувшійся въ Москву въ 1613 году, привлеченный къ дѣламъ, часто бывавшій на царскихъ обѣдахъ, онъ находился въ самыхъ счастливыхъ условіяхъ, чтобъ вывести на свѣтъ истину. Его повѣсть,— какъ говоритъ С. Ѳ. Платоновъ, — «выдѣляясь изъ ряда современныхъ ей историческихъ повѣствованій своими литературными достоинствами, заставляетъ видѣть въ ея авторѣ талантливаго и образованнаго человѣка» [1]). Есть у него и значительная доля безпристрастія: онъ вообще не

[1]) Древнерусскія Сказанія, стр. 203, 216.

стремится проводить свои взгляды, но ставитъ себѣ задачей изображенiе событiй. Конечно, Бориса Годунова онъ не жалуетъ, но признаетъ его достоинства; Василiя Шуйскаго онъ не щадитъ, однакожъ и не обрушается на него. Только когда рѣчь заходитъ о «проклятомъ Растригѣ», онъ и по тону, и по содержанiю сближается съ прочими обличителями самозванства. Исторiю Димитрiя онъ изучилъ самостоятельно, у него есть кой-какiя черты, которыхъ нѣтъ у другихъ, но въ главномъ онъ придерживается завѣтнаго приговора, что Димитрiй—бѣглый монахъ, по имени Гришка Отрепьевъ.

Вслѣдствiе такой обстановки, ходячее между книжниками, оффицiальное мнѣнiе, подкрѣпленное церковной анаѳемой, глубоко вкоренилось въ народѣ. Въ этомъ отношенiи весьма поучителенъ документъ, недавно изданный Е. Н. Щепкинымъ [1]). Въ 1671 году семейство Отрепьевыхъ бьетъ челомъ царю Алексѣю Михайловичу. Они жалуются, что ихъ укоряютъ и поносятъ изъ-за Гришки Отрепьева, и это для нихъ тѣмъ обиднѣе, что они въ самозванствѣ совершенно неповинны, «ни къ какому воровству не приставали и въ измѣнѣ не бывали». Напротивъ, Смирной Елизарьевъ, сынъ Отрепьевъ, посланъ былъ въ Литву для обличенiя своего племянника, а потомъ, въ бытность Гришки на Москвѣ, все семейство было

1) Краткiя извѣстiя о Лжедимитрiи I, стр. 9.

изгнано въ сибирскіе города. И что-же? Отрепьевы просятъ разрѣшенія «писаться инымъ прозвищемъ», умоляютъ царя истребить «воровское Гришки Отрепьева ростриги проклятое имя», но отрекаться отъ Гришки имъ даже въ голову не приходитъ: не смотря на всѣ невзгоды, они признаютъ его своимъ родичемъ. Алексѣй Михайловичъ внялъ ихъ просьбѣ и дозволилъ имъ называться впредь Нелидовыми.

Изъ всего вышесказаннаго можно заключить, что рѣшительныхъ доводовъ противъ тождества Отрепьева съ Димитріемъ въ русскихъ источникахъ нѣтъ; а положительные доводы въ пользу этого тождества выдерживаютъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую провѣрку, именно потому, что всѣ московскія партіи, хотя и враждебныя между собой, единогласно выдаютъ Димитрія за Отрепьева. Обратимся теперь къ Польшѣ и къ полякамъ.

IV.

Признаніе Сигизмунда III. — Альвизъ Фоскарини и нунцій Симонетта. — Двѣ партіи при польскомъ дворѣ. — Голословное подтвержденіе Мнишка. — Двуличность Льва Сапѣги. — Его записки о Димитріи. — Сходство съ челобитной Отрепьевыхъ. — Янъ Рывоцкій.

Что думалъ о Димитріи польскій король Сигизмундъ III? Сначала онъ вѣроятно колебался, но уже въ іюлѣ 1606 года, послѣ того какъ разнеслась вѣсть о московскомъ погромѣ, онъ кате-

горически объявилъ венеціанскому послу Альвизу Фоскарини, что Димитрій не былъ ни сыномъ Ивана Грознаго, ни братомъ Ѳедора, ни царскимъ наслѣдникомъ. Конечно, при этомъ онъ себя самого обѣлялъ и сваливалъ всю вину на Мнишка и на своевольныхъ пановъ, которые, вопреки его увѣщеваніямъ, изъ корыстныхъ цѣлей водворили Самозванца въ Москвѣ[1]).

Въ 1608 году онъ еще подробнѣе объяснился съ папскимъ нунціемъ Франческо Симонетта. Это было наканунѣ московскаго похода. Король нуждался въ деньгахъ и разсчитывалъ на пособія съ римской стороны. Положеніе дѣлъ онъ такъ изображалъ: русскіе недовольны Шуйскимъ, какъ сперва они были недовольны Димитріемъ. Ихъ желаніе было бы возвести на престолъ королевича Владислава или же его отца. Объ этомъ ведутся неустанно переговоры, которые начались въ декабрѣ 1605 года и съ тѣхъ поръ никогда не прекращались. Уже тогда бояре тайкомъ жаловались на легкомысленнаго и расточительнаго Самозванца и положительно заявляли, что ему не удержаться на своемъ мѣстѣ. Сигизмундъ обѣщалъ нунцію вручить ему, для доставленія въ Римъ, подробную записку о московскихъ дѣлахъ[2]). Къ несчастію, королевскій документъ до

[1]) Венеція, Государственный Архивъ, Polonia, II.

[2]) Ватиканскій Архивъ, отдѣлъ Боргезе, II, 226, 1608, 6 декабря, депеша Симонетты.

сихъ поръ не отыскался. Онъ долженъ бы находиться между депешами Симонетты, бо́льшая часть которыхъ, мимоходомъ сказать, принадлежитъ князю Бонкомпаньи. Пока надо довольствоваться приведенными свѣдѣніями.

Около короля были двѣ партіи. Одна, хотя численно ничтожная, смѣло и громко признавала Димитрія московскимъ царевичемъ, но особыхъ доказательствъ, кромѣ доклада Вишневецкаго, двухъ-трехъ польскихъ и нѣсколькихъ московскихъ свидѣтелей, въ своемъ распоряженіи не имѣла. Отъ самаго виднаго дѣятеля этого кружка, воеводы Юрія Мнишка, дважды требовалось откровенное признаніе: разъ въ Москвѣ при боярскихъ переговорахъ 1608 года, другой разъ въ Варшавѣ, на сеймѣ 1611 года. Что онъ скрывалъ отъ русскихъ, то онъ могъ сказать полякамъ, и наоборотъ, но, не смотря на эти льготы, вопреки своимъ выгодамъ, къ немалому своему смущенію, онъ только голословно подтверждалъ свое убѣжденіе, но обезоружить назойливыхъ противниковъ, привести побѣдоносное доказательство не съумѣлъ. Бояре такъ и остались при томъ, что Димитрій былъ Гришка Отрепьевъ.

Но была другая партія, которая враждебно относилась къ Димитрію и чуяла недоброе въ его таинственной затѣѣ. Къ ней принадлежали, какъ выше было сказано, почти всѣ сенаторы; между прочими оба канцлера, польскій и литовскій, Янъ

Замойскій и Левъ Сапѣга. Замойскій шелъ прямымъ путемъ, съ презрѣніемъ смотрѣлъ на «господарчика», требовалъ его допроса, самъ вызывался на это дѣло, но умеръ, не дождавшись предвидѣнной имъ кровавой развязки. Иного рода были пріемы Сапѣги. Онъ кривилъ душой, говорилъ то одно, то другое; на брачномъ торжествѣ Марины онъ даже восхвалялъ Димитрія,—но это было только напоказъ; на дѣлѣ онъ думалъ иначе.

Левъ Сапѣга былъ человѣкъ недюжинный. Не имѣя высокаго умственнаго полета, которымъ отличался Замойскій, онъ все таки слылъ за государственнаго мужа. Обширныя юридическія знанія и неутомимая дѣятельность возвышали его надъ сверстниками. Хорошій знатокъ по этой части, Стефанъ Баторій, предсказывалъ ему заранѣе блестящую будущность. Въ русскихъ дѣлахъ онъ неоспоримо первенствовалъ. Въ его канцеляріи сосредоточивались дипломатическія сношенія съ Москвой и тайные доносы развѣдчиковъ. Извѣстно, что Сапѣга велъ переговоры на счетъ Димитрія съ Смирнымъ Отрепьевымъ и съ Постникомъ Огаревымъ. На сеймѣ 1605 года, когда дошла до него очередь, онъ съ рѣшимостью высказался противъ Димитрія и поддержки его вооруженной силой, и разсуждалъ при этомъ такъ: если Димитрій будетъ побѣжденъ, то намъ предстоитъ война съ Москвой; если же онъ будетъ побѣдителемъ, то намъ слѣдуетъ опасаться, чтобы онъ

не поступилъ съ поляками такъ, какъ поляки поступаютъ съ Годуновымъ. Сыномъ Ивана Грознаго Сапѣга его не признавалъ: истинный царевичъ взялся бы за дѣло иначе, говорилъ канцлеръ. Но кто онъ именно былъ? оставалось недоказаннымъ.

Полное освѣдомленіе о Димитріи относится къ позднѣйшей эпохѣ. Благодаря просвѣщенному содѣйствію С. А. Бѣлокурова, мнѣ удалось познакомиться въ Московскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ съ тремя записками Льва Сапѣги [1]). Написаны онѣ имъ собственноручно, во время московской войны, безъ обозначенія числа и года, адресованы на имя короля Сигизмунда III, и по своему содержанію должны считаться документами первостепенной важности въ исторіи Самозванца. Здѣсь особенно имѣется въ виду та записка, которая содержитъ наиболѣе данныхъ о Димитріи. Безъ всякихъ оговорокъ, Сапѣга просто примыкаетъ ко мнѣнію Годуновыхъ, Шуйскихъ и Романовыхъ. До того близко сходится съ ними литовскій канцлеръ, что можетъ показаться, будто онъ только передаетъ московскіе разсказы. Оно вѣроятно такъ и было, хотя есть признаки, что Сапѣга провѣрялъ и дополнялъ добытый матеріалъ. Напримѣръ, въ лицѣ Димитрія

[1]) Метрика В. К. Литовскаго, Сношенія Польши съ Россіею, 1554—1615, связка I.

онъ признаетъ Гришку Отрепьева, бывшимъ чернецомъ и діакономъ патріарха Іова, но настаиваетъ на томъ, что онъ былъ сынъ боярскій, а не изъ «подлаго дома». Онъ отмѣчаетъ, что еще передъ въѣздомъ въ Москву нѣкоторые бояре узнали Гришку въ пришломъ царевичѣ, и что этимъ довѣріе ихъ было подорвано. Поразительно сходство съ челобитной Отрепьевыхъ. Одинъ памятникъ писанъ во второмъ десяткѣ XVII столѣтія, другой—въ 1671 году, а оба изображаютъ тождественно отношенія Димитрія къ несчастному семейству; тѣ же пріемы, тѣ же гоненія, тѣ же ссылки. Тотъ самый Сапѣга, который нѣкогда отказывалъ Смирному въ очной ставкѣ съ Самозванцемъ, объявляетъ теперь, согласно съ челобитной, что Смирной былъ дядей Гришки, что онъ обличалъ въ Москвѣ самозванство племянника и много выстрадалъ изъ-за этого. Словомъ, польскій сановникъ, лучше всѣхъ знакомый съ московскими дѣлами, сознается передъ сеймомъ, что Димитрій не былъ царскимъ потомкомъ, а передъ королемъ — что онъ былъ бѣглый чернецъ Гришка Отрепьевъ. Панегиристъ Сапѣги, іезуитъ Янъ Рывоцкій, вмѣняетъ ему въ особую заслугу, что онъ не увлекся Самозванцемъ и предостерегъ своихъ соотечественниковъ[1]). По слѣдамъ канцлера пошли такіе писатели, какъ епископъ Лубинскій и іезуитъ Ростовскій.

---

[1]) Idea magni Herois seu illustr... D. D. Leo Sapieha.

Итакъ, важнѣйшій современный польскій источникъ вполнѣ подкрѣпляетъ московское мнѣніе о тождествѣ Димитрія и Гришки Отрепьева. Остается разобрать поведеніе самого Димитрія.

V.

Измѣненіе програмы въ Самборѣ.— Западно-польскія замашки.—Опасенія Димитрія.—Намѣченныя происшествія.— Неудовлетворительныя возраженія. — Дальнѣйшая задача критики.

Въ бытность свою при польскомъ дворѣ, Димитрій часто видался съ папскимъ нунціемъ Рангони и, не смотря на свою осторожность, до нѣкоторой степени, слегка и невольно, проговорился.

Уже въ Самборѣ Димитрій измѣнилъ свою программу; но измѣненную программу онъ открыто высказалъ только въ Краковѣ. Сперва дѣло представлялось очень просто: набрать казаковъ и татаръ и пуститься съ ними въ походъ противъ Москвы; о другомъ и помина не было. Такой планъ Сигизмундъ III, не знавшій подноготной работы, справедливо называлъ безуміемъ. Да и самъ Димитрій, сошедшись съ Вишневецкимъ и Мнишкомъ, сталъ домогаться польской помощи и намекать на церковные вопросы и на турецкую войну. Здѣсь бросаются въ глаза западнопольскія замашки на московской подкладкѣ.

Съ такими предложеніями и просьбами онъ приступалъ къ нунцію, жаловался ему на Замой-

скаго и на Константина Острожскаго, искалъ его заступничества и ходатайства при дворѣ. Въ апрѣлѣ 1604 года онъ уже очень торопился; ему казалось, что успѣхъ зависитъ отъ быстроты, и, чтобы убѣдить въ этомъ нунція, дѣлился съ нимъ своими опасеніями и надеждами.

Какъ это ни странно на первый взглядъ, но всего больше онъ страшился преждевременной смерти Бориса Годунова. Онъ сознавалъ, что правительство могло открыть его сторонниковъ, что они сами могли разочароваться и разойтись, но внезапное исчезновеніе Годунова тревожило его гораздо сильнѣе. Будь онъ тогда еще въ Польшѣ, далеко отъ Кремля, пожалуй, возведутъ на его мѣсто другого [1]. Какъ это случилось бы, какое право на престолъ имѣлъ бы «другой», этого онъ, конечно, не говорилъ, а, не вдаваясь въ подробности, упорно твердилъ, что всякая проволочка въ состояніи погубить его дѣло. Въ этихъ словахъ сквозитъ что-то неладное.

За то какія смѣлыя надежды воспламеняли его юношеское сердце! Только бы ему показаться на границѣ съ горстью вооруженныхъ людей, и вся Россія примкнетъ къ нему, и онъ достигнетъ Москвы, вступитъ въ кремлевскую святыню и возложитъ на себя бармы и шапку Мономаха. О своемъ вѣнчаніи на царство Димитрій говорилъ

[1]) Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, III, 90, b. л. 87.

съ несокрушимою увѣренностью, и, будучи католикомъ, задавался вопросомъ о соблюденіи обычнаго торжества, о причащеніи изъ рукъ патріарха, на что заранѣе просилъ разрѣшенія папы.

Рангони выслушивалъ всѣ эти рѣчи, добросовѣстно передавалъ ихъ въ Римъ, но какъ итальянецъ, мало знакомый съ условіями московской жизни, врядъ ли могъ въ нихъ разобраться и оцѣнить ихъ по достоинству. Намъ же признанія Димитрія представляются въ исторической перспективѣ, въ свѣтѣ совершившихся событій, чѣмъ и пріобрѣтаютъ для насъ громадное значеніе. Въ 1603 году у него намѣчены смерть Бориса Годунова, вступленіе въ Москву и вѣнчаніе на царство. Проходятъ два года, и все такъ и сбывается въ томъ же порядкѣ, съ причинной последовательностью. Первая побѣда ни къ чему не послужила Димитрію, а послѣ полнаго пораженія, какъ только скончался Годуновъ, ему открывается безпрепятственно дорога въ столицу, и, по слѣдамъ Бахметева, бояре скачутъ въ Путивль. Смерть Бориса совпадаетъ съ крутымъ поворотомъ въ судьбѣ Димитрія и имѣетъ рѣшающее значеніе. Правда, изъ сказаннаго ничего нельзя извлечь для опредѣленія личности Самозванца; однако позволительно заключить, что между нимъ и московскою знатью существовали близкія и тайныя сношенія. Не смотря на то, другого имени, кромѣ Гри-

шки Отрепьева, никогда никто изъ бояръ и не выставлялъ.

Самъ Димитрій зналъ, за кого его выдавали. Онъ былъ еще въ Польшѣ, когда Смирной обличалъ его въ Краковѣ, и вѣсти объ этомъ доходили до него. Что же онъ отвѣчалъ на позорящее обвиненіе? Нѣкоторое время онъ отдѣлывался молчаніемъ; потомъ, при допросѣ Петра Хрущова, онъ подсказалъ ему отвѣтъ, что Смирной вовсе не дядя царевича; былъ бы онъ дядей, то не быть ему въ почетѣ, а въ опалѣ, и весь бы домъ его искоренили по московскому обычаю. Такой косвенный отвѣтъ подозрителенъ и крайне недостаточенъ. Смирной вовсе не упоминалъ о родствѣ съ царевичемъ, а выдавалъ себя за дядю Гришки, на что никакого возраженія не послѣдовало.

Спустя болѣе чѣмъ годъ, Димитрій спохватился и позаботился о новомъ опроверженіи распространяемыхъ слуховъ. Въ Путивль привели лицо, носившее имя Гришки Отрепьева, въ доказательство напраслины, взводимой на Димитрія. Кто привелъ этого новаго свидѣтеля, самъ ли онъ явился къ Самозванцу, почему о немъ прежде не упоминалось? остается неизвѣстнымъ. Лѣтопись видитъ въ немъ услужливаго проходимца, принявшаго на себя въ данномъ случаѣ чужую кличку. Какъ относился къ нему Димитрій—трудно опредѣлить по скудости и шаткости извѣстій, особенно въ виду тѣхъ мѣропріятій, которымъ

подверглись патріархъ Іовъ и монахи Чудова монастыря.

Впрочемъ, эти подробности еще не вполнѣ выяснены. Дальнѣйшее ихъ освѣщеніе остается задачей исторической критики. Въ настоящее время можно только утверждать, что вѣское свидѣтельство Льва Сапѣги вполнѣ согласуется съ московскими преданіями, и что тождество Димитрія съ Гришкою Отрепьевымъ выдерживаетъ хоть нѣкоторую провѣрку.

МНИШКИ И БЕРНАРДИНЫ.

Доминиканцы и бернардины въ Самборѣ. — Связи Мнишка съ послѣдними, — Обновленіе церкви и монастыря. — Нравственная поддержка.—Благодарность бернардиновъ.— Семейныя торжества.—Отецъ Анзеринъ. — Его прошлое и орденская дѣятельность.—Встрѣча въ Самборѣ съ Димитріемъ.—Религіозныя пренія.—Полковой священникъ изъ бернардиновъ. — Духовный штатъ Марины. — Назначеніе семи бернардиновъ.—Іезуитъ Савицкій. - Его отношенія къ спутникамъ. — Причины большого числа духовенства.— Предчувствіе отца Анзерина. — Его письмо къ отцу Гавріилу.—Встрѣча въ городѣ Лубно.—Рѣчи Нагого и переправа чрезъ Днѣпръ.—Молчаніе о пребываніи въ Москвѣ.— Ссылка Анзерина въ Ярославль.—Его смерть.—Ленчицкій въ плѣну съ Олесницкимъ. — Переводъ Ботера. — Отецъ Антоній—неразлучный спутникъ Марины.—Разногласіе источниковъ.—Недостатокъ свѣдѣній.—Неизмѣнность взаимной дружбы.

Съ давнихъ временъ въ Самборѣ пребывали доминиканцы и бернардины: тѣ и другіе были вхожи у Сендомирскаго воеводы Юрія Мнишка. Маркеллъ Туркавскій нашелъ слѣды этихъ сноше-

нии въ мѣстныхъ архивахъ. Къ несчастію, скромный и добросовѣстный труженикъ не успѣлъ подѣлиться съ публикой своими разысканіями. Задуманное имъ обширное сочиненіе не появилось въ печати, а въ его статьяхъ о Димитріи и Маринѣ встрѣчаются только бѣглые намеки [1]). Отчасти ихъ можно однако пополнить.

Оказывается, что Мнишекъ особенно жаловалъ бернардиновъ: такъ называется въ Польшѣ отрасль францисканскаго ордена, принявшая реформу святаго Бернардина [2]). Основателемъ ихъ Самборскаго монастыря и церкви, посвященной Успенію Божіей Матери, былъ Янъ Одровонжъ въ концѣ XV вѣка. Такъ какъ эти постройки съ теченіемъ времени сильно пострадали и пришли въ упадокъ, то, въ 1585 году, Юрій Мнишекъ, бывшій къ тому же Самборскимъ старостою, совершенно ихъ обновилъ, назначивъ на предстоящія издержки доходы своего имѣнія Поляны. Эта усадьба существуетъ еще до сихъ поръ подъ тѣмъ же названіемъ, а доходами ея бернардины пользовались до самаго окончанія работъ, даже послѣ смерти Юрія Мнишка [3]).

[1]) Przegląd Lwowski. т. XXIII (1882), XXIV (1882), XXV [illegible]).

[2]) Въ Италіи ихъ зовутъ Osservanti въ отличіе отъ [illegible]uali.

[3]) [illegible]ynowski, Kronika Miasta Sambora, стр. 45.—Краковъ. [illegible] Чарторыжскихъ, Teka Naruszewicza, 105. л. 165. 167.

Не довольствуясь матеріальной поддержкой, Сендомирскій воевода оказывалъ и другого рода услуги своимъ возлюбленнымъ монахамъ. Ему даже удалось отмѣнить нѣкоторыя преобразованія, намѣченныя папою Павломъ V, и вслѣдствіе его домогательствъ, обычный орденскій строй остался нетронутымъ [1]). Въ свою очередь бернардины величали Мнишка своимъ величайшимъ благодѣтелемъ, подобнаго которому и прежде не было и впредь никогда не будетъ, занесли его имя на мраморную доску во Львовѣ, а память его щедротъ въ монастырскія лѣтописи. Будучи духовными отцами всего семейства, они соединялись съ нимъ тѣсными, неразрывными узами. Въ ихъ церкви совершались и радостныя и печальныя фамильныя торжества. Такъ, 19-го января 1603 года, Урсула, дочь воеводы, вѣнчалась въ ней съ княземъ Константиномъ Вишневецкимъ, при чемъ былъ пожертвованъ церкви бѣлый бархатный коверъ. Тамъ же, въ придѣлѣ святой Анны, похоронили, 16-го мая 1613 года, Юрія Мнишка вмѣстѣ съ единовременно скончавшимся сыномъ его Сигизмундомъ. Съ тѣхъ поръ, на внѣшній видъ многое измѣнилось. Въ 1786 году австрійское правительство завладѣло постройками бернардиновъ и помѣстило въ нихъ окружной судъ съ тюрьмой, сохранивъ неприкосновенной только верхнюю

---

[1]) Historica Russiae Monumenta, т. II, стр. 72, № LV.

ній въ мѣстныхъ архивахъ. Къ несчастію, скромный и добросовѣстный труженикъ не успѣлъ подѣлиться съ публикой своими разысканіями. Задуманное имъ обширное сочиненіе не появилось въ печати, а въ его статьяхъ о Димитріи и Маринѣ встрѣчаются только бѣглые намеки [1]). Отчасти ихъ можно однако пополнить.

Оказывается, что Мнишекъ особенно жаловалъ бернардиновъ: такъ называется въ Польшѣ отрасль францисканскаго ордена, принявшая реформу святаго Бернардина [2]). Основателемъ ихъ Самборскаго монастыря и церкви, посвященной Успенію Божіей Матери, былъ Янъ Одровонжъ въ концѣ XV вѣка. Такъ какъ эти постройки съ теченіемъ времени сильно пострадали и пришли въ упадокъ, то, въ 1585 году, Юрій Мнишекъ, бывшій къ тому же Самборскимъ старостою, совершенно ихъ обновилъ, назначивъ на предстоящія издержки доходы своего имѣнія Поляны. Эта усадьба существуетъ еще до сихъ поръ подъ тѣмъ же названіемъ, а доходами ея бернардины пользовались до самаго окончанія работъ, даже послѣ смерти Юрія Мнишка [3]).

---

[1]) Przegląd Lwowski, т. XXIII (1882), XXIV (1882), XXV (1883).

[2]) Въ Италіи ихъ зовутъ Osservanti въ отличіе отъ Conventuali.

[3]) Budzynowski, Kronika Miasta Sambora, стр. 45.—Краковъ, Музей Чарторыжскихъ, Тека Naruszewicza, 108, л. 165, 167.

Не довольствуясь матеріальной поддержкой, Сендомирскій воевода оказывалъ и другого рода услуги своимъ возлюбленнымъ монахамъ. Ему даже удалось отмѣнить нѣкоторыя преобразованія, намѣченныя папою Павломъ V, и вслѣдствіе его домогательствъ, обычный орденскій строй остался нетронутымъ [1]). Въ свою очередь бернардины величали Мнишка своимъ величайшимъ благодѣтелемъ, подобнаго которому и прежде не было и впредь никогда не будетъ, занесли его имя на мраморную доску во Львовѣ, а память его щедротъ въ монастырскія лѣтописи. Будучи духовными отцами всего семейства, они соединялись съ нимъ тѣсными, неразрывными узами. Въ ихъ церкви совершались и радостныя и печальныя фамильныя торжества. Такъ, 19-го января 1603 года, Урсула, дочь воеводы, вѣнчалась въ ней съ княземъ Константиномъ Вишневецкимъ, при чемъ былъ пожертвованъ церкви бѣлый бархатный коверъ. Тамъ же, въ придѣлѣ святой Анны, похоронили, 16-го мая 1613 года, Юрія Мнишка вмѣстѣ съ единовременно скончавшимся сыномъ его Сигизмундомъ. Съ тѣхъ поръ, на внѣшній видъ многое измѣнилось. Въ 1786 году австрійское правительство завладѣло постройками бернардиновъ и помѣстило въ нихъ окружной судъ съ тюрьмой, сохранивъ неприкосновенной только верхнюю

---

1) Historica Russiae Monumenta, т. II, стр. 72, № LV.

часть церкви и предназначивъ ее для богослуженія узниковъ[1]).

Въ началѣ XVII столѣтія между бернардинами особенно выдавался и близокъ былъ Мнишку Бенедиктъ Гонсіаръ или Гонсіарекъ, переименованный, по тогдашнему обычаю, на латинскій ладъ въ отца «Anserinus» для избѣжанія гусиныхъ намековъ. Родомъ былъ онъ изо Львова, гдѣ и получилъ первоначальное образованіе; обучался потомъ въ Краковской академіи, и въ 1575 году сдѣлался инокомъ въ Варшавѣ. Побывавъ за границей для усовершенствованія въ наукахъ, онъ пріѣхалъ въ Самборъ и былъ назначенъ 1585 года лекторомъ философіи, которая въ его орденѣ преподавалась по преданіямъ и въ духѣ святаго Бонавентуры и Дунсъ-Скотта. Два года спустя, ему пришлось отправиться въ Римъ для присутствія на генеральномъ капитулѣ, послѣ чего ему предоставили каѳедру богословія въ Краковѣ. Снискавъ общее уваженіе при отправленіи своихъ должностей, отецъ Анзеринъ удостоился выбора въ высшіе начальники всѣхъ польскихъ бернардиновъ. Цѣлое трехлѣтіе, отъ 1594 года до 1597, онъ исполнялъ свои новыя и сложныя обязанности съ неутомимою дѣятельностію. Ему вмѣня-

[1]) Самборъ, Архивъ Бернардиновъ, Acta, л. XXVII, 167.—Golichowski, Pamiątka... Jana z Dukli, стр. 6.—Wielewicki, Historici diarii domus professae Societatis Jesu Cracoviensis, т. II, стр. 119.—Budzynowski, стр. 46.

ютъ въ главную заслугу попеченіе о научномъ образованіи своихъ подчиненныхъ. Шестнадцать изъ нихъ, самыхъ талантливыхъ, онъ послалъ въ Виленскую академію, поручая ихъ іезуитамъ. Въ Люблинѣ по его же мысли завелись высшіе курсы для подготовки дѣльныхъ преподавателей. Вообще онъ вносилъ повсюду новую жизнь, истреблялъ безпощадно злоупотребленія, заботился о внѣшнемъ благоустройствѣ, и поступалъ такъ твердо и смѣло, что его прозвали орденскимъ Яномъ Замойскимъ. Свою должность онъ сложилъ въ урочное время, созвавъ для этого капитулъ въ Самборскій монастырь. Послѣ чего, окруженный почетомъ, онъ остался на всегда однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей своего ордена[1]).

Съ семействомъ Юрія Мнишка онъ познакомился, если не раньше, то конечно въ бытность свою лекторомъ въ Самборѣ. Въ концѣ 1603 года или началѣ 1604, когда князь Константинъ Вишневецкій представилъ своему тестю названнаго Димитрія, онъ находился тамъ же или нарочно призванный, или по собственной надобности. Каково было его мнѣніе о загодочномъ пришельцѣ положительно неизвѣстно, но такъ какъ онъ впослѣдствіи величалъ Димитрія царемъ, то вѣроятно и съ

---

[1]) Golichowski, Upominek... OO. Bernardynow, т. I, стр. 15, т. II, стр. 16.—Sadok Barącz, Pamiętnik Zakonu WW. OO. Bernardynow, стр. 50.

самаго начала соблазнился его разсказами и повѣрилъ ему на слово. Очень скоро начались религіозныя пренія съ Московскимъ царевичемъ. Въ нихъ участвовали мѣстный пробощъ Францишекъ Помаскій, отецъ Анзеринъ и самъ Юрій Мнишекъ[1]). Хотя до насъ и не дошло объ этомъ никакихъ подробностей, однако по всей обстановкѣ видно, что первенствующую роль игралъ почтенный бернардинъ. Онъ внушалъ довѣріе и характеромъ и ученостью; Помаскій служилъ какъ бы зачинщикомъ, а Мнишекъ довольствовался практическими намеками, ссылаясь на благочестіе бернардиновъ, и тѣмъ самымъ доказывая, что ихъ вѣра истинная. Однакожъ отреченіе Димитрія отъ православія не тогда состоялось, а нѣсколько позже и при другихъ условіяхъ.

Съ пріѣздомъ царевича въ Краковъ, бернардины какъ-то отступаютъ на второй планъ и даже совершенно стушевываются. Димитрій посѣщалъ ихъ церковь, но по дѣламъ совѣсти обращался, какъ извѣстно, къ папскому нунцію Рангони и къ іезуитамъ. Кончилось тѣмъ, что отецъ Савицкій присоединилъ его къ католической церкви.

Во время московскаго похода являются опять два іезуита въ качествѣ полковыхъ священниковъ, и пребываютъ неразлучно до самаго конца

---

[1]) Budzynowski, стр. 24.—Pierling, La Russie et le Saint-Siège, т. III, стр. 58.

при польскомъ отрядѣ. Изъ бернардиновъ былъ только одинъ, да и тотъ ничѣмъ себя не заявилъ, а вѣроятно уѣхалъ обратно въ Польшу вмѣстѣ съ Сендомирскимъ воеводой въ началѣ 1606 года[1]). До Москвы онъ, конечно, не добрался. Совсѣмъ иначе сложились обстоятельства, когда очередь дошла до юной дочери Мнишка.

Уже въ началѣ 1606 года, по поводу причащенія Марины въ день коронаціи, Юрій Мнишекъ совѣтовался не только съ іезуитомъ Савицкимъ, но и съ какимъ-то бернардиномъ, имя котораго умалчивается. При самомъ же отъѣздѣ Димитріевой невѣсты въ Москву съ отцомъ и роднею, семейныя предпочтенія наглядно выразились въ выборѣ духовнаго штата будущей царицы. Всѣ ея дѣтскія воспоминанія связывались съ бернардинскимъ монастыремъ; инокамъ того же ордена она повѣряла свои задушевныя тайны; вполнѣ понятно и естественно ея желаніе сохранить около себя на чужбинѣ обычныхъ друзей и наставниковъ: въ нихъ слышался отголосокъ домашняго очага и любимой отчизны. И такъ, для сопровожденія Марины были назначены семь бернардиновъ, изъ коихъ шесть священниковъ: Бенедиктъ Анзеринъ, уже знакомый читателямъ, Маріанъ Постенкольскій, Павелъ Ленчицкій, Францишекъ Остжешовскій, Андрей Радавецкій, Антонъ изъ

---

1) Darowski, Kraj, № 48, 1898.

Люблина, и одинъ простой инокъ, по имени Петръ, а по званію хирургъ[1]).

Бернардинамъ сопутствовалъ іезуитъ Савицкій, котораго Павелъ V посылалъ въ Москву, какъ перваго исповѣдника Димитрія, для дальнѣйшаго попеченія надъ своимъ духовнымъ сыномъ. Положеніе его было затруднительно: хотя онъ и уживался съ бернардинами, но обоюдная вѣжливость отзывалась условностью; онъ чувствовалъ себя незванымъ гостемъ, и ему казалось, что охотнѣе бы обошлись безъ него. Марина также отнеслась къ нему очень сдержанно. Только одинъ разъ, при самомъ въѣздѣ въ Москву, ему удалось поговорить съ ней на единѣ и выразить свои пожеланія и надежды[2]).

Значительное число духовныхъ особъ, сопровождавшихъ Марину, можетъ на первый взглядъ показаться страннымъ, тѣмъ болѣе, что между спутниками были еще другіе священники. Но надо вспомнить, что всѣхъ отъѣзжающихъ насчитывалось до двухъ тысячъ, да кромѣ того Мнишки имѣли, пожалуй, въ виду исполинскіе планы Димитрія и льготныя условія, на которыхъ Новго-

[1]) Teka Naruszewicza, № 108, л. 169.—Другой источникъ (Acta, л. 190) упоминаетъ только о шести бернардинахъ, вѣроятно потому что Павелъ Ленчицкій числился между спутниками Олесницкаго. Приводимое при этомъ бреве Климента VIII, кажется, не что иное какъ недоразумѣніе.

[2]) Wielewicki, т. II, стр. 119, 139.

родъ и Псковъ предоставлялись Маринѣ. «Вольно ей, писалъ царевичъ 25-го мая 1604 года, какъ ся ей полюбитъ, что въ своихъ прямыхъ удѣльныхъ государствахъ, монастыри и костелы ставити Римские, и Бискупы и попы Латынские, и школы поставляти и ихъ наполняти, какъ имъ впередъ жити... а попы свои себѣ держати сколько еі надобе, также набоженство своеи Римские вѣры держати безо всякие забороны, якожь и мы сами, з Божиею милостию, соединеніе сіе приняли; и станемъ о томъ накрепко промышляти, чтобъ все Государство Московское в одну вѣру Римскую всѣхъ привести, и костелыбъ Римские устроити» [1]). Для такой обширной задачи не хватило бы и цѣлыхъ сотень иноковъ и священниковъ.

Отъѣздъ изъ Самбора совершался безпечно и радостно. Ѣхали на свадьбу, на праздникъ, и предвидѣли только увеселенія[2]). Станиславъ Мнишекъ нанялъ двадцать музыкантовъ и взялъ съ собою италіянскаго шута. Даже бабушка Марины, престарѣлая панна Тарло, не побоялась отправиться съ внучкой въ дальній путь. Отцемъ Анзериномъ овладѣвало всётаки какое-то грустное предчувствіе, вернуться въ Польшу онъ не надѣялся[3]). Такъ и сбылось.

---

[1]) Собраніе Госуд. грамотъ, т. II, стр. 159, № 76.

[2]) Точно выражаясь, церковный бракъ уже былъ совершенъ въ Краковѣ, но современные памятники часто говорятъ о Московскомъ бракѣ.

[3]) Acta, л. 190.

Однако дорогой эти мрачныя мысли разсѣялись, на смѣну появились болѣе отрадныя впечатлѣнія. Въ историческомъ обращеніи имѣется письмо Анзерина къ своему начальнику, отцу Гавріилу, отъ конца апрѣля 1606-го года, начатое въ Смоленскѣ и оконченное послѣ выѣзда изъ Дорогобужа[1]). Въ немъ уже примѣтны другія вѣянія. По вступленію въ Московскія владѣнія немедленно начались чествованія. Въ городѣ Лубно ожидали царскую невѣсту Михайло Александровичъ Нагой и князь Василій Михайловичъ Мосальскій. Они вышли къ ней на встрѣчу и привѣтствовали прочувственными рѣчами. Первый ораторствовалъ словорчивый дядя Димитрія, бывшій когда-то «мертвецки пьянъ» въ Угличѣ, а теперь совершенно отрезвившійся. Онъ смотрѣлъ старичкомъ. Обратившись къ Маринѣ, благодарилъ онъ Бога за ея пріѣздъ, свидѣтельствовалъ нетерпѣніе Димитрія и радость бояръ по случаю брака съ полькой. Юрій Мнишекъ отвѣтилъ въ томъ же тонѣ вмѣсто дочери. Лично къ нему адресовался Мосальскій и, упомянувъ, что, милостью Божіею, Димитрій уже вѣнчался на царство, вспомнилъ о прежнихъ невзгодахъ и страданіяхъ, которымъ подвергался осиротѣвшій царевичъ, и изъ которыхъ выручилъ его сендомирскій воевода. «А те-

---

[1]) Przyjaciel Ludu (Leszno), т. I, стр. 168.—Гдѣ находится оригиналъ письма неизвѣстно.

перь, продолжалъ князь, минуя царствующіе домы, онъ выбралъ твою дочь себѣ въ невѣсты, и какъ ты нѣкогда былъ ему отцомъ и благодѣтелемъ, такъ онъ будетъ впредь тебѣ сыномъ и вѣчнымъ другомъ». Мнишекъ прослезился и снова сталъ выражать свою глубокую признательность.

Послѣ отдыха, когда пустились въ дорогу, новое очарованіе. Марина покатила въ Смоленскъ въ великолѣпныхъ саняхъ, обитыхъ краснымъ бархатомъ и соболями, съ золотымъ орломъ, съ серебряными бляхами, на двѣнадцати лошадяхъ въ запряжкѣ. За ней слѣдовали другія менѣе роскошно, но все-таки богато убранныя сани, въ которыхъ помѣстилась ея родня. Въ самомъ городѣ Мосальскій угостилъ польскихъ пановъ, и оказалъ всѣмъ и каждому такія почести, устроилъ такъ удачно свою пирушку, что заслужилъ всеобщее одобреніе.

Почетный и радушный пріемъ видимо подѣйствовалъ на Анзерина въ успокоительномъ смыслѣ. Даже несчастная переправа чрезъ Днѣпръ, гдѣ погибло нѣсколько поляковъ, не омрачила его настроенія. Онъ самъ очень побаивался и всё время читалъ эктеніи, но потомъ, вспоминая какъ его перевозили вмѣстѣ съ женскимъ штатомъ и намекая на счастливый исходъ и на евангельскій текстъ, шутливо говорилъ про себя: benedictus inter mulieres [1]). Въ началѣ мая, къ Духову дню, онъ надѣялся быть въ Москвѣ.

[1]) Благословенный между женами.

О пребываніи бернардиновъ въ русской столицѣ до майскаго погрома ничего не извѣстно. Сами они не оставили никакихъ свѣдѣній; въ уцѣлѣвшихъ письмахъ іезуитовъ о нихъ не упоминается; другіе памятники объ этомъ также умалчиваютъ. Пока Марина гостила въ Вознесенскомъ монастырѣ, Димитрій, для избѣжанія соблазна, не пускалъ къ ней латинскихъ священниковъ. Впослѣдствіи, когда она переселилась во дворецъ, подобнаго запрета, вѣроятно, уже не было, но это только предположеніе.

Послѣ убіенія Димитрія ихъ постигла та же участь какъ и многихъ другихъ поляковъ, однако никто изъ нихъ не поплатился жизнью. Отецъ Анзеринъ и братъ Петръ были сосланы въ Ярославль вмѣстѣ съ Сендомирскимъ воеводой, его дочерью и роднею. Тамъ, 6-го августа 1607 года, скончался Анзеринъ. Ему было не болѣе 62-хъ лѣтъ. Одинъ изъ присутствующихъ при его смерти, Діаментовскій, посвятилъ ему въ своемъ дневникѣ нѣсколько теплыхъ словъ, восхваляя его дѣятельное благочестіе и жалѣя о потерѣ глубокочтимаго пастыря. Когда ссыльные получили разрѣшеніе ѣхать обратно въ Польшу, братъ Петръ взялъ съ собою смертные останки отца Анзерина и привезъ ихъ для погребенія во Львовъ [1]).

[1]) Golichowski, Upominek, т. II, стр. 6.—Historica Russiae Monumenta, т. II, стр. 192.

Павелъ Ленчицкій остался при королевскомъ послѣ Николаѣ Олесницкимъ, на службѣ у котораго онъ, кажется, состоялъ и прежде. Грустно было положеніе поляковъ въ московскомъ плѣну: они томились бездѣйствіемъ. Къ счастію у нихъ нашелся экземпляръ географіи Ботера. И вотъ, по совѣту Олесницкаго, отецъ Павелъ принялся за переводъ этой тяжеловѣсной книги съ итальянскаго языка на польскій. Работа закипѣла. Въ ней участвовали всѣ плѣнные, кто читалъ, кто списывалъ, кто выучивалъ наизусть цѣлые отрывки. По возращенію въ Польшу переводъ былъ напечатанъ съ посвященіемъ первой части Олесницкому, а послѣдней—Павлу Мнишку. Онъ выдержалъ три изданія[1]).

Объ Антоніи изъ Люблина сохранилось между бернардинами преданіе, что онъ сдѣлался неразлучнымъ спутникомъ Марины, оставаясь при ней до самой смерти, а роковой день для обоихъ былъ одинъ и тотъ же. Въ современныхъ памятникахъ есть одинаковаго рода намёки. Такъ въ журналѣ Краковскаго нунція Рангони значится, что бракъ Марины съ Лжедимитріемъ II совершился въ Тушинѣ при участіи бернардинскаго монаха[2]). По русскимъ источникамъ, когда несчастную, во второй разъ овдовѣвшую, скиталицу взяли въ плѣнъ

---

[1]) Sadok Barącz, стр. 241.

[2]) Ватиканскій Архивъ, отдѣлъ Боргезе, IV, 274, л. 95 v.

вмѣстѣ съ Заруцкимъ, то съ ними находился чернецъ Николай [1]). Очень можетъ быть, что чернецъ Николай былъ никто иной какъ отецъ Антоній. Впрочемъ всѣмъ извѣстно, что объ окончательной судьбѣ Марины существуютъ разнорѣчивыя показанія. Между бернардинами держался слухъ, что ее, послѣ плѣненія, сейчасъ же утопили, а также и отца Антонія. Однако положительныхъ доказательствъ не имѣется. Напротивъ, что касается по крайней мѣрѣ до сына Марины, то онъ, по утвержденію Ростовскаго, воспитывался у iезуитовъ въ Вильнѣ и пользовался покровительствомъ Льва Сапѣги и короля Сигизмунда III [2]).

За исключеніемъ Анзерина и Антонія, всѣ прочіе бернардины, подобно отцу Павлу и брату Петру, вернулись въ Польшу. Можно пожалѣть, что никто изъ нихъ не оставилъ обстоятельнаго разсказа объ этихъ происшествіяхъ. Очень странно также, что въ Самборской рукописи недостаютъ именно тѣ листы, гдѣ вѣроятно содержалось коечто о Маринѣ. Полагаютъ, что они были вырваны, но кѣмъ, когда и съ какою цѣлью—остается неразвѣданнымъ.

Пребываніе бернардиновъ въ Москвѣ было такъ кратко, что прошло совершенно безслѣдно. Для характеристики Марины и ея отца важно то обстоя-

---

1) Акты Историческіе, т. III, стр. 23, № 23.

2) Rostowski, Lituanicarum Societatis Jesu Historiarum Libri decem (изданіе И. М. Мартынова), стр. 284.

тельство, что все семейство было въ постоянныхъ и короткихъ сношеніяхъ съ бернардинами, находилось подъ ихъ руководствомъ и такимъ образомъ проникалось ихъ духомъ. По возвращенію изъ похода, въ началѣ 1605 года, Мнишекъ передалъ имъ Московское, шитое золотомъ, знамя, а въ 1609 году Марина выслала имъ серебряныя паникадила изящной работы[1]). Взаимная дружба оставалась неизмѣнной и переживала всѣ превратности судьбы.

---

[1]) Acta, л. III.

ДИМИТРІЙ И КАРМЕЛИТЫ.

Кармелиты проѣздомъ въ Москвѣ. — Историческая справка.—Задуманная миссія въ Персіи.—Миссіонеры изъ кармелитовъ.—Аудіенція у Климента VIII.—Избраніе московскаго пути.—Пріемъ въ Польшѣ. — Задержка на русской границѣ.—Возвращеніе въ Варшаву. — Впечатлѣнія отца Павла.—Его колебанія.—Поворотъ событій.—Новыя предписанія.—Письма кардинала Санъ-Джоржіо.—Выѣздъ изъ Варшавы.—Пребываніе въ Смоленскѣ. — Сношенія съ Димитріемъ въ Москвѣ.—Опасенія кармелитовъ.—Спѣшный отъѣздъ.—Притѣсненія въ Казани.—Отбытіе въ Персію съ Ромодановскимъ. — Зимовка въ Царицынѣ. — Встрѣча съ Самозванцемъ.—Достиженіе мѣстоназначенія.

Въ царствованіе Димитрія, въ 1606 году, кармелитскіе миссіонеры, проѣздомъ въ Персію, остановились въ Москвѣ и пробыли тамъ около трехъ мѣсяцевъ. Это извѣстіе переливается изъ одной книги въ другую съ обычной ссылкою на Акты Тургенева, но до сихъ поръ никто, кажется, не навелъ дальнѣйшихъ справокъ. Между тѣмъ въ исторіи кармелитскаго ордена, въ перепискѣ кар-

динала Санъ-Джоржіо, изданной его секретаремъ Ванноцци, и, наконецъ, въ римскихъ архивахъ есть цѣнныя подробности, которыя нѣсколько ярче освѣщаютъ этотъ фактъ. Для русскаго историка главный интересъ сосредоточивается на отношеніяхъ Димитрія къ представителямъ западнаго монашества и на впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ послѣдними изъ Кремля. Кармелиты находились въ Москвѣ случайно. Предвзятыхъ мнѣній и партійныхъ интересовъ у нихъ не было. Они искренно передавали то, что видѣли и слышали безъ дальнѣйшаго разсчета, хотя съ не малою долею оптимизма.

Начало дѣла было таково: въ первыхъ годахъ XVII столѣтія, вслѣдствіе успѣшной борьбы Аббаса I противъ турокъ и его сближенія съ Европейскими державами, возникла въ Ватиканѣ мысль объ учрежденіи католической миссіи въ Персіи. Она послужила бы для распространенія христіанской вѣры и для скрѣпленія общаго анти-оттоманскаго союза. Въ 1601 году посланы были въ Испагань, какъ бы развѣдчиками, Францискъ Коста изъ духовнаго званія и донъ Діего Енрикезъ Миранда[1]). Не дождавшись ихъ возвращенія, Климентъ VIII возложилъ дальнѣйшее исполненіе задуманнаго плана между прочимъ и на

[1]) Ватиканскій архивъ, Istruttioni, т. III, л. 238: Istruttione data a di 28 febraro 1601 da Clemente VIII.

кармелитовъ, которые именно въ то время предлагали свои услуги римскому престолу. Немедленно были назначены для отъѣзда въ Персію три выдающіяся личности: отецъ Павелъ изъ знатной генуэзской фамиліи Риварола, будущій начальникъ всего ордена; отецъ Иванъ, испанецъ, умершій Испаганскимъ епископомъ; отецъ Викентій, также испанецъ, впослѣдствіи не разъ исполнявшій важныя порученія на Востокѣ. Къ нимъ присоединились простой монахъ, братъ Иванъ, уроженецъ Умбріи, и міряниңъ, Францискъ Ріолидъ Перальта. Послѣдній былъ родовитый испанецъ, опытный въ военномъ дѣлѣ, и готовый на всякаго рода услуги. Необходимыя для предпріятія средства очень кстати пожертвовалъ неаполитанскій баронъ Чимини. На прощальной аудіенціи, Климентъ VIII поставилъ миссію подъ покровительство святыхъ апостоловъ Симеона и Ѳаддея и прозвалъ отца Павла Павломъ-Симеономъ, а отца Ивана Иваномъ-Ѳаддеемъ[1]).

Послѣ этихъ приготовленій первый вопросъ, который самъ напрашивался, касался избранія удобнѣйшаго пути въ Персію. Рѣшили отправиться чрезъ Московію, какъ тогда говорилось, по слѣдамъ Косты и Миранды. При этомъ не

[1]) Historia generalis Fratrum Discalceatorum Ordinis Virginis Mariae de Monte Carmelo, т. II, стр. 32—71, 93—95, 134—170.

воспользовались грамотами, данными нѣкогда Поссевину Иваномъ Грознымъ и дозволяющими свободный въѣздъ въ Россію папскимъ представителямъ[1]. Забыли также, что въ Москвѣ царствовалъ Борисъ Годуновъ и, 30-го іюня 1604 года, адресовали посланіе на имя давно почившаго царя Ѳедора[2]. Кромѣ того, Климентъ VIII снабдилъ миссіонеровъ письмами къ нунціямъ, епископамъ, и даже къ императору и польскому королю.

Благодаря такой обстановкѣ, нашимъ путешественникамъ оказывался повсюду самый милостивый пріемъ. Нунцій Феррера чествовалъ ихъ въ Прагѣ и представилъ Рудольфу II, который ихъ письменно отрекомендовалъ Борису Годунову и шаху Аббасу. Еще болѣе имъ посчастливилось въ Краковѣ. Кардиналъ Мацѣіовскій и нунцій Рангони взяли ихъ на свое попеченіе. Сигизмундъ III оказалъ особую благосклонность и заботливость. Дважды, 31-го августа и 1-го сентября 1604 года, онъ обращался къ литовскому канцлеру, хлопоталъ о безпрепятственномъ пропускѣ въ Москву, объ удобствахъ путешествія, о проводникахъ до персидской границы, совѣтовалъ сложить орденскую рясу и вообще отка-

---

[1]) Ватиканскій архивъ, Germania, XCIII, л. 420.

[2]) Historia generalis, т. II, стр. 53. Перепечатано у Тургенева, Historica Russiae Monumenta, т. II, стр. 55, № XXXIII.

заться отъ всѣхъ внѣшнихъ отличій [1]). Левъ Сапѣга отнесся съ большимъ усердіемъ къ королевскимъ желаніямъ. Кармелиты навѣстили его въ Иказни. Онъ принялъ ихъ ласково, писалъ о нихъ Годунову и, не дождавшись отвѣта, въ началѣ декабря 1604 года, отправилъ ихъ въ Оршу съ своимъ гонцомъ Матвѣемъ Нѣроновскимъ. Но услышавъ дорогой, что тамъ будто бы свирѣпствуетъ моровая язва, кармелиты предпочли направиться въ Невель, къ сѣверу отъ Витебска [2]).

Обстоятельства сложились для нихъ крайне неблагопріятно. Они думали тишкомъ пробраться чрезъ границу, а потомъ объясниться въ Москвѣ съ Годуновымъ и вручить ему папское посланіе, гдѣ уже было вставлено его имя вмѣсто Ѳедорова. Эта затѣя не удалась. Вѣсти о Димитріи волновали весь край, и безъ особаго разрѣшенія никто не пропускался. Гонецъ выдавалъ кармелитовъ за лично его сопровождавшихъ священниковъ, умалчивая объ ихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ. Невельскій воевода, Михаилъ Ивановъ, задержалъ ихъ недалеко отъ города и сталъ собирать о нихъ

---

1) Archiwum Domu Sapiehów, т. I, стр. 428, № 527, стр. 429, № 528, стр. 441, № 540. — Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, III, 90, b, л. 221, 1604, 4-го сентября, Рангони кардиналу Альдобрандини.

2) Римъ, Архивъ кармелитовъ, письмо отца Павла 29-го ноября 1604 года. - Historia generalis, т. II, стр. 57 и слѣдующія.

свѣдѣнія. Истина очень скоро обнаружилась, и онъ послалъ докладъ въ Новгородъ, гдѣ воеводствовалъ князь Василій Ивановъ Буйносовъ Ростовскій. Этотъ докладъ дошелъ, кажется, до Годунова. Недѣли черезъ двѣ кармелиты получили длинное письмо отъ Невельскаго воеводы, помѣченное 10-мъ (20-мъ) числомъ декабря, содержаніе котораго ихъ мало обрадовало. Изложивъ обстоятельства дѣла, Михаилъ Ивановъ горько жаловался на Сигизмунда за войну въ мирное время и за поддержку, оказанную Димитрію, о которомъ всѣ знаютъ, говорилъ онъ, что это не Димитрій Углицкій, а бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ. Въ заключеніе кармелитамъ не дозволяли переѣздъ чрезъ польскую границу, но предлагали отправиться въ Иваньгородъ или въ Архангельскъ, оттуда ихъ препроводили бы въ Москву. Таковъ былъ обычай: изъ непріятельскаго края прямо въ Россію никого не пускали, надо было пройти чрезъ дружескія земли. Кармелиты не согласились на слишкомъ длинный обходъ и вернулись въ Варшаву.

Тѣмъ не менѣе отецъ Павелъ остался вполнѣ доволенъ своею, хотя и неудавшейся, поѣздкой. Со мной обходились хорошо, писалъ онъ въ Римъ, не по моимъ, грѣшнаго человѣка, заслугамъ. Ежедневно онъ читалъ обѣдню, въ присутствіи русскихъ, изъявлявшихъ сочувствіе. Многіе приходили посмотрѣть на заморскихъ гостей и поди-

виться. Нѣкоторые вступали въ разговоръ посредствомъ переводчика и желали чему-нибудь научиться. Такъ, по крайней мѣрѣ, пишетъ отецъ Павелъ, если это только не простое недоразумѣніе. Вообще, неопытному итальянцу все представлялось въ увлекательномъ видѣ. Онъ уже мечталъ о церковномъ единеніи и съ горяча составилъ записку о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ «московитами, рутенами и греками». Житомірскій епископъ Гомолинскій одобрилъ ее, и она предназначалась для представленія митрополиту Ипатію Поцѣю.

О Димитріи отецъ Павелъ сообщалъ 23-го января 1605 года, что у него тридцати тысячное войско, что онъ завоевалъ Сѣверщину, что русскіе и поляки стекаются подъ его знамя. Отъ сейма, засѣдавшаго тогда въ Варшавѣ, нашъ миссіонеръ ожидалъ явную поддержку Димитрію, въ чемъ, однако, жестоко ошибся. Замѣчательно, что уже 22-го января королевскій секретарь извѣщалъ его о болѣзни Годунова[1]).

Мѣсяцъ спустя, 26-го февраля, съ лучшимъ знакомствомъ положенія дѣлъ, прежняя его увѣренность нѣсколько пошатнулась. Самые противоположные слухи носились по городу, противники

---

[1]) Римъ, Архивъ кармелитовъ. Другое письмо того же числа въ архивѣ князя Доріа-Памфили, отдѣлъ Альдобрандини, 7.

Димитрія говорили, что онъ пропалъ, сторонники утверждали, что онъ скоро будетъ въ Кремлѣ. Вслѣдствіе этого, отцу Павлу давали разнорѣчивые совѣты: кто внушалъ ему ѣхать въ Москву, кто предупреждалъ объ опасности. Самъ же онъ склонялся къ проѣзду чрезъ Татарію[1]).

Всѣ эти колебанія разрѣшились крутымъ поворотомъ событій. Димитрій окончательно восторжествовалъ, на него возлагались большія надежды. Вернувшись въ Краковъ, кармелиты получили новое посланіе отъ Павла V на имя Димитрія, помѣченное 21-мъ іюля 1605 года, съ указаніемъ отправиться въ Персію черезъ Москву[2]). Чрезвычайно назидательна переписка по этому поводу между отцомъ Павломъ и кардиналомъ Санъ-Джорджіо. До насъ дошли только семь писемъ послѣдняго, изъ которыхъ видно, что, получая хорошія извѣстія о Димитріи, онъ не только радовался, но просто восторгался. Издали все ему представлялось въ какомъ-то чудесномъ видѣ; онъ преклонился предъ Божіемъ промысломъ, и сейчасъ же возмечталъ о дружбѣ Москвы съ Польшей, о крестовомъ походѣ и о соединеніи церквей. Со слезами на глазахъ, онъ читалъ пожеланія королевскаго секретаря о долголѣтіи но-

---

[1]) Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, III, 90, с., л. 64.

[2]) Bullarium Carmelitarum, pars tertia, Romae, 1768, стр. 361. Перепечатано у Тургенева, т. II, стр. 59, № XXXVIII.

ваго царя на пользу церкви и во славу Всевышняго[1]).

Кармелиты охотно повиновались римскимъ предписаніямъ. Рѣшено было, что они отправятся вмѣстѣ съ племянникомъ краковскаго нунція, графомъ Александромъ Рангони, который ѣхалъ въ Москву отъ имени Павла V и везъ Димитрію рыцарскіе доспѣхи роскошной итальянской работы[2]). Неизвѣстно какого именно числа выѣхали кармелиты. Рангони покинулъ Краковъ 2-го октября. Вмѣстѣ они вступили въ Московію 30-го ноября. Для ихъ пріема все было заранѣе приготовлено: не то, что при Годуновѣ. Стрѣлецкій отрядъ пришелъ имъ на встрѣчу и проводилъ до Смоленска, гдѣ они почему-то замѣшкались цѣлый мѣсяцъ и отпраздновали Рождество Христово. Александръ Рангони отпустилъ ихъ однихъ, а самъ выслалъ только повѣреннаго въ Москву. Кармелиты, ничего не знавшіе о пререканіяхъ нунція съ Римомъ, предполагали, что онъ опасался новыхъ козней въ родѣ заговора Василія Шуйскаго.

О пребываніи миссіонеровъ въ Москвѣ имѣются

---

[1]) Delle lettere miscellanee del Sig. Bonifatio Vannozzi, т. II, стр. 238—241. Та же книга появилась потомъ подъ заглавіемъ Teatro di Segretaria.

[2]) Equitis armati vestes et ornamenta... operis italici pretiosissima, говоритъ Historia generalis, стр. 85. Любопытно было бы навести справку, не находятся-ли эти доспѣхи въ Оружейной палатѣ?

скудныя, но тѣмъ не менѣе важныя извѣстія. Помѣстились кармелиты у іезуитовъ, у которыхъ гостили и въ Полоцкѣ; вмѣстѣ съ ними переѣхали въ новое помѣщеніе, данное Димитріемъ. Дважды упоминаетъ о нихъ отецъ Николай Чижовскій въ дошедшихъ до насъ письмахъ, но кратко и мимоходомъ. Въ томъ, что Димитрій принялъ ихъ очень милостиво, нѣтъ никакого сомнѣнія. Это подтверждается и царскимъ письмомъ къ папѣ отъ 17-го февраля 1605 года[1]) и свидѣтельствомъ кармелитовъ. Они передаютъ, что ихъ хотѣли даже задержать на всегда въ Москвѣ.

Но, посланные въ Персію, миссіонеры не могли перемѣнить самовольно своего назначенія. Димитрій это понялъ и, согласившись на отъѣздъ, далъ имъ на выборъ двоякій способъ: или отправиться немедленно съ персидскимъ посломъ[2]), который возвращался изъ Праги, или провести Пасху въ Москвѣ и чрезъ три, четыре недѣли ѣхать вмѣстѣ съ русскимъ посломъ въ Персію. При этомъ онъ обѣщалъ продовольствіе и всякаго рода уходъ. Кармелиты посовѣтовались между собой, съ другими свѣдущими лицами и положили ѣхать немедленно. Спѣшили они главнымъ образомъ потому, что положеніе Димитрія казалось шаткимъ и непрочнымъ. Заговоры про-

---

[1]) Pierling, Rome et Démétrius, факсимиле письма Димитрія къ Павлу V.

[2]) Этого посла кармелиты называютъ Зениль-Камбей.

ваго царя на пользу церкви и во славу Всевышняго[1]).

Кармелиты охотно повиновались римскимъ предписаніямъ. Рѣшено было, что они отправятся вмѣстѣ съ племянникомъ краковскаго нунція, графомъ Александромъ Рангони, который ѣхалъ въ Москву отъ имени Павла V и везъ Димитрію рыцарскіе доспѣхи роскошной итальянской работы[2]). Неизвѣстно какого именно числа выѣхали кармелиты. Рангони покинулъ Краковъ 2-го октября. Вмѣстѣ они вступили въ Московію 30-го ноября. Для ихъ пріема все было заранѣе приготовлено: не то, что при Годуновѣ. Стрѣлецкій отрядъ пришелъ имъ на встрѣчу и проводилъ до Смоленска, гдѣ они почему-то замѣшкались цѣлый мѣсяцъ и отпраздновали Рождество Христово. Александръ Рангони отпустилъ ихъ однихъ, а самъ выслалъ только повѣреннаго въ Москву. Кармелиты, ничего не знавшіе о пререканіяхъ нунція съ Римомъ, предполагали, что онъ опасался новыхъ козней въ родѣ заговора Василія Шуйскаго.

О пребываніи миссіонеровъ въ Москвѣ имѣются

---

[1]) Delle lettere miscellanee del Sig. Bonifatio Vannozzi, т. II, стр. 238—241. Та же книга появилась потомъ подъ заглавіемъ Teatro di Segretaria.

[2]) Equitis armati vestes et ornamenta... operis italici pretiosissima, говоритъ Historia generalis, стр. 35. Любопытно было бы навести справку, не находятся-ли эти доспѣхи въ Оружейной палатѣ?

скудныя, но тѣмъ не менѣе важныя извѣстія. Помѣстились кармелиты у іезуитовъ, у которыхъ гостили и въ Полоцкѣ; вмѣстѣ съ ними переѣхали въ новое помѣщеніе, данное Димитріемъ. Дважды упоминаетъ о нихъ отецъ Николай Чижовскій въ дошедшихъ до насъ письмахъ, но кратко и мимоходомъ. Въ томъ, что Димитрій принялъ ихъ очень милостиво, нѣтъ никакого сомнѣнія. Это подтверждается и царскимъ письмомъ къ папѣ отъ 17-го февраля 1605 года[1]) и свидѣтельствомъ кармелитовъ. Они передаютъ, что ихъ хотѣли даже задержать на всегда въ Москвѣ.

Но, посланные въ Персію, миссіонеры не могли перемѣнить самовольно своего назначенія. Димитрій это понялъ и, согласившись на отъѣздъ, далъ имъ на выборъ двоякій способъ: или отправиться немедленно съ персидскимъ посломъ[2]), который возвращался изъ Праги, или провести Пасху въ Москвѣ и чрезъ три, четыре недѣли ѣхать вмѣстѣ съ русскимъ посломъ въ Персію. При этомъ онъ обѣщалъ продовольствіе и всякаго рода уходъ. Кармелиты посовѣтовались между собой, съ другими свѣдущими лицами и положили ѣхать немедленно. Спѣшили они главнымъ образомъ потому, что положеніе Димитрія казалось шаткимъ и непрочнымъ. Заговоры про-

[1]) Pierling, Rome et Démétrius, факсимиле письма Димитрія къ Павлу V.

[2]) Этого посла кармелиты называютъ Зениль-Камбей.

тивъ него не прекращались; люди опытные предвидѣли, что ему не устоять, что его сведуть съ престола, что онъ погибнетъ. Такъ передаетъ впечатлѣнія кармелитовъ исторія ордена, не вдаваясь въ подробности и не называя никого по имени [1].

Однакожъ, миссіонеры отбыли не въ началѣ марта, какъ желали, но 22-го числа того же мѣсяца въ сопровожденіи неизбѣжнаго пристава, персидскаго посла и четырехъ переводчиковъ. Димитрій снабдилъ ихъ соболями, отъ которыхъ отецъ Павелъ отказался, написавъ царю витіеватое письмо съ просьбою о возобновленіи проѣздныхъ грамотъ Ивана Грознаго [2]). Съ начала все пошло благополучно. Путешественники провели Свѣтлое Воскресеніе въ Нижнемъ-Новгородѣ и достигли безпрепятственно Казани.

Нѣкогда гордая столица татарскаго царства находилась теперь въ московской власти. Воеводой былъ, по словамъ кармелитовъ, братъ валахскаго господаря, посѣтившій когда-то Римъ и бѣжавшій потомъ въ Россію, спасаясь отъ преслѣдованій турокъ. Исполняя полученныя изъ Москвы приказанія, онъ далъ кармелитамъ удобное помѣщеніе и предложилъ свои услуги. Казалось, чего бы лучшаго желать? Но пришло извѣ-

---

[1]) Historia generalis, т. II, стр. 140.

[2]) Тамъ же, стр. 141.

стіе о майскомъ переворотѣ и внезапно все перемѣнилось.

Казанскій воевода перешелъ на сторону Василія Шуйскаго и сталъ приводить своихъ подчиненныхъ къ присягѣ. Въ городѣ ходилъ слухъ, что коноводами и зачинщиками заговора противъ Димитрія были именно тотъ же Василій Шуйскій, да астраханскій епископъ Өеодосій. Пришли посланія изъ Москвы съ обличеніемъ Самозванца: ему ставили въ укоръ сношенія съ Римомъ и потворство латинянамъ. Тѣмъ самымъ положеніе кармелитовъ сдѣлалось очень щекотливымъ. Прежняя любезность воеводы исчезла; онъ чуялъ недоброе и остерегался. Въ самомъ дѣлѣ вскорѣ подоспѣлъ указъ изъ Москвы о задержаніи кармелитовъ въ Казани.

Вслѣдствіе этого завязалась переписка между отцомъ Павломъ и Шуйскимъ. Кончилось тѣмъ, что миссіонерамъ удалось выѣхать 24-го іюля 1606 года вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Петровичемъ Ромодановскимъ, котораго Василій Шуйскій посылалъ въ Персію [1]). Въ Царицынѣ имъ

[1]) Н. И. Веселовскій, Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей. т. II, стр. 144. На нѣкоторыхъ листахъ наказа князя Ромодановскаго зачеркнуто имя Димитрія и вставлено имя Василія; зачеркнуто вездѣ «цесарское величество» и написано «царское величество».—Ватиканскій Архивъ, отдѣлъ Боргезе, II, 499, 1606, 10-го августа, Левъ Сапѣга нунцію Рангони.

пришлось зимовать. Тамъ умерли Ріолидъ Перальта и братъ Иванъ.

Наконецъ, 24-го іюля 1607 года кармелиты поплыли Волгою въ Астрахань. Смута бушевала по всей Россіи. Дорогой они встрѣтили Самозванца Августа, который выдавалъ себя за брата Димитрія и велъ своихъ сторонниковъ въ Москву, надѣясь устроиться какъ-нибудь съ Лжедимитріемъ II. Онъ обошелся съ кармелитами ласково. При немъ находился Францискъ Коста, посланный въ Персію Климентомъ VIII и возвращавшійся на Западъ чрезъ Россію [1]). Это свиданіе съ Самозванцемъ облегчило имъ пропускъ въ Персію, которой они достигли въ концѣ сентября.

Пребываніе кармелитовъ въ Москвѣ, хотя и краткое, доказываетъ, что Димитрій дорожилъ до самаго конца хорошими, хотя бы только и внѣшними отношеніями съ Римомъ, и, не смотря на свои выходки противъ папы, старался все-таки угодить его желаніямъ и просьбамъ.

---

[1]) Въ 1608 году Коста находился въ Калугѣ и составилъ записку о своемъ путешествіи, доставленную въ Римъ краковскимъ нунціемъ Симонеттою. — Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, II, 226.

НУНЦІЙ РАНГОНИ.

Источники.— Преждевременный трудъ.— Семейство Рангони.— Первые шаги Клавдія.— Назначеніе епископомъ въ Реджіо.— Высокое положеніе.— Немилость при Эстенскомъ дворѣ.— Чудесное исцѣленіе.— Закладка новой церкви.— Нунціатура въ Краковѣ.— Личность Рангони.— Сношенія съ Сигизмундомъ III.— Податливость въ дѣлѣ іезуитовъ.— Депеша 1-го февраля 1603 года.— Сношенія съ Димитріемъ.— Отозваніе Рангони въ Италію.— Совпаденіе— Дѣло о кардиналатѣ.— Отказъ въ Римѣ.— Посредничество императора.— Духовная дѣятельность въ Реджіо.— Смерть.— Заключенія.

Начиная съ 1603 года, посредникомъ между Ватиканомъ и Димитріемъ явился Краковскій нунцій Клавдій Рангони. Слѣды его дѣятельности находятся въ офиціальныхъ докладахъ, въ которыхъ есть однако чувствительный пробѣлъ [1]). Соотвѣтствующія римскія депеши къ папскому пред-

---

[1]) Въ Ватиканскомъ архивѣ недостаетъ серіи депешъ Рангони отъ 5-го марта 1605 года до 1-го сентября 1606. Нѣкоторыя изъ нихъ встрѣчаются отдѣльно.

ставителю сохранились къ счастію вполнѣ[1]). Чрезвычайно обильную переписку вызвало дѣло о кардинальской шляпѣ, которую настоятельно требовалъ для Рангони польскій король Сигизмундъ III[2]). Кромѣ того въ Моденскомъ государственномъ архивѣ имѣются письма Клавдія Рангони изъ Реджіо по епархіальнымъ дѣламъ. Туда же сданъ былъ и семейный архивъ Рангони Терци.

Для полной біографіи бывшаго Краковскаго нунція необходимо знакомство съ этими источниками, а также съ бумагами епархіальной куріи въ Реджіо. Такъ какъ этотъ матеріалъ былъ мнѣ только отчасти доступенъ, то мнѣ приходится ограничиться бѣглымъ очеркомъ или, лучше, отдѣльными замѣтками безъ всякой претензіи на ихъ взаимную соразмѣрность. А взяться за такой очевидно преждевременный трудъ считаю себя обязаннымъ для выясненія возникшихъ недоразумѣній въ русской печати.

Семейство Рангони занимало почетное мѣсто въ моденскомъ патриціатѣ. Документальныя извѣстія о немъ восходятъ до XII столѣтія. Представители его встрѣчаются на всѣхъ поприщахъ: гражданскомъ, военномъ, духовномъ; есть между ними и

---

1) Ватиканскій архивъ, Polonia, 178.—См. ниже: Римскія депеши въ изданіи Тургенева.

2) Pierling, La Russie et le Saint-Siège, т. III, стр. 39.

кондоттіери и кардиналы [1]). Клавдій, будущій нунцій, родился въ Моденѣ 26 сентября 1559 года, и былъ сыномъ графа Александра. Высшее образованіе онъ получилъ въ Болоньѣ, куда славные по всей Италіи юристы привлекали въ то время много слушателей. Въ 1579 году, съ соизволенія своего государя, герцога Феррарскаго, двадцатилѣтній юноша уже представлялся на соисканіе докторской степени, и въ томъ же году онъ вступилъ на папскую службу въ Римѣ.

Григорій XIII пристроилъ его при своемъ дворѣ въ качествѣ cameriere segreto, чему, вѣроятно, способствовалъ лестный о немъ отзывъ герцога Феррарскаго. Надо предположить, что Рангони ревностно исполнялъ свои обязанности и дѣлалъ честь своимъ покровителямъ, ибо въ относительно короткое время онъ заслужилъ блестящее отличіе. Въ самомъ началѣ 1593 года, пожалуй даже въ концѣ предъидущаго, Климентъ VIII назначилъ его епископомъ города Реджіо, въ Емиліи, и, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, новый пастырь отправился въ свою паству.

Уже давно, начиная съ XIII вѣка, Реджіо подчинялся знаменитому по любви къ искусствамъ

---

[1]) Для этого очерка послужили: Litta, Famiglie celebri italiane, и мелкіе документы изъ Государственнаго архива въ Моденѣ: Cancelleria, Carteggio e documenti di Particolari; Ecclesiastici, Vescovado di Reggio; отдѣлъ Rangoni-Terzi.—Въ старину Rangoni писался Rangone.

и наукамъ Эстенскому роду, и принадлежалъ къ числу видныхъ городовъ ему подвластныхъ. Тогдашній герцогъ, Альфонсъ II, пребывалъ обыкновенно въ своей феррарской столицѣ, окруженный поэтами, учеными, художниками. Приманкою для нихъ служила также его сестра, прелестная Элеонора, съ памятью о которой неразлучно связывается безсмертное имя Торквато Тассо.

Въ недалекомъ отъ Феррары Реджіо не было ни такого блеска, ни такого шума. Тамъ господствовали средневѣковые порядки, процвѣтало множество монастырей мужскихъ и женскихъ, народъ усердно стекался въ церкви, по влеченію вѣры и восхищаясь пышными обрядами. Въ такой средѣ положеніе епископа было высоко уважаемо: ему предоставлялось княжеское достоинство и, при выходахъ, предъ нимъ носили шлемъ и мечъ въ знакъ его полномочій.

Если судить по дошедшимъ до насъ письмамъ, которыхъ впрочемъ не много, Рангони былъ постоянно въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Альфонсомъ II. По смерти бездѣтнаго герцога, въ 1597 году, его преемникъ и двоюродный братъ, внѣ брака рожденный Чезаре, поручилъ даже епископу Рангони отправиться въ Венецію съ извѣстіемъ о своемъ восшествіи на престолъ. Но вскорѣ наступила немилость по слѣдующему поводу: воспользовавшись пресѣченіемъ законной династіи, Климентъ VIII объявилъ свои права на

Феррару и присоединилъ ее къ своимъ владѣніямъ. Исполненіе папскаго рѣшенія было возложено на легата кардинала Альдобрандини, а при немъ находился и ему содѣйствовалъ Рангони. Въ виду мѣстныхъ обстоятельствъ трудно было избѣжать такого рода участія въ дѣлѣ, но понятно, что участникъ въ немъ уже не могъ быть persona grata при герцогскомъ дворѣ.

Правленіе епархіи врядъ-ли пострадало отъ этой перемѣны. Такихъ слѣдовъ, по крайней мѣрѣ, не оказывается. Для личнаго ознакомленія съ своими подчиненными Рангони самъ разъѣзжалъ по всѣмъ приходамъ и не разъ созывалъ синоды въ Реджіо. Первое такое собраніе состоялось въ 1595 году, постановленія его были немедленно напечатаны. Неизвѣстно, когда именно Рангони устроилъ при своей куріи Инквизиціонный трибуналъ, за то онъ тщетно старался завести еженедѣльныя чтенія о Священномъ Писаніи. Подготовленныхъ людей на мѣстѣ не нашлось, а пригласить чужаго каноники не согласились.

Самымъ виднымъ событіемъ въ духовной жизни мѣстности было въ то время чудесное исцѣленіе молодого глухонѣмого работника, по имени Маркино, родомъ изъ Кастельново. Однажды, 29-го апрѣля 1596 года, въ маленькой часовнѣ, находящейся на улицѣ della Ghiara, онъ погрузился въ молитву передъ иконой Пречистой Мадонны. Божія милость проявилась на бѣдномъ

мальчикѣ: внезапно онъ сталъ слышать и говорить. Весь городъ узналъ объ этомъ и взволновался. Епископъ назначилъ комиссію изъ богослововъ, юристовъ и медиковъ, и съ ея помощью, составилъ обширный докладъ, который былъ доставленъ въ Римъ. Между тѣмъ народъ сталъ стекаться въ часовню, начались всякаго рода молебствія и торжественныя богослуженія съ участіемъ властей и войска. Со всѣхъ сторонъ приносились также пожертвованія. Не прошло и года какъ ихъ накопилось столько, что епископъ приступилъ немедленно къ закладкѣ на томъ же мѣстѣ, гдѣ была часовня, новой великолѣпной церкви, которая до сихъ поръ существуетъ подъ названіемъ della Ghiara [1]).

Первое пребываніе Рангони въ Реджіо продолжалось всего шесть лѣтъ. Въ 1599 году Климентъ VIII назначилъ его нунціемъ въ Краковъ. Мѣсто было завидное: при польскомъ дворѣ положеніе считалось блестящимъ, а, по возвращеніи въ Римъ, нунція ожидалъ за-частую кардинальскій пурпуръ. Почему именно папскій выборъ палъ на Рангони, остается неизслѣдованнымъ. Особеннаго соприкосновенія съ Польшею за нимъ не значится, хотя по своей должности въ Ватиканѣ онъ и могъ знакомиться съ пріѣзжими

[1]) Emilio Cottafavi, La B. V. della Ghiara. — Составлено по архивнымъ даннымъ, по Isachi и Ranzani.

полякамн. Во всякомъ случаѣ, въ бытность его при дворѣ, папа Григорій XIII принималъ Шевригина и Молвянинова, а разсказы Поссевина должны были доходить и до него.

Конечно, это только догадки. Слѣдовъ приготовленія для своей новой дѣятельности у Рангони не замѣтно, а дѣятельность представлялась обширная и важная. Кромѣ вопроса о турецкой войнѣ, надо было слѣдить за возрастающею католическою реакціею въ Польшѣ и поддерживать только что заключенную унію съ Римомъ. Нельзя сказать, что Рангони отличился проницательностью или обнаружилъ рѣдкія дарованія. Въ его депешахъ не проявляется ни высокій полетъ мысли, ни энергичный характеръ; имъ не проводится никакое систематичное воззрѣніе. Осторожный, сговорчивый, великосвѣтскій дипломатъ, онъ исполняетъ полученныя приказанія, правильно завѣдываетъ текущими дѣлами, умѣетъ самъ освѣдомляться и хорошо увѣдомляетъ папскій дворъ. Даже переписка Ла Бланка съ Венецею попадала въ его руки и онъ доставлялъ ее въ Ватиканъ. Но заранѣе можно было сказать, что такое загадочное дѣло, какъ вопросъ о самозванствѣ, будетъ ему не по плечу.

У короля Сигизмунда Рангони былъ въ постоянной и высокой милости. Впервые снискалъ онъ ее по случаю королевскаго брака съ эрцгерцогинею Констанціею, сестрою первой усопшей су-

пруги. Какъ извѣстно, многіе паны, съ Замойскимъ во главѣ, сильно противились намѣренію короля и даже возмущались противъ него. Между тѣмъ Рангони дѣйствовалъ съ нимъ за одно, безусловно его поддерживалъ и этимъ заслужилъ на всегда искреннѣйшую признательность.

Вскорѣ послѣ совершенія брака съ Констанціею возникло обстоятельство, которое неожиданно скрѣпило дружбу между королемъ и нунціемъ [1]. Для торжественнаго обрученія кардиналъ Мацѣіовскій былъ возведенъ въ санъ папскаго легата и получилъ право священнодѣйствовать подъ балдахиномъ. При наступленіи Рождества Христова король объявилъ, что срокъ полномочій истекъ и что балдахинъ долженъ исчезнуть. Это не понравилось кардиналу, онъ оскорбился и сталъ сопротивляться. Прибывшіе съ королевою австрійцы вмѣшались въ дѣло и распря приняла внушительные размѣры. Кардиналъ долженъ былъ уступить передъ угрозами короля, но онъ уступилъ только по неволѣ, для избѣжанія соблазна. Этотъ вопросъ, по самому своему существу, подлежалъ вѣдомству папскаго нунція, который опять-таки сталъ на сторону короля.

Но угождая Сигизмунду, Рангони былъ не прочь пойти на уступки его противникамъ, только бы королевская власть оставалась безъ ущерба. Свою

[1]) Wielewicki, Hist. diar., т. II, стр. 106.

податливость онъ выказалъ въ дѣлѣ іезуитовъ. Его отношенія съ ними, по крайней мѣрѣ внѣшнія, были хороши. Савицкій и Велевицкій восхваляютъ нунція. Онъ самъ обратился къ іезуитамъ при появленіи Димитрія, но въ 1606-мъ году, когда Рокошане стали требовать изгнанія ордена, ему показалось политичнымъ, ради общаго блага, отречься отъ прежняго направленія. Ватиканъ не одобрилъ его мнѣнія. Напротивъ того, 16-го сентября 1606 года, кардиналъ Боргезе поучалъ его, что пренебрегать іезуитами не слѣдуетъ и что дѣятельность ихъ очень полезна. Поэтому ему предписывалось вступаться за нихъ и доказывать магнатамъ, что изгнаніе ихъ было бы пагубно для всего края, а для изгоняющихъ позорно [1]).

Впрочемъ не надо забывать, что польская обстановка была совершенною новинкою для итальянскаго епископа. Трудно было вдуматься въ тогдашнія запутанныя отношенія и разобраться между враждебными партіями. Тѣмъ труднѣе, что у Рангони проявляется подъ-часъ нѣкоторая наивность. Характерна съ этой точки зрѣнія его депеша 1-го февраля 1603 года. Нунцій встрѣтился съ Замойскимъ на обѣдѣ, и между ними завязался отдѣльный разговоръ. Съ старческимъ словообиліемъ гетманъ закидалъ своего собесѣдника пестрыми разсказами. Началъ онъ съ Ливонской

---

[1]) Ватиканскій архивъ, Polonia, 173, л. 88 v.

войны. Утромъ передъ взятіемъ Вейсенштейна, лежа, но не дремля, онъ слышалъ, воздушные напѣвы латинскихъ текстовъ: они его вдохновили и онъ рѣшился идти на приступъ, который вполнѣ удался. Упомянувъ потомъ о Валахіи, онъ перешелъ къ Турціи; жалѣлъ, что Стефанъ Баторій не успѣлъ ее завоевать, заключивъ только подходящія условія съ Сикстомъ V. Онъ самъ брался въ два года покончить съ турками, только бы Австрію привлечь къ общему дѣлу. Такое сближеніе совпадало съ папскою политикою. Рангони настаивалъ на немъ и переслалъ въ Римъ подробное описаніе своего разговора [1]). Перечитывая его депешу невольно навязывается вопросъ: не былъ ли маститый канцлеръ на этой пирушкѣ скорѣе въ веселомъ, чѣмъ серьезномъ расположеніи духа?

Вслѣдствіе своего офиціальнаго положенія Рангони не могъ избѣгнуть сношеній съ Москвою. Въ римской инструкціи 20-го февраля 1599 года ему поручалось заботиться о вящемъ примиреніи поляковъ съ русскими [2]). Дѣйствовать въ этомъ смыслѣ и въ широкихъ размѣрахъ ему пришлось не ранѣе, какъ при появленіи Димитрія. Извѣстно, что Рангони признавалъ Самозванца истиннымъ

---

[1]) Тамъ же, отдѣлъ Боргезе, III, 129, 1, л. 33.

[2]) Тамъ же, Miscellanea, т. III, Istruttioni, л. 236.—Другая инструкція 1-го апрѣля того же года въ Моденѣ, Государственный архивъ, Storiche, Onorifici, Privilegii e Brevi Rangoni.

сыномъ Ивана Грознаго и оказывалъ ему большое вниманіе. Объ этомъ подробно сказано у насъ въ другомъ мѣстѣ. Вообще нунцій руководился высшими соображеніями о церковномъ единствѣ и правовѣріи. Много хлопотъ причинили ему особыя разрѣшенія, которыя требовалъ Димитрій для сохраненія тайны своего обращенія, а Юрій Мнишекъ по поводу бракосочетанія Марины. Дѣло было трудное, потому что просители желали гораздо больше, чѣмъ можно было имъ дозволить. Но ставить имъ въ укоръ самое ихъ желаніе было бы несправедливо. Они дѣйствовали по совѣсти, съ долею искренности, а въ отношеніи недостаточной выдержки, ихъ можно только упрекнуть за непослѣдовательность. Не лишне будетъ здѣсь напомнить, что Рангони говорилъ Димитрію о Мадоннѣ della Ghiara, и вручилъ ему икону и кольцо съ ея изображеніемъ. Изъ предъидущаго понятно такое предпочтеніе. Узнавъ потомъ, послѣ вѣнчанія Димитрія на царство, что икона затеряна, а кольцо повреждено, онъ послалъ ему въ Москву новую икону, два кольца на всякій случай, и книжечку о Мадоннѣ съ подобающими наставленіями[1]).

Между тѣмъ какъ всѣ эти важныя и не важныя событія шли своимъ чередомъ, Рангони не-

[1]) Pierling, Rome et Démétrius, стр. 162, № 5. — Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, II, 499.

ожиданно и внезапно отзывается въ Италію. 3-го іюня 1606 года, кардиналъ Боргезе довольно сухо извѣщаетъ его, что онъ очень много потрудился въ пользу Священнаго Престола, поэтому, папа, предполагая, что онъ нуждается въ покоѣ, увольняетъ его отъ настоящей должности и назначаетъ на его мѣсто Симонетту, нареченнаго епископа Фолиньо. Такимъ образомъ рѣшеніе представлялось безповоротнымъ, и едва смягчалось легкимъ намекомъ на будущія почести при удобномъ случаѣ [1]).

Здѣсь бросается въ глаза странное совпаденіе. Въ 1605 году Сигизмундъ впервые заговорилъ о кардинальской шляпѣ для Рангони. На его письма объ этомъ предметѣ Павелъ V и кардиналъ Боргезе отвѣтили въ успокоительномъ смыслѣ. Ту же просьбу, лично отъ себя, возобновилъ Димитрій въ 1606 году чрезъ своего посланца, іезуита Андрея Лавицкаго. И что же? Всѣ другіе вопросы подробно обсуждаются, а на счетъ этого Ватиканъ отмалчивается, и между тѣмъ отправляетъ нунція въ свою епархію.

Спрашивается, не для того ли онъ удаляется изъ Кракова и съ политическаго поприща, чтобы пресѣчь новыя ходатайства о кардиналатѣ? Чтобы не допустить его самого добиваться этой почести окольными путями? А самый вопросъ этотъ опра-

---

[1]) Тамъ же, Polonia, 173, л. 68.

вдывается многолѣтними пререканіями между Ватиканомъ и Вавелемъ. Разлился по этому случаю чернильный потокъ, слѣды котораго существуютъ и до сихъ поръ[1]). Обнадеженный упомянутыми римскими письмами, Сигизмундъ разстался съ нунціемъ Рангони въ увѣренности, что желаніе его будетъ уважено. Но онъ жестоко ошибся. Открывались ваканціи между кардиналами, чередились назначенія, а о Рангони и помина не было. Встревоженный король напомнилъ о данныхъ обѣщаніяхъ и получилъ въ отвѣтъ, что ихъ не слѣдуетъ толковать въ строго обязательномъ смыслѣ, что, впрочемъ, царственныя особы не должны вступаться за нунціевъ, а иностранцы за итальянцевъ. Потому предлагалось, вмѣсто Рангони, представить любого поляка.

Такое рѣшеніе сильно взволновало Сигизмунда. Не трудно было догадаться, что приведенныя формальности служили только предлогомъ, и что мнимыя правила держались единственно исключеніями. Сославшись на примѣры изъ испанской и французской практики, король торжественно объявилъ, что ни одинъ полякъ не будетъ кардиналомъ, пока Рангони не удостоится этой чести. Такъ онъ отплачивалъ своимъ вѣрноподаннымъ, которыхъ подозрѣвалъ въ тайномъ противодѣй-

---

[1]) Дѣло о кардиналатѣ Рангони изложено по документу Вѣнскаго государственнаго архива, Polonica, ann. 1620, Instruttione latina per chi trattará il negotio.

ствіи себѣ и потаканіи папѣ. Но на этомъ онъ не остановился, а постарался разузнать самую суть дѣла.

Это ему удалось. До него дошли свѣдѣнія о двухъ препятствіяхъ, которыя Ватиканъ замалчивалъ.

Первое касалось поведенія нунція въ Польшѣ. Ему ставили въ укоръ чрезмѣрное угожденіе королю, веселость на пирахъ и нѣкоторые нравственные проступки.

Другое препятствіе было политическаго свойства. Повышеніе епископа, выступавшаго когда-то въ Феррарѣ противъ Эстенскихъ князей, могло оскорбить этихъ послѣднихъ. Къ тому же, по возвращеніи изъ Польши, Рангони будто бы слишкомъ строго придерживался каноническаго права, не страшась столкновеній съ свѣтскою властью.

Не время рѣшать, въ какой степени эти слухи были достовѣрны. Дѣло только въ томъ, что они возмутили Сигизмунда, и что онъ энергично вступился за своего кандидата, рѣшительно отрицая всѣ взведенныя на него обвиненія. По отзыву короля, Рангони поддерживалъ государственную власть только въ размѣрахъ своей непреложной обязанности; посѣщая общество онъ слѣдовалъ мѣстнымъ обычаямъ, но ничего предосудительнаго за нимъ никогда ни замѣчалось; на панскихъ угощеніяхъ онъ не нарушалъ приличія, а въ нравственномъ отношеніи держалъ себя безукориз-

ненно. Всѣ эти напраслины приписывались темнымъ интригамъ преемника Рангони, Симонеттѣ, его зависти, его желанію быть самому кардиналомъ. На него король обрушивался безпощадно.

Еще легче было защищать бывшаго нунція по части его духовной, архіерейской дѣятельности. Она изображалась въ самомъ законномъ видѣ, и король могъ справедливо утверждать, что наказывать за это было бы закидывать камнями самыхъ преданныхъ слугъ священнаго Престола. Остается однакожъ недоказаннымъ, дѣлалъ-ли Ватиканъ такого рода обвиненіе противъ Рангони: польская передача не внушаетъ полнаго довѣрія.

Защиту своего кандидата Сигизмундъ бралъ на себя не разъ и не два, а очень часто, въ теченіи многихъ лѣтъ. Къ нему присоединялась и королева. Чуть ли не въ каждомъ письмѣ возобновлялась назойливая просьба и повторялись тѣ же соображенія, то съ горечью, то съ умиленіемъ, то съ угрозами. Даже при объявленіи о взятіи Смоленска, въ обаяніи кровавой побѣды, король затронулъ ту же струнку. А между тѣмъ изъ Рима приходилъ все тотъ же лаконическій, непоколебимый отказъ. Папа соглашался оказать Рангони второстепенныя милости, дать ему пенсію или доходное аббатство, но облечь его въ пурпуръ онъ рѣшительно не хотѣлъ. И пока Сигизмундъ жаловался на козни Симонетты, тому же Симонеттѣ изъ Ватикана предписывалось слѣдить

за козиями Рангони[1]). Въ 1612 году Симонетта умеръ въ Краковѣ, но и тогда римскій отрицательный отвѣтъ не измѣнялся.

Въ этомъ по сущности не важномъ дѣлѣ сказался неугомонный характеръ Сигизмунда. Ссориться съ папою онъ не хотѣлъ, а уступить ему и сдаться еще менѣе. Съ неистощимымъ терпѣніемъ онъ выдумывалъ новыя оправданія для устарѣлой просьбы. Переговоры смахивали на причудливыя замашки. Въ 1618 году особый, секретный посланецъ отправился въ Римъ, снабженный цѣлою кипою убѣдительныхъ писемъ къ папѣ, къ кардиналамъ Боргезе, Монтальто, Фарнезе и къ нѣкоторымъ итальянскимъ князьямъ.

Посланецъ, имя котораго намъ неизвѣстно, имѣлъ аудіенцію у Павла V, видѣлся съ кардиналами и сперва воспрянулъ духомъ: ему ничего не обѣщали, но за то благосконно выслушивали. Когда же онъ потребовалъ рѣшительнаго отвѣта, то папа замялся, выражался уклончиво, и наконецъ рѣшительно объявилъ, что Клавдію Рангони кардиналомъ не быть, не смотря на письма 1605 года. Начались пререканія, всевозможныя оправданія Рангони, его похвалы и превозношенія. Папа сослался на свою совѣсть, кардиналы подчеркнули его рѣшеніе, и бѣдный полякъ вспомнилъ поговорку: stat pro ratione voluntas.

[1]) Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, II, 427, л. 80; Polonia, 174, л. 184 v.

Въ Римѣ сраженіе было проиграно. Посланецъ Сигизмунда выѣхалъ во Флоренцію и обратился къ посредничеству великаго герцога. Фердинандъ I исполнилъ желаніе короля, но въ Ватиканѣ успѣха не имѣлъ. Его даже просили уговорить Сигизмунда отказаться отъ дальнѣйшихъ настаиваній.

Но не таковъ былъ Сигизмундъ. Онъ далъ себѣ обѣтъ добиваться до самой смерти кардиналата для Рангони, и ничто не могло отклонить его отъ намѣченной цѣли. Въ 1620 году, вмѣстѣ съ супругою, онъ умоляетъ императора Фердинанда II, во имя родства[1]), дружбы и сосѣдства, взяться за это дѣло и представить папѣ того же кандидата.

Въ данномъ случаѣ Фердинандъ II выказалъ большое усердіе. Онъ не только письменно обратился къ Павлу V и къ кардиналу Боргезе, но поручилъ это ходатайство кардиналу Мадручи съ подробными указаніями какъ поступать, чтобы непремѣнно имѣть успѣхъ: избѣгать поляковъ и агентовъ Эстенскихъ, остерегаться почему-то кардинала Монтальто, переписываться по-нѣмецки ради сохраненія тайны, и говорить смѣло, потому что только смѣлымъ уступаютъ.

Пока могучіе міра сего заботились о кардиналатѣ Рангони, онъ самъ управлялъ своею епархіею въ Реджіо. Въ какой степени онъ лично увлекался церковными почестями—рѣшить труд-

[1]) Констанція была сестра Фердинанда II.

но. Въ Римѣ не полагались на его равнодушіе въ этомъ отношеніи, опасались даже не самъ-ли онъ подстрекалъ Сигизмунда III, но прямыхъ доказательствъ его вмѣшательства до насъ не дошло. Объ его духовной дѣятельности извѣстно кое-что. Всего болѣе чести дѣлаетъ ему стремленіе устроить свою семинарію въ духѣ Тридентскаго собора и по данному имъ образцу. Назначивъ на это нѣкоторыя средства, онъ однакожъ дальше слабаго начала не пошелъ; дѣло было доведено до конца его преемниками и гораздо позднѣе.

Въ 1613 году созывается снова епархіальный соборъ. Это уже былъ третій. Первый состоялся, какъ выше сказано, въ 1595 году, второй въ 1597, а въ 1614 году всѣ три собора были вмѣстѣ изданы[1]). Въ этихъ оффиціальныхъ документахъ проглядываетъ повсюду церковный духъ, предписываются строгія мѣры для соблюденія благочинія. Около того же времени Рангони издалъ въ Миланѣ новый служебникъ[2]).

Изъ внѣшнихъ торжествъ памятны преимущественно два: перенесеніе мощей св. Проспера, бывшаго въ V столѣтіи епископомъ Реджіо и признаваемымъ главнымъ покровителемъ всей епархіи, и перенесеніе чудотворной иконы Божіей Ма-

---

[1]) Constitutiones et decreta Synodalia diversis temporibus condita, Regii, 1614.

[2]) Rituale Sacramentorum ad usum Ecclesiae Regiensis, 1614.

тери въ новую церковь della Ghiara, постройку которой началъ когда-то самъ же Рангони. Это послѣднее перенесеніе происходило 12-го мая 1619 года съ небывалымъ блескомъ и пышностью. Въ огромномъ числѣ съѣхались въ Реджіо свѣтскія власти, высшее сосѣднее духовенство и богомольцы. Весь городъ пришелъ въ движеніе: мѣстный клиръ, войско и обыватели. Живая вѣра, итальянская изобрѣтательность, художественный смыслъ, придаютъ такимъ празднествамъ подъ синимъ, южнымъ небомъ особый характеръ величія и трогательности. Подобное же явленіе повторилось въ 1896 году, по случаю трехсотлѣтняго юбилея перваго чудеснаго исцѣленія.

Неизбѣжный день смерти настаљ для бывшаго нунція довольно неожиданно. Въ Реджіо находился проѣздомъ изъ Рима польскій посланецъ. Рангони чествовалъ его тѣмъ охотнѣе, что, по словамъ дорогого гостя, дѣло о кардиналатѣ было совершенно улажено. При этомъ, онъ какъ-то простудился, болѣзнь сдѣлалась очень скоро опасною: умирающаго епископа немедленно напутствовали, и 2-го сентября 1621 года онъ скончался. Его похоронили въ каѳедральномъ соборѣ, въ родовой часовнѣ, которую онъ самъ отдѣлалъ въ 1609 году. На стѣнѣ, съ внѣшней стороны, читается надпись: Comes Claudius Rangonus, Mutinensis, Episcopus Regii et Princeps, cuius ossa in proximo sacello requiescunt, obiit IV nonas septembris anno Domini MDCXXI.

На основаніи выше приведенныхъ данныхъ, конечно не полныхъ и потому недостаточно выясненныхъ, можно однакожъ сдѣлать нѣкоторыя заключенія. Прежде всего никакъ нельзя сказать, что Рангони относился скептически къ вѣроисповѣдному вопросу. Напротивъ того, и въ Польшѣ, при обращеніи Димитрія, и еще болѣе въ Реджіо, онъ постоянно заявлялъ себя заботливымъ пастыремъ, объѣзжая свою епархію, занимаясь образованіемъ духовенства и развитіемъ церковнаго быта. Надо замѣтить, что печатные источники, начиная съ Тирабоски, хоть очень кратко и голословно, однако-же хвалятъ Рангони за его ревность, и никакихъ упрековъ ему не дѣлаютъ.

Гораздо щекотливѣе вопросъ о нравственности. Строгая выдержка не всегда сочетается даже съ возвышенными чувствами. На Рангони взводились жалобы сомнительнаго свойства, это фактъ. Но вотъ смягчающее обстоятельство: Сигизмундъ III выдавалъ ихъ за клеветы, Ватиканъ надъ ними призадумывался и въ концѣ концовъ какъ бы колебался. При такихъ условіяхъ рѣшительный приговоръ еще немыслимъ. Если даже допустить, что Рангони слишкомъ увлекался свѣтскою жизнью, давая такимъ образомъ поводъ къ жалобамъ, то все-таки дальше подозрѣній идти нельзя. Всесторонюю и окончательную оцѣнку Клавдія Рангони должно предоставить будущности.

НЕИЗВѢСТНЫЕ ИЛИ МАЛО ИЗВѢСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ [1].

Разработка исторіи названнаго Димитрія началась сравнительно давно, когда еще далеко не весь матеріалъ былъ отысканъ и обслѣдованъ. Таковъ часто ходъ исторической науки, и было бы неразумно ставить это въ укоръ изслѣдователямъ. Иначе и быть не можетъ: только постепенно появляются на свѣтъ Божій зарытые въ архивахъ документы, и нерѣдко нужны вѣковыя усилія, чтобы дойти до полнаго освѣщенія какой-либо эпохи.

Въ виду умноженія такого матеріала, я укажу на нѣкоторые памятники, которые или оставались до сихъ поръ совершенно неизвѣстными, или извѣстны только въ тѣсномъ кругу не большаго числа ученыхъ.

---

[1]) Перепечатано изъ Русской Старины. 1901 г., январь, стр. 197—208.

Настоящая статья не имѣетъ критическаго характера. Не слѣдуетъ также искать въ ней полноты. Мелкіе документы, какъ, на примѣръ, письма Петра Аркудія или Мартына Шишковскаго, вовсе въ ней не упомянуты. Побывавъ въ Неаполѣ, Римѣ, Венеціи, Самборѣ, Москвѣ и Петербургѣ, заглянувъ повсюду въ архивы, я отмѣчу только то, что меня всего болѣе поразило. Это—бѣглыя путевыя замѣтки.

I. Три записки Льва Сапѣги.

Извѣстны князю Оболенскому.—Содержатъ исторію Самозванца.—Слѣды провѣрки.—Двуличіе Сапѣги.

Записки литовскаго канцлера были извѣстны князю Оболенскому и по достоинству оцѣнены имъ; но, вопреки своей обычной дѣятельности, онъ не успѣлъ ихъ напечатать. Впослѣдствіи онѣ какъ-то сошли съ горизонта; даже знающіе объ ихъ существованіи не могли ихъ отыскать. Только благодаря просвѣщенному содѣйствію С. А. Бѣлокурова и его отличному знакомству съ московскимъ главнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, мнѣ удалось добраться до нихъ и воспользоваться ими [1]). Безъ всякаго колебанія записки Льва Сапѣги должны быть отнесены къ источникамъ первостепенной важности.

[1]) Главный архивъ мин. ин. дѣлъ. Метрика В. К. Литовскаго. Сношенія Польши съ Россіею, 1554—1616.

Насъ интересуютъ особенно двѣ первыя записки. Онѣ писаны, какъ, впрочемъ, и третья, собственною рукою канцлера, безъ обозначенія времени, но, очевидно, въ разгаръ войны между Россіею и Польшею, послѣ появленія втораго Самозванца. Сапѣга стремится доказать, что Сигизмундъ III вовсе не желалъ прибѣгать къ оружію и, попутно, разсказываетъ всю исторію Димитрія, очень сходно съ русскими источниками, хотя на нихъ и не ссылается, и, повидимому, излагаетъ свое собственное убѣжденіе. О Димитріи утверждается положительно, что онъ не былъ царскаго происхожденія, а просто Гришка Отрепьевъ, сынъ Богдана.

Если даже допустить, что Сапѣга придерживался постороннихъ свидѣтельствъ, то, все-таки, его заявленіе отмѣнно важно. Положеніе его было такое, что онъ могъ и долженъ былъ провѣрить свои показанія. Подъ его руководствомъ и при его главномъ участіи, велись переговоры съ Смирнымъ Отрепьевымъ и съ Огаревымъ; на немъ лежала нѣкоторая доля отвѣтственности. Дѣйствительно, слѣды этой провѣрки осязательны и въ громовой рѣчи на сеймѣ 1605 года, и въ запискахъ своихъ. Сапѣга говоритъ вполнѣ сознательно, требуетъ рѣшительныхъ мѣръ и не опасается быть опровергнутымъ.

Вообще литовскій канцлеръ такъ явно и сильно выступалъ противъ Димитрія, что его панеги-

ристъ, іезуитъ Рывоцкій, ставитъ ему это въ большую заслугу, и жалѣетъ, что поляки не послѣдовали его мудрымъ совѣтамъ [1]). Несомнѣнно и то, что Сапѣга иногда кривилъ душою, и рѣчь его при бракѣ Марины вовсе не похожа на сеймовыя рѣчи; но искреннее свое убѣжденіе онъ высказывалъ, конечно, въ сенатѣ, предъ народомъ и передъ королемъ. Съ этимъ убѣжденіемъ приходится считаться.

II. Письма польскихъ сенаторовъ.

Неожиданность вѣсти о Димитріи.—Проницательность Барановскаго, епископа плоцкаго.—Письма Юрія Мнишка къ Сигизмунду III.—Письма князей Острожскихъ и Михаила Ратомскаго.

При появленіи Димитрія въ Польшѣ, Сигизмундъ III потребовалъ подробный докладъ о немъ отъ князя Адама Вишневецкаго. Получивъ докладъ, король сообщилъ его сенаторамъ съ просьбою изложить свое мнѣніе о Димитріи. Сенаторы откликнулись.

Такимъ образомъ, возникла переписка, часть которой находится въ краковскомъ музеѣ князя Чарторыжскаго и уже вошла въ историческое обращеніе. Другая часть, самая интересная, ле-

[1]) Публичная Библіотека, Лат. О. IV, 16, Idea magni Herois seu Illustrissimus Dominus D. Leo Sapieha. — Этотъ панегирикъ былъ напечатанъ въ Антверпенѣ въ 1645 году; изданіе рѣдчайшее.

житъ подъ спудомъ въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, и, если не ошибаюсь, никто еще ею не занимался. Всѣхъ сенаторскихъ писемъ, помѣченныхъ февралемъ и мартомъ 1604 года, насчитывается десять [1]). Изъ нихъ становится очевиднымъ, что королевское извѣстіе было для польскихъ пановъ совершенною неожиданностію. О Димитріи никто ничего не вѣдалъ и не слышалъ. Даже князь Константинъ Острожскій писалъ 3-го марта, что былъ ли «князекъ» когда либо въ его монастыряхъ, этого онъ не знаетъ. Но самое замѣчательное письмо принадлежитъ перу Барановскаго, епископа плоцкаго. Онъ скептически отнесся къ Димитрію, подробно разобралъ докладъ Вишневецкаго, разбилъ его въ пухъ и прахъ, и предупредилъ короля, что въ этомъ отношеніи необходима крайняя осторожность. Мнительный совѣтникъ прислалъ даже цѣлый рядъ вопросовъ, которые слѣдовало предложить Димитрію, чтобы добиться истины. Къ несчастію, написанные на особомъ листѣ, вопросы эти не дошли до насъ. Вообще, для оцѣнки общественнаго мнѣнія въ высшихъ польскихъ кругахъ сенаторскія письма представляютъ ничѣмъ не замѣнимый матеріалъ. Бо̀льшая часть пановъ склонялась къ тому мнѣнію, что дѣло Димитрія надо предоставить сейму и безъ его рѣшенія ничего не предпринимать.

---

[1]) Литовская метрика, Новыя книги, №№ 53. 54, 55.

Въ тѣхъ же книгахъ Литовской Метрики есть шесть подлинныхъ писемъ Юрія Мнишка къ Сигизмунду III, отъ 1601—1604 годовъ [1]). Первыя пять чисто денежнаго и хозяйственнаго содержанія. Сендомирскій воевода не выплачивалъ во̀время слѣдующихъ королю суммъ и постоянно ходатайствовалъ, чтобы его милостиво пощадили. Въ шестомъ письмѣ, отъ 14-го іюня 1604 года, изъ Самбора, онъ откровенно сообщаетъ Сигизмунду, что тайкомъ готовитъ походъ противъ Бориса Годунова и хвалится своею осторожностью.

Къ дѣлу Димитрія относятся еще нѣкоторыя письма Константина Острожскаго, его сына Януша и старосты Михаила Ратомскаго. Особенно загадочно письмо князя Константина, отъ 12-го іюня 1604 года [2]). Онъ испрашивалъ у короля аудіенцію для пана Гойскаго съ товарищемъ, по поводу государственнаго дѣла. У Гойскаго, какъ извѣстно, пребывалъ нѣкоторое время Димитрій, когда онъ еще себя не выдавалъ за царевича. Ужъ не о немъ ли доставлялись свѣдѣнія королю Сигизмунду?

---

[1]) Новыя книги, № 53, л. 56, 321; № 54, л. 14; № 55, л. 135, 238, 270.

[2]) Новыя книги, № 53, л. 235.

III. Самборскія рукописи.

Бернардинскія хроники во Львовѣ.—Портретъ Юрія Мнишка.—Очеркъ города Самбора.—Бернардинская рукопись.—Вырванные листы.—Замѣтки.—Самборскіе архивы.

Уже давно меня тянуло въ Самборъ, по слѣдамъ Димитрія и Марины; но только въ 1898 году мнѣ удалось осуществить это желаніе.

Львовъ лежалъ на моемъ пути. У бернардиновъ этого города нашлись двѣ орденскія хроники XVII столѣтія. Одна изъ нихъ, составленная Кипріаномъ Дамирскимъ, уже появилась въ печати и ничего не содержитъ о Самозванцахъ; другая, неизданная, относится къ 1647 году. Авторъ ея, бернардинъ Калискій, лишь мимоходомъ упоминаетъ о Димитріи, но подробно описываетъ городъ Самборъ и его монастыри. Въ смежномъ съ монастыремъ костелѣ св. Андрея, недалеко отъ придѣла св. Іоанна изъ Дуки, красуется темно красная мраморная доска съ латинскою надписью, которая свидѣтельствуетъ, что въ царствованіе Сигизмунда III прежняя деревянная церковь была замѣнена каменною иждивеніемъ Димитрія Соликовскаго, архіепископа львовскаго, Юрія Мнишка, воеводы сендомирскаго и Станислава Жолкѣвскаго. Въ ризницѣ той же церкви показываютъ портретъ Юрія Мнишка, писанный масляными красками неизвѣстнымъ художникомъ. Онъ имѣетъ нѣ-

которое сходство съ гравюрою Киліана, но осанка воеводы благороднѣе, черты лица правильнѣе, выраженіе мягче и пріятнѣе.

Изъ Львова я отправился въ Самборъ. Въ 1891 году городъ праздновалъ 500 лѣтнюю годовщину своего основанія. При этомъ случаѣ былъ напечатанъ краткій, для историковъ очень полезный, очеркъ, подъ заглавіемъ «Kronika miasta Sambora». Въ старину Самборъ часто подвергался татарскимъ набѣгамъ и потому былъ снабженъ укрѣпленіями, слѣды которыхъ еще существуютъ въ юго-восточномъ направленіи. Тамъ, на берегу Днѣстра, возвышался королевскій зàмокъ, гдѣ обыкновенно жилъ Мнишекъ съ своимъ семействомъ. Въ настоящее время на томъ же мѣстѣ построена пивоварня.

Между образованными жителями Самбора держится мнѣніе, что Мнишекъ проводилъ часть года въ другомъ неотдаленномъ зàмкѣ, Laszki murowane, принадлежащемъ семейству его жены Тарло. Зàмокъ былъ окруженъ толстыми стѣнами съ 8-ю башнями и широкимъ рвомъ. Величіе минувшихъ лѣтъ напоминаетъ теперь только очень скромное зданіе, собственность графа Михаила Красицкаго. Во львовскомъ архивѣ есть планъ стариннаго зàмка съ обозначеніемъ покоевъ, которые нѣкогда занималъ Димитрій. Замѣчательно, что въ простонародіи о немъ и о Маринѣ не осталось никакихъ слѣдовъ, ни пѣсенъ, ни преданій.

Письменные памятники я надѣялся найти въ бернардинскомъ монастырѣ Божіей Матери, съ которымъ Мнишекъ былъ въ постоянныхъ и дружескихъ сношеніяхъ. Дѣйствительно, сохранилась рукопись подъ заглавіемъ: «Acta seu Monumenta diversa». Къ сожалѣнію, листы, относящіеся къ смутной эпохѣ, вырваны, и никакого намека на ихъ содержаніе нѣтъ. Уцѣлѣли только нѣкоторыя замѣтки, въ родѣ слѣдующихъ: въ 1605 году, вернувшись побѣдителемъ изъ похода [1]), Юрій Мнишекъ поднесъ монастырю московскую, золотомъ обшитую, хоругвь; въ 1609 году «московская царица Марина» прислала серебряныя паникадила изящной работы; наконецъ, подъ 16-мъ мая 1613 года, въ день смерти Юрія Мнишка, незабвенному благодѣтелю монастыря посвящается нѣсколько прочувственныхъ строкъ.

Есть еще другіе архивы въ Самборѣ: магистратскій, мѣщанскій, цеховой, приходскій. Въ нихъ встрѣчается имя Юрія Мнишка и рисуется его дѣятельность. Кропотливую работу извлеченія этихъ свѣдѣній взялъ на себя г. Маркеллъ Туркавскій, но, сколько мнѣ извѣстно, всего найденнаго не опубликовалъ, ограничиваясь нѣкоторыми статьями въ польскихъ журналахъ.

---

[1]) Gdy z Moskwy victor przyjachal.

IV. Дѣло Димитрія въ римскомъ архивѣ Инквизиціи.

Обсужденіе письма Димитрія къ Клименту VIII.—Запросы отца Савицкаго.—Уклончивый отвѣтъ.—Просьбы Димитрія.—Отказъ.

Сношенія Димитрія съ Римомъ были не только политическія, но и личныя, по дѣламъ совѣсти. Обычная практика требуетъ, чтобы второго рода дѣла направлялись въ Инквизицію. Съ 1604 до 1606 года это учрежденіе трижды занималось Димитріемъ, вслѣдствіе чего образовалась цѣлая связка бумагъ, которая до послѣдняго времени оставалась въ пренебреженіи [1]). Между тѣмъ для полнаго изученія вопроса она необходима.

Впервые имя Димитрія было произнесено въ Инквизиціи по случаю его обращенія въ католичество. Тамъ обсуждалось его собственноручное письмо отъ 24-го апрѣля 1604 года къ папѣ Клименту VIII. Никакихъ слѣдовъ преній не осталось; но изъ отвѣтнаго «бреве» видно, что Инквизиція отнеслась серьезно къ заявленію Димитрія. Съ тѣхъ поръ на него смотрѣли, какъ на истиннаго католика, и всѣ послѣдующія мѣропріятія исходили изъ этого взгляда.

[1]) Archivio del Santo Uffizio, № IV, Dubia aliqua... super quibus dispensari petunt Demetrius Moschorum Dux, Marina, ejus sponsa, et Wladislaus Sigismundus, Poloniae Princeps, electus Moschorum Dux. 1604 ad 1619.

Въ 1605 году, отецъ Савицкій обратился къ краковскому нунцію Рангони съ запросами на счетъ Димитрія; нунцій препроводилъ эти запросы въ Инквизицію. Положеніе было щекотливое и затруднительное. Димитрій не хотѣлъ выдавать себя всенародно за католика; въ Москвѣ за нимъ зорко слѣдили, ему приходилось участвовать въ церковныхъ торжествахъ и рѣшать религіозныя дѣла. Къ тому же онъ надавалъ въ Польшѣ много неисполнимыхъ обѣщаній. Какъ тутъ выпутаться,—Савицкій недоумѣвалъ. Полагая, что отъ него потребуютъ рѣшенія этихъ вопросовъ, онъ желалъ, передъ отъѣздомъ въ Москву, объясниться съ духовнымъ своимъ начальствомъ и получить отъ него наставленія и указанія. Желаніе его не было исполнено. Разсмотрѣвъ его просьбу, Инквизиція дала уклончивый отвѣтъ: пусть, де, самъ сообразитъ всѣ обстоятельства и дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію.

Въ слѣдующемъ 1606 году, обстоятельства сложились такъ, что Инквизиція была вынуждена постановить положительное рѣшеніе. Предстояла коронація Марины въ Кремлѣ. Димитрій настаивалъ, чтобы Марина пріобщалась изъ рукъ патріарха, соблюдала русскіе посты и посѣщала русскія церкви. Свою просьбу онъ представилъ нунцію Рангони. Мнишекъ сдѣлался его усерднымъ ходатаемъ; онъ собралъ двухъ, трехъ богослововъ въ Краковѣ, изложилъ затрудненія и

просилъ помощи. Польскіе богословы дали двоякій практическій совѣтъ: склонять Димитрія къ тому, чтобы онъ отступился отъ своихъ требованій, и тѣмъ не менѣе просить папу, чтобы онъ оказалъ возможную снисходительность.

Для обсужденія этого дѣла инквизиторы собрались въ полномъ составѣ, подъ председательствомъ папы Павла V. Здѣсь были и кардиналы и простые совѣтники. Рѣшеніе послѣдовало отрицательное, безъ оговорокъ и безъ ограниченій. Надо, однако, замѣтить, что, по римскому обычаю, такой отвѣтъ относится, пожалуй, только къ одной изъ статей предложеннаго сложнаго вопроса. Въ нашемъ случаѣ, инквизиторы имѣли, конечно, въ виду причащеніе отъ руки патріарха. Но пока они отвергали просьбу Димитрія, онъ самъ, какъ послѣ выяснилось, отказался отъ нея.

Въ этихъ трехъ пунктахъ заключается сущность сношеній Димитрія съ Римской Инквизиціей. Для ознакомленія Инквизиціи съ московскимъ царемъ ей сообщили между прочимъ обширную депешу Рангони, отъ 2-го іюля 1605 года, содержащую всю исторію Димитрія съ самаго его дѣтства. Этотъ документъ только недавно напечатанъ [1]).

---

[1]) Pierling, La Russie et le Saint-Siège, т. III, стр. 481.

V. Бумаги Антонія Поссевина.

Увлеченіе итальянскаго іезуита.—Сношенія съ Польшею.— Письмо Босгревена.

Всѣмъ извѣстно напечатанное у Чіампи письмо Поссевина къ герцогу тосканскому Фердинанду I. Не менѣе интересны тѣ бумаги итальянскаго іезуита, которыми до сихъ поръ изслѣдователи еще не занимались. Онѣ находятся въ Ватиканскомъ архивѣ, въ Флорентійскомъ государственномъ архивѣ и, наконецъ, въ нашемъ личномъ собраніи.

Новымъ московскимъ царемъ Поссевино очень увлекался. Вся эта исторія была ему хорошо знакома, такъ какъ онъ былъ въ постоянной перепискѣ съ польскими іезуитами. До насъ дошли нѣкоторыя письма Савицкаго, Деція Стривери и одно письмо Босгревена.

Поссевино былъ убѣжденъ, что Димитрій истинный потомокъ Ивана Грознаго и что онъ ревностный католикъ. Это непреложно свидѣтельствуютъ его письма, особенно же его письмо къ Димитрію, отъ 10-го іюля 1605 года, сохранившееся въ черновикѣ, записка, представленная имъ папѣ, его письма къ герцогу Урбинскому.

Объ этихъ бумагахъ будетъ говориться ниже [1]. Здѣсь кстати упомянуть о письмѣ Босгревена къ Поссевину. Тѣсная дружба соединяла обоихъ

[1]) См. Барецдо Барецци или Поссевино?

іезуитовъ съ тѣхъ поръ, какъ, при помощи Стефана Баторія, Поссевино освободилъ Босгревена изъ лондонской тюрьмы, гдѣ онъ томился во время елисаветинскихъ гоненій. Спасенный узникъ сообщилъ своему благодѣтелю, въ письмѣ отъ 19-го августа 1606 года, длинный разсказъ о смерти Димитрія по слухамъ, которые носились въ Польшѣ. Уже тогда предполагали, что убитъ не Димитрій, а другое лицо, принятое за Димитрія. Босгревенъ подробно передаетъ все, что вокругъ него говорилось, и заключаетъ письмо такимъ извѣстіемъ: только что прибыли два іезуита изъ Вильны; по ихъ словамъ, никакого сомнѣнія нѣтъ, что убитъ тотъ самый Димитрій, который проживалъ въ Самборѣ, ходилъ войною на Москву и вѣнчался въ Кремлѣ [1].

VI. Письма Чижовскаго и Лавицкаго.

Переписка съ орденскимъ начальствомъ.—Личныя наблюденія.—Хронологія.—Односторонность.

По случаю похода противъ Бориса Годунова, два іезуита, Николай Чижовскій и Андрей Лавицкій, были назначены полковыми священниками въ польскомъ отрядѣ войска Димитрія. Въ первой половинѣ августа мѣсяца 1604 года они явились въ Самборъ.

---

[1]) Письмо Босгревена писано изъ Калиша и находится въ нашемъ собраніи.

Съ этихъ поръ начинается ихъ переписка. Всего чаще они писали къ Децію Стривери, своему ближайшему начальнику; иногда къ орденскому генералу Клавдію Аквавивѣ и къ другимъ. Письма ихъ ходили по рукамъ и сообщались краковскому нунцію Рангони, который, въ свою очередь, пересылалъ ихъ въ Римъ. Этимъ путемъ нѣкоторыя изъ писемъ попали въ Ватиканскій архивъ. Кардиналъ Боргезе, племянникъ Павла V, завѣдывалъ иностранною политикою и сдавалъ получаемыя бумаги на храненіе.

Письма обоихъ іезуитовъ частью уже напечатаны. Главное ихъ достоинство состоитъ въ томъ, что они исходятъ отъ очевидцевъ, писавшихъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій и имѣвшихъ доступъ къ самому Димитрію. Личныя наблюденія двухъ образованныхъ поляковъ заслуживаютъ, во всякомъ случаѣ, вниманія. Они могли оцѣнить способности Димитрія, подмѣтить черты его характера, сообщить предметы ихъ бесѣдъ. Можно также положиться на ихъ хронологію и на фактическія указанія, насколько они выдерживаютъ критику, какъ-то: военныя дѣйствія, осада городовъ во время похода, московскія торжества при встрѣчѣ Димитрія съ матерью, при его вѣнчаніи на царство, при въѣздѣ Марины въ столицу.

Односторонность замѣтна въ томъ смыслѣ, что Чижовскій и Лавицкій вращались постоянно между поляками, къ тому же доброхотами Димитрія

довѣряли ихъ извѣстіямъ и не думали обращаться къ русскимъ для провѣрки. Этотъ недостатокъ менѣе чувствителенъ, когда они разсказываютъ то, что самолично видѣли и слышали, хотя повсюду вѣетъ оптимизмомъ. Оба іезуита вѣрили въ царское происхожденіе Димитрія и невольно толковали всѣ событія въ его пользу[1]).

VII. Письма кармелитовъ[2]).

Три миссіонера.—Переписка съ Римомъ.—Восхищеніе отъ пріема Димитрія.—Непрочность положенія.

Во время краткаго царствованія Димитрія, три монаха кармелитскаго ордена были въ Москвѣ, проѣздомъ въ Персію. Всѣ трое занимали впослѣдствіи видныя должности: Павелъ Риварола, родомъ изъ Генуи, неоднократно выбирался начальникомъ всего ордена; испанецъ, отецъ Иванъ, умеръ испаганскимъ архіереемъ; другой испанецъ отецъ Викентій, съ успѣхомъ выполнялъ на Востокѣ важныя порученія.

Переписка ихъ съ Римомъ разбросана по разнымъ архивамъ. Она находится частью въ Ватиканѣ, частью у князя Доріа Памфили, частью въ римскомъ кармелитскомъ монастырѣ. Къ сожалѣнію, тѣ изъ ихъ писемъ, которыя дошли до

---

[1]) О дневникѣ Лавицкаго слѣдуетъ особая статья.

[2]) Краткій пересказъ предъидущей статьи: Димитрій и Кармелиты, оставленъ здѣсь ради нѣкоторыхъ подробностей.

насъ, малосодержательны и не относятся къ пребыванію ихъ въ Москвѣ.

Что самыя интересныя письма затеряны, это видно изъ исторіи ордена, гдѣ путешествіе въ Персію и проѣздъ чрезъ Московію описаны по этимъ именно даннымъ. Оказывается, что кармелиты были въ восхищеніи отъ пріема Димитрія. Онъ ихъ обласкалъ, одарилъ, даже просилъ остаться въ Москвѣ при самыхъ льготныхъ условіяхъ; но такъ какъ они не могли самовольно перемѣнить свое назначеніе, то царь позаботился снабдить ихъ письмами къ персидскому шаху и облегчить имъ поѣздку.

Замѣчательно ихъ сужденіе о непрочности положенія Димитрія. Онъ имъ давалъ на выборъ или немедленно отправиться въ Персію,—а это было въ февралѣ 1606 года,—или обождать московское посольство и вмѣстѣ съ нимъ, послѣ Свѣтлаго Воскресенья, пуститься въ дальній путь. Кармелиты предпочли уѣхать неотлагательно, и причиною ихъ поспѣшности было опасеніе переворота. Люди опытные и свѣдущіе предвѣщали имъ, что Димитрію царствовать не долго, не устоять противъ заговоровъ и не удержаться на престолѣ. Раннее и цѣнное свидѣтельство.

VIII. Венеціанскія депеши.

Соранцо въ Прагѣ.—Австрійская невѣста.—Мнѣніе о Димитріи.—Депеша Фоскарини изъ Кракова.—Донати въ совѣтѣ Десяти.

Вѣсти о Димитріи дошли до Венеціи преимущественно изъ Праги и Кракова. Изустно сообщилъ кое-что французскій посолъ Канэ де Френъ.

Въ Прагѣ представителемъ Венеціи былъ тогда Франческо Соранцо. Передаваемыя имъ извѣстія были смутны и сбивчивы, записаны съ чужихъ словъ. Только двѣ, три депеши совершенно самостоятельны.

Въ депешѣ отъ 29-го августа 1605 года онъ сообщаетъ, что Габсбурги не прочь выдать за Димитрія австрійскую эрцгерцогиню. Въ Грацѣ ихъ было достаточно, на выборъ; только увлеченіе царя Мариною не подавало надежды на успѣхъ. Неизвѣстно, зналъ ли объ этомъ Димитрій; во всякомъ случаѣ настроеніе австрійскаго двора ясно доказываетъ, какое высокое положеніе успѣлъ онъ завоевать въ Европѣ.

Когда Димитрій былъ убитъ, въ Прагѣ, по словамъ Соранцо, о немъ очень жалѣли, какъ о безвременно погибшемъ покровителѣ римской церкви. Первое извѣстіе о московскомъ переворотѣ встрѣчается у Соранцо въ депешѣ отъ 24-го іюля 1606 года, но только 21-го августа исчезли его колебанія, и онъ сдѣлалъ свое окончательное до-

несеніе съ баснословною приправою, сваливая всю вину на іезуитовъ, которые будто бы увѣрили Димитрія объявиться католикомъ и вѣнчаться по римскому обряду въ главномъ столичномъ соборѣ [1]). Нечего и говорить, что все это вполнѣ выдумка.

Несравненно большее значеніе имѣетъ обширная депеша отъ 1-го іюля 1606 года другаго венеціанскаго представителя, Альвизе Фоскарини. Еще въ сентябрѣ предъидущаго года онъ былъ назначенъ посломъ въ Краковъ, чтобы присутствовать на бракосочетаніи Сигизмунда III съ эрцгерцогинею Констанціею [2]). Исполнивъ свои порученія, на прощальной аудіенціи, онъ заговорилъ о Димитріи, убіеніе котораго было тогда злобою дня. Съ тонкимъ дипломатическимъ тактомъ онъ поставилъ королю цѣлый рядъ искусно разсчитанныхъ вопросовъ. Сигизмундъ отвѣтилъ—а это главное—положительнымъ заявленіемъ, что Димитрій не былъ сыномъ Ивана Грознаго. Далѣе онъ не пошелъ: кто именно былъ самозванецъ? осталось недосказаннымъ. При томъ, умалчивая о собственномъ содѣйствіи, король сложилъ всю отвѣтственность на Юрія Мнишка, на

---

1) Венеція, Archivio di Stato, Germania, Dispacci, № 36. — Cappelletti, I gesuiti e la Republica di Venezia, стр. 145, № 85.

2) Cornet, Paolo V e la Republica Veneta, стр. 114. Устарѣлая форма Альвизе соотвѣтствуетъ латинской Aloysius (Luigi).

своекорыстныхъ шляхтичей, которые хотѣли обогатиться въ Москвѣ. Вообще, касательно Димитрія, разочарованіе было полное: его дружба считалась ненадежною, его требованія—чрезмѣрными. Такими признаніями Сигизмундъ самъ освѣщаетъ польскую политику: его посланники пребывали въ Москвѣ до самаго погрома и величали правителемъ и княземъ того, которого въ Краковѣ выдавали за самозванца. Донесеніе Фоскарини, если не ошибаюсь, оставалось до сихъ поръ неизвѣстнымъ[1]).

Высшіе чины республики св. Марка только издали слѣдили за московскими происшествіями; прямаго интереса они въ нихъ не имѣли, и, пожалуй, участіе іезуитовъ болѣе всего привлекало ихъ вниманіе. Въ то время всѣ члены ордена были изгнаны изъ Венеціи, по случаю римскаго интердикта, которому они повиновались, не смотря на угрозы свѣтской власти. Изгнанниковъ, однако, не упускали изъ виду, и охотно порицали ихъ дѣятельность гдѣ бы то ни было. Дѣло Димитрія давало къ тому поводъ. 20-го іюля 1606 года, престарѣлый дожъ Леонардо Донати сдѣлалъ первое краткое сообщеніе въ совѣтѣ Десяти со словъ французскаго посла Филиппа Канэ де Френъ. 16-го августа, слѣдуя внушеніямъ того же дипломата, онъ внесъ нѣкоторыя поправки, а по-

[1]) Венеція, Archivio di Stato. Polonia, Dispacci, filza II

томъ распространился объ іезуитахъ. Они были главными виновниками несчастія; завладѣвъ московскими соборами, они стали вводить мятежъ. Здѣсь сказалось нѣкоторое двуличіе со стороны Канэ. Онъ дружески обходился съ Поссевиномъ, желалъ для него кардинальскую шапку, хорошо отзывался о іезуитахъ въ своихъ парижскихъ депешахъ, а передъ венеціанцами осуждалъ ихъ пріемы въ Польшѣ и Трансильваніи. Проницательному дожу показалось даже, что изгнаніе іезуитовъ изъ Франціи было бы Канэ по сердцу.

Сообщенія Леонарда Донати тѣмъ и закончились. Дошло до него письмо изъ Рима, отъ 19-го августа 1606 года, о Димитріи, дошла вышеупомянутая депеша Соранцо отъ 21-го августа 1606 года, но въ совѣтѣ Десяти о московскихъ дѣлахъ уже не упоминалось [1]).

IX. Дневникъ Неизвѣстнаго.

Спутникъ Александра Рангони.—Средняго образованія.—Наблюденія внѣшняго характера.

Въ Неаполитанской національной библіотекѣ хранится дневникъ спутника Александра Рангони, племянника Краковскаго нунція, посланнаго въ Москву къ Димитрію съ поздравленіями [2]). Че-

[1]) Cappelletti, стр. 130, 138, 143, 145, № 70, 80, 83, 85.

[2]) Biblioteca Nazionale, X, G, 12, Relationi di Pollonia et Moscovia, л. 47.

резчуръ скромный авторъ не завѣщалъ потомству своего имени; оно такъ и осталось неразгаданнымъ. Былъ онъ образованія средняго и, не задаваясь политикой, писалъ безъ партійной страсти и безъ предвзятой мысли.

Ближайшею цѣлью автора было облегчить для иностранцевъ поѣздку въ Московію. Поэтому онъ подробно излагаетъ, чѣмъ надо заранѣе запастись, чего дорогой не найти, какъ ѣхать чрезъ Оршу и Смоленскъ, гдѣ останавливаться для ночлега и каково разстояніе между городами. Всѣ эти подробности имѣютъ свое значеніе; но насъ болѣе привлекаетъ то, что̀ Неизвѣстный говоритъ о своемъ пребываніи въ столицѣ.

Отъѣздъ изъ Кракова состоялся 2-го октября 1605 года. Это подтверждается письмомъ папскаго нунція къ Димитрію и показаніемъ Велевицкаго[1]). Что задержало Александра Рангони въ Смоленскѣ, почему онъ лишь очень поздно пріѣхалъ въ Москву, объ этомъ ничего не говорится. Даже день пріѣзда въ Москву не обозначенъ. Въ Кремлѣ пріемъ былъ сдѣланъ съ надлежащею пышностью; только къ столу Рангони не былъ приглашенъ — за то ему прислали въ изобиліи на домъ и блюда и напитки.

Объясняется это тѣмъ, что Рангони, не будучи

[1]) Pierling, Rome et Démétrius, стр. 165, № 6.—Wielewicki, Historici diarii domus... Cracoviensis, т. II, стр. 98.

духовнымъ лицомъ, носилъ, однако, рясу и былъ представителемъ папы. Оказывая ему почести, Димитрій боялся прослыть за католика.

Прежній обычай затворничества иностранныхъ посланцевъ уже не соблюдался; но вступать въ прямыя сношенія съ жителями имъ было возбранено. Потому-то, наблюденія Неизвѣстнаго касаются только внѣшностей.

Болѣе всего поразила Неизвѣстнаго личность Димитрія. Когда онъ выходилъ, ему предшествовали до тридцати служителей и подметали улицу передъ нимъ. О томъ, что Димитрій одинъ прогуливался по городу, какъ пишутъ нѣкоторые иностранцы, Неизвѣстный ничего не знаетъ. Замѣтилъ онъ особенную склонность царя къ военному дѣлу. Недалеко отъ Кремля,—за кремлевской стѣной, было что-то въ родѣ арсенала и оружейнаго завода. Раза два, три въ недѣлю, Димитрій отправлялся туда, увлекался пушечною пальбою и усердно хлопоталъ объ умноженіи пушекъ. На счетъ русскаго духовенства Неизвѣстный прямо утверждаетъ, будто бы царь назначаетъ патріарха и владыкъ по своему собственному усмотрѣнію.

2-го мая 1606 года Александръ Рангони и его спутникъ возвратились въ Краковъ.

ДНЕВНИКЪ АНДРЕЯ ЛАВИЦКАГО [1].

I.

Скудость матеріаловъ о Лавицкомъ. — Родомъ изъ Познани.—Обучается въ Вильнѣ.—Вступленіе въ іезуитскій орденъ.—Характеръ и качества.—«Третій годъ».—Чижовскій.—Его блестящія способности.—Оба назначаются полковыми священниками.—Первое свиданіе съ Димитріемъ.—Посылка Лавицкаго въ Римъ. — Милостивый пріемъ Павла V.—Впечатлѣнія.—Римскій подарокъ Димитрію.—Лавицкій въ Лорето.—Задержанъ въ Польшѣ.—«Несчастная поѣздка» въ Самборъ.—Письмо воеводши.—Разоблаченія Вильчинскаго. — Московскій походъ. — Смерть въ Краковѣ. — Отзывъ современниковъ. — Несокрушимый оптимизмъ. — Двѣ аудіенціи Чижовскаго у Димитрія. — Прибытіе Савицкаго въ Москву. — Роковой день. — Чижовскій и польскій отрядъ. — Три года въ плѣну. — Возвращеніе въ Краковъ.

Для оцѣнки произведенія какого-либо автора, необходимо, прежде всего, ознакомиться съ его личностью. Къ сожалѣнію, по скудости біографическихъ матеріаловъ, полное жизнеописаніе Лавиц-

---

[1]) Перепечатано изъ Русской Старины, 1900 г., декабрь, стр. 689—706.

каго въ настоящее время немыслимо. Намъ остается только собрать тѣ немногія данныя, которыя дошли до насъ. При всей своей отрывочности, этотъ очеркъ послужитъ для опредѣленія степени довѣрія, заслуживаемаго авторомъ [1]).

Андрей Лавицкій провелъ, можно сказать, всю свою жизнь въ Обществѣ Іисуса. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ покинулъ родной городъ Познань и поступилъ въ виленскія іезуитскія школы, гдѣ и прошелъ обычный учебный курсъ. Очень рано, шестнадцати лѣтъ отъ роду, въ 1587 году, онъ поступилъ въ орденъ. Здѣсь его ожидала долгая научная подготовка, которая всегда предшествуетъ священству. Послѣ реторики онъ слушалъ философію и богословіе, а потомъ самъ преподавалъ въ низшихъ и среднихъ классахъ.

Вскорѣ выяснилось, какія именно качества у него преобладали и какого рода были его способности. Глубоко преданный своему призванію, живой, воспріимчивый, онъ склонялся болѣе къ чисто внѣшней дѣятельности, чѣмъ къ сосредоточенной жизни ученаго. Вотъ почему онъ и не былъ удостоенъ степени доктора богословія, ко-

[1]) Настоящій очеркъ составленъ отчасти по источникамъ, которыхъ еще нѣтъ въ историческомъ обращеніи, какъ-то Catalogus Personarum et Officiorum Societatis Jesu разныхъ годовъ, неизданныя письма Лавицкаго и Чижовскаго. На эти источники, ради краткости, ссылокъ не будетъ; всѣ прочіе будутъ своевременно приведены.

торая сопряжена въ орденѣ съ званіемъ професа [1]). Впрочемъ, своимъ практическимъ смысломъ онъ умѣлъ хорошо пользоваться и съ успѣхомъ выполнялъ разныя должности. Искреннее благочестіе сочеталось у него съ пылкимъ воображеніемъ: завѣтною мечтою его юности было проститься съ отечествомъ, отправиться въ Индію возвѣщать евангеліе дикарямъ и окончить жизнь мученическою смертью.

Въ 1604 году, будучи во цвѣтѣ лѣтъ, онъ находился въ Ярославѣ, въ Галиціи, на послѣднемъ испытаніи. Необходимо замѣтить, что въ іезуитскомъ орденѣ, сверхъ двухъ первыхъ лѣтъ искуса, по окончаніи научнаго образованія, установленъ еще цѣлый годъ такого же искуса, такъ называемый «третій годъ». Это нововведеніе въ орденскую жизнь принадлежитъ всецѣло Игнатію Лойолѣ и составляетъ особенность іезуитовъ. Лавицкій проходилъ установленное послушаніе вмѣстѣ съ Николаемъ Чижовскимъ, когда оба они были вызваны въ Самборъ и назначены полковыми священниками при польскомъ отрядѣ войска Димитрія.

Товарищъ Лавицкаго, Николай Чижовскій—человѣкъ совсѣмъ иного закала. Почти все его семейство, осѣдлое на Волыни, слѣдовало кальвин-

---

[1]) По окончаніи испытаній священники ордена Іисуса раздѣляются на професовъ (professus) и духовныхъ помощниковъ (coadjutor spiritualis). Разница состоитъ въ обѣтахъ и правахъ.

скому ученію; онъ же былъ ревностный католикъ. Необыкновенно способный, Чижовскій, достигнувъ восемнадцатилѣтняго возраста, сдѣлался іезуитомъ, въ 1588 году, и съ блестящимъ успѣхомъ завершилъ кругъ научныхъ занятій. Твердаго характера, онъ неуклонно стремился къ намѣченной цѣли и менѣе другихъ поддавался увлеченіямъ. Лавицкій былъ подчиненъ Чижовскому, какъ старшему товарищу.

Оба, Лавицкій и Чижовскій, получили свое новое назначеніе непосредственно отъ ближайшаго своего начальника, Деція Стривери, какъ орденскаго правителя въ Польшѣ; но собственно это назначеніе исходило отъ болѣе высокихъ лицъ. Краковскій нунцій Рангони приписывалъ себѣ инициативу этой мѣры, принятой вслѣдствіе довольно неопредѣленнаго намека Димитрія [1]). На самомъ дѣлѣ, Стривери получилъ одновременно письма отъ нунція и отъ королевскаго духовника, отца Барча. Очевидно, Сигизмундъ III и Рангони сходились въ желаніи поручить іезуитамъ духовное вѣдѣніе польскаго отряда. Выборъ же подходящихъ личностей сдѣлалъ Стривери по своему усмотрѣнію.

При первомъ свиданіи, состоявшемся въ Самборѣ, около 15-го августа 1604 года, Димитрій обворожилъ не только Лавицкаго, но даже Чижов-

[1]) Pierling, La Russie et le Saint-Siège, т. III, стр. 488.

скаго. Оба они искренно повѣрили, что Димитрій— истинный сынъ Ивана Грознаго и законный наслѣдникъ московскаго престола. Эта мысль проходитъ черезъ весь дневникъ, который помѣченъ 4-мъ декабря 1605 года и посвященъ событіямъ, происшедшимъ въ промежутокъ времени между августомъ 1604 года и декабремъ 1605 года.

Въ самомъ началѣ слѣдующаго 1606 года Лавицкій былъ посланъ въ Римъ съ царскими порученіями, въ качествѣ повѣреннаго лица. Это была только предварительная миссія; Димитрій обѣщалъ почтить позже папу Павла V торжественнымъ посольствомъ.

Проѣздомъ, 31-го января, отецъ Андрей явился въ Краковъ ужъ не въ видѣ польскаго ксендза, а истиннаго московскаго попа: въ широкой рясѣ, съ бородою, съ длинными волосами, съ Распятіемъ на груди. Сигузмундъ III удостоилъ его частной аудіенціи и много разспрашивалъ о Димитріи; но самъ, повидимому, не выдалъ своей тайны. Во всякомъ случаѣ, Лавицкій остался при своемъ убѣжденіи о царскомъ происхожденіи Димитрія, между тѣмъ какъ Сигизмундъ, быть можетъ, уже былъ увѣренъ въ его самозванствѣ. 5-го февраля, въ сопровожденіи отца Крыскаго, Лавицкій выѣхалъ изъ Кракова и спѣшно пустился въ путь[1]).

[1]) Wielewicki, Historici diarii domus professae Societatis Jesu Cracoviensis, т. II, стр. 111, 113.—Венеція, Archivio di Stato, Polonia, filza II, депеша Foscarini отъ 1-го іюня 1606 г.

Повѣренному московскаго царя былъ оказанъ въ Римѣ милостивый и благосклонный пріемъ. Имя Димитрія уже прогремѣло чуть не по всей Европѣ. Въ высшемъ римскомъ обществѣ оно было хорошо извѣстно и возбуждало надежду на новый крестовый походъ. «Туркамъ придется плакать, писалъ по этому поводу папскій племянникъ кардиналъ Сан-Джоржіо, а мы будемъ смѣяться»[1]. Павелъ V съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія Лавицкаго и внимательно слѣдилъ за московскими событіями. Въ самый разгаръ борьбы съ Венеціею, вѣсти изъ Московіи служили ему пріятнымъ отводомъ мысли. Престарѣлый дожъ Леонардо Донати навлекъ на Республику церковное запрещеніе; католическое правительство изгоняло іезуитовъ за подчиненіе римскимъ предписаніямъ, а на далекомъ сѣверѣ преемникъ Грознаго увѣрялъ папу въ своей непоколебимой преданности и широко открывалъ іезуитамъ входъ въ свою имперію. Невольно напрашивалось сравненіе между Венеціей и Московіей, которое клонилось отнюдь не въ пользу Венеціи.

Сущность и ходъ переговоровъ между папою и Лавицкимъ извѣстны[2]. Лавицкій не стѣснялся въ выраженіи своихъ убѣжденій; онъ всѣхъ обнаде-

[1]) Delle lettere miscellanee del Sig. Bonifatio Vannozzi, т. II, стр. 185.

[2]) Pierling, Rome et Démétrius, стр. 110: La Russie et le Saint-Siège, т. III, стр. 226.

живалъ, особенно насчетъ церковнаго объединенія, и выставлялъ Димитрія въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Правда, на главнѣйшіе вопросы, какъ-то: война съ Турціею, царскій титулъ, сношенія съ Польшею, папскіе отвѣты уже были сообщены Краковскому нунцію, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства[1]). Надо было только ихъ подтвердить и заручиться преданностью московскаго царя. Кончилось тѣмъ, что, пріѣхавъ въ Римъ посломъ Димитрія къ папѣ, Лавицкій возвращался теперь посломъ папы къ Димитрію. Ему поручено было передать московскому царю душеспасительные совѣты и предостеречь его отъ еретиковъ, въ родѣ братьевъ Бучинскихъ.

Предпріимчивый, смѣлый полякъ, Лавицкій произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе на Павла V. Подолгу длились ихъ бесѣды въ Ватиканѣ. Дошло до того, что папа возъимѣлъ желаніе удержать Лавицкаго въ Римѣ и согласился на его отъѣздъ лишь подъ условіемъ скораго его возвращенія. Въ письмахъ, которыми Павелъ V снабдилъ Лавицкаго, выразилась задушевная папская мысль. Лавицкаго видимо прочили въ царскіе совѣтники. Павелъ V даже намекалъ Юрію Мнишку, что съ такимъ человѣкомъ стоитъ поговорить о государственныхъ дѣлахъ[2]).

[1]) Тургеневъ, Hist. Russiae Mon., т. II, стр. 86, №№ LXXII—LXXIV.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 88, № LXXVI.

Выгодное о себѣ мнѣніе вызвалъ Лавицкій также у орденскаго генерала Клавдія Аквавивы, отличавшагося смѣтливостью и проницательностью. Явнымъ доказательствомъ этого служитъ причисленіе отца Андрея къ професамъ, хотя собственно онъ не имѣлъ на это права — изъ уваженія къ его заслугамъ допущено было исключеніе не въ примѣръ другимъ. Такимъ образомъ, 2-го апрѣля 1606 года, Лавицкій произнесъ торжественные обѣты въ великолѣпной церкви del Gesù[1]).

Вѣроятно, въ это же время римскіе товарищи Лавицкаго вручили ему предназначенный для Димитрія подарокъ. Письменнаго свидѣтельства объ этомъ не сохранилось, но дошли до насъ три огромные фоліанта, въ красныхъ кожаныхъ переплетахъ, съ позолотою, посвященные московскому царю. На каждомъ томѣ, вокругъ замысловатаго узора, красуется надпись на греческомъ, латинскомъ и не-то русскомъ, не-то общеславянскомъ языкѣ. Только латинская надпись выполнена удачно, хотя и не безукоризненно. Она гласитъ такъ: Serenissimo et Invictissimo Monarchae Demetrio Joannis Dei gratia Imperatori et Magno Duci totius Russiae et omnium Tartariae Regnorum et aliorum plurimorum Dominiorum Monarchiae Moscoviticae Subjectorum Domino et Regi Patres Societatis Jesu Roma dono mittut (sic, вмѣ-

[1]) Wielewicki, т. II, стр. 121.

сто mittunt)[1]. Что же касается греческой и особенно полу-русской, полу-славянской надписи, онѣ такъ плохо выполнены, что ихъ и передать трудно. Содержаніе книгъ—ветхозавѣтное пророчество и описаніе іерусалимскаго храма[2])—едва ли могло заинтересовать Димитрія въ его новой обстановкѣ. Къ тому же текстъ составленъ на латинскомъ языкѣ. Безъ сомнѣнія, дарители разсчитывали не столько на текстъ, сколько на гравюры, которыми изобилуютъ всѣ три фоліанта.

Римскій подарокъ такъ и не достигъ Москвы—онъ остался у іезуитовъ въ Польшѣ. Для насъ онъ служитъ слабымъ отголоскомъ того настроенія, которое Лавицкій возбудилъ между своими собратьями. Царскій титулъ являлся тогда жгучимъ и спорнымъ вопросомъ; самъ Димитрій почиталъ его мѣриломъ расположенія къ нему, а громкая, многорѣчивая надпись римскихъ іезуитовъ, составлен-

---

1) Свѣтлѣйшему и пренепобѣдимому государю Димитрію Ивановичу Божіею милостіею императору и великому князю всея Россіи и всѣхъ татарскихъ царствъ и многихъ другихъ владѣній московскому государству подвластныхъ владѣтелю и царю отцы Общества Іисуса посылаютъ изъ Рима въ даръ.

2) Вотъ заглавіе перваго тома: «Hieronymi Pradi et Joannis Baptistae Villelplandi e Societate Jesu in Ezechielem Explanationes et Apparatus Urbis ac Templi Hierosolymitani Commentariis et imaginibus illustratus. Opus tribus tomis distinctum. Romae, 1596.—Назвать владѣтеля этихъ книгъ мнѣ не разрѣшено.

ная на новый московскій ладъ, свидѣтельствуетъ о ихъ желаніи угодить Димитрію и его повѣренному.

Около 10-го апрѣля Лавицкій покинулъ Вѣчный городъ. Хотя онъ и торопился въ обратный путь, но все же заѣхалъ въ Лорето поклониться Божіей Матери. Дорогой на него напалъ обычный врагъ пріѣзжихъ въ Италіи: его стала мучить лихорадка. Здѣсь сказался характеръ Лавицкаго. Полагаясь болѣе на помощь свыше, чѣмъ на земныя средства, онъ далъ обѣтъ дойти до Лорето пѣшкомъ. Дѣйствительно, въ Реканати онъ слѣзъ съ лошади, достигъ благополучно своей цѣли и почувствовалъ себя здоровымъ.

Въ Лорето Лавицкій провелъ три дня въ усердной молитвѣ предъ иконой Богородицы. Три раза онъ служилъ обѣдню въ самомъ восторженномъ расположеніи духа, какъ видно изъ его письма, отъ 22-го апрѣля, къ орденскому генералу. Съ полною откровенностью Лавицкій изливаетъ свои чувства: первую обѣдню онъ отслужилъ за Димитрія и за Общество Іисуса, вторую за одного Димитрія, третью опять за Общество Іисуса и за себя. При этомъ онъ молилъ Бога, чтобы Обществу предоставлено было обширное поле дѣйствія въ Россіи, а для себя онъ желалъ только много трудовъ и лишеній и, наконецъ, мученическую смерть. Эта мысль постоянно преслѣдовала его. Въ томъ же письмѣ, онъ обѣщалъ, по прибытіи въ Болонью. подробно изложить на бумагѣ все, что только было

ему извѣстно о Димитріи, для полнаго увѣдомленія генерала и папы. Къ несчастію, ни болонское посланіе Лавицкаго, ни его письмо къ Димитрію изъ Лорето не сохранились.

Впрочемъ, отецъ Андрей напрасно безпокоился. Ему не суждено было возвратиться въ Москву. Пока онъ былъ въ дорогѣ, 27-го мая 1606 года, совершился переворотъ, въ которомъ Димитрій погибъ. Лавицкаго задержали въ Польшѣ.

Тяжело было ему помириться съ дѣйствительностью. Онъ такъ свыкся съ своими мечтами, такъ былъ увѣренъ въ высшемъ призваніи Димитрія, что слухи о вторичномъ спасеніи казались ему правдоподобными. Эти слухи вскорѣ охватили всю Польшу. Со всѣхъ сторонъ, сперва нунцій Рангони, потомъ его преемникъ Симонетта получали такого рода извѣстія. Разсказывали, будто Димитрій возвратился въ Самборъ, скрылся въ монастырѣ бернардиновъ и тамъ готовится на новые подвиги. Не довольствуясь чужими провѣрками, Лавицкій самолично отправился въ Самборъ навести справку и, разумѣется, никакихъ слѣдовъ Димитрія не нашелъ. «Несчастная поѣздка», говорилъ онъ потомъ про нее.

Казалось, всякая надежда разсѣялась. Лавицкій горевалъ въ уединеніи и сокрушался о прошломъ. Но вотъ, въ концѣ октября, является къ нему, во Львовъ, сендомирскій военно-служитель, предъявляетъ адресованное ему письмо воеводши Мни-

шекъ и восклицаетъ: «Живъ, отче, живъ Димитрій! Вотъ собственноручное письмо воеводши, съ ея печатью — взгляните, и болѣе не сомнѣвайтесь». Дѣйствительно, воеводша увѣряла, что Димитрій цѣлъ и невредимъ, требовала оставаться ему вѣрнымъ и не скупилась на обѣщанія. Мало того: тотъ же служитель показалъ еще два, три письма, полученныя отъ бывшихъ солдатъ Димитріева войска. Всѣ они клялись, что Димитрій только скрывается, но что онъ несомнѣнно здравствуетъ, скоро появится и опять пойдетъ на Москву.

Добродушіе Лавицкаго проявилось опять воочію при этомъ случаѣ. Онъ возликовалъ, не сталъ задаваться новыми разысканіями и поспѣшилъ сообщить эти новости нунцію Рангони, какъ совершенно вѣрныя и, конечно, весьма радостныя. Въ порывѣ восторга, онъ даже проговорился, намекнувъ, что униженіе послужитъ Димитрію для искупленія его грѣховъ. Объ этихъ «грѣхахъ» обыкновенно рѣчи не было; только здѣсь выясняется истина [1]).

Въ началѣ 1607 года Лавицкій еще болѣе утвердился въ своихъ надеждахъ. Наканунѣ Богоявленія, прямо изъ Ярославля пришелъ къ нему, во Львовъ, нѣкто Иванъ Бильчинскій. Онъ

---

[1]) Ватиканскій Архивъ, отдѣлъ Боргезе, II, 499, письмо Лавицкаго къ Рангони отъ 31-го октября 1606 года.

служилъ при особѣ Димитрія и подчасъ исполнялъ письменныя работы. Отецъ Андрей знавалъ его въ Москвѣ и былъ его духовнымъ пастыремъ. По словамъ этого очевидца, окровавленное тѣло, поруганное на Лобномъ мѣстѣ, вовсе не было похоже на Димитрія: лицо безъ бородавки, съ усами: на головѣ густые волосы. «И не удивительно, ибо Димитрій—говорилъ онъ,—дѣйствительно спасся». Вскорѣ послѣ майскаго погрома, Бильчинскій, невѣдомо какими путями, добрался до Ярославля. Тамъ бѣдствовалъ Сендомирскій воевода со своею дочерью. Марина была убѣждена въ спасеніи своего супруга. Ночью, 27-го мая, Димитрій вбѣжалъ къ ней въ комнату, крича: «Сердечная моя, мятежъ, мятежъ! Для тебя опасности нѣтъ, а я укроюсь». Такъ разсказывала сама Марина.

Оставалось только узнать, гдѣ укрывался бѣглецъ. Эту задачу взялъ на себя Бильчинскій. Марина дала ему письмо къ Димитрію и тайныя порученія, обнадежила щедрою наградою, и онъ согласился отправиться на розыски. Чрезъ шесть недѣль онъ ужъ былъ во Львовѣ, посѣтивъ Москву, гдѣ кипѣла междоусобица; онъ видался въ Путивлѣ съ самозванцемъ Петрушкою. Тамъ же онъ осмотрѣлъ лошадей, служившихъ для бѣгства Димитрія, и попутно собралъ самыя утѣшительныя извѣстія. Петрушка принялъ его ласково, но отобралъ письма, вслѣдствіе чего Биль-

чинскій заблагоразсудилъ поспѣшно бѣжать. Теперь же онъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, отыскать Димитрія. «А какъ снова вступить безъ всякихъ затрудненій на Московскій престолъ, этому я его научу», говорилъ самоувѣренный полякъ. Такого рода пріемы обличали не малую долю хвастливаго плутовства, и, кажется, нетрудно было бы это замѣтить; но Лавицкій настолько увлекался излюбленною мечтою, что не могъ заподозрить своего собесѣдника. Въ письмѣ къ Децію Стривери, отъ 12-го января 1607 года, онъ обстоятельно описалъ свое свиданіе съ Бильчинскимъ и опять воспрянулъ духомъ[1]).

Чѣмъ все это кончилось, извѣстно. Спасеніе Димитрія было чистою выдумкою. Нашелся, однако, самозванецъ, который выдавалъ себя за спасеннаго царя. Наступило для Россіи тяжелое, смутное время. Лавицкому пришлось разувѣриться въ своихъ предположеніяхъ, и онъ снова обратился къ прежней дѣятельности: частью миссіонерствовалъ въ русскихъ областяхъ, подвластныхъ Польшѣ, частью завѣдывалъ школами въ Люблинѣ и Ярославѣ.

Между тѣмъ, его постоянно тянуло въ Москву. Изъ своего, хотя и краткаго, пребыванія между русскими, онъ вынесъ искреннюю привя-

---

[1]) Тамъ же, письмо Лавицкаго къ Стривери отъ 12-го января 1607 года.

занность къ нимъ, упражнялся въ русскомъ языкѣ и съ обычнымъ пыломъ восклицалъ: «Рѣшительно желалъ бы быть москвичемъ» [1])! Тщетное желаніе! Но приблизиться къ Москвѣ ему, однако, удалось. Въ 1617 году, поляки предприняли новый походъ противъ Россіи. Войсками начальствовалъ сынъ Сигизмунда III королевичъ Владиславъ. При немъ находились три іезуита въ должности полковыхъ священниковъ, и между ними считался и отецъ Андрей [2]). Объ его дѣятельности въ этомъ походѣ не имѣется никакихъ свѣдѣній, а объ остальной жизни имѣется очень мало.

По возвращеніи въ Польшу, онъ былъ назначенъ настоятелемъ въ Баръ. Тамъ прощался съ нимъ Станиславъ Жолкѣвскій наканунѣ несчастной Цецорской битвы. Какъ бы предугадывая будущее, храбрый гетманъ отдалъ ему, для дальнѣйшей передачи, булаву и кольцо. Лютая смерть оправдала предчувствіе [3]).

Въ 1626 году Лавицкій былъ опредѣленъ ректоромъ въ Ярославъ, а три года спустя—духовникомъ въ Краковъ, въ тотъ самый домъ св. Варвары, гдѣ Димитрій совершилъ свое отреченіе и свою первую исповѣдь. Тамъ Лавицкій и скончался 24-го марта 1631 года.

---

[1]) Moschus omnino mallem esse, изъ письма Лавицкаго отъ 8-го августа 1605 года.

[2]) Wielewicki, т. III, стр. 204.

[3]) Тамъ же, т. IV, стр. 32.

Отзывы современниковъ о Лавицкомъ вполнѣ для него благопріятны. Выше было упомянуто, какъ относились къ нему Павелъ V и Клавдій Аквавива. Изъ всей обстановки его жизни видно, что онъ пользовался уваженіемъ своихъ начальниковъ. Въ 1608 году, краковскій нунцій Симонетта далъ ему весьма деликатное порученіе къ холмскому епископу, а въ своей римской депешѣ выразился о немъ, что онъ добрый и опытный человѣкъ[1]). Однако, главной черты его характера, никто не подмѣтилъ. У Лавицкаго преобладалъ несокрушимый оптимизмъ со всѣми его послѣдствіями. Въ частности же къ этому присоединилась предвзятая мысль о высокомъ призваніи Димитрія и о неминуемомъ преобразованіи русскаго духовнаго быта. Подъ этимъ угломъ зрѣнія представлялись Лавицкому всѣ событія, въ этомъ свѣтѣ онъ ихъ воображалъ и въ этомъ же смыслѣ старался ихъ истолковывать. Вотъ почему онъ былъ такъ изумительно легковѣренъ, когда извѣстія совпадали съ его надеждами. Упрекать его въ обманѣ или даже въ притворствѣ было бы несправедливо. Его искренность подчасъ даже выступаетъ наглядно: такъ, побывавъ въ Самборѣ, въ 1606 году, онъ заявляетъ, что слѣ-

[1]) Ватиканскій Архивъ, отдѣлъ Боргезе, II, 236, депеша Симонетты отъ 27-го іюля 1608 года; IV, 79, письмо Лавицкаго отъ 8-го августа 1608 года; IV, 274, л. 90, verso.

довъ Димитрія нѣтъ. Но едва покажутъ ему двусмысленное письмо, какъ только явится Бильчинскій, его мысли тотчасъ же получаютъ другое направленіе, и его впечатлительность немедленно восторжествуетъ.

Что же касается Чижовскаго, то о немъ намъ еще менѣе извѣстно, чѣмъ о Лавицкомъ. Послѣ отъѣзда его товарища въ Римъ, онъ остался одинокимъ въ Москвѣ. Ему предоставили новое, удобное помѣщеніе въ самомъ центрѣ города, и 15-го февраля онъ переѣхалъ туда вмѣстѣ съ кармелитами, которые находились въ Москвѣ, проѣздомъ въ Персію. Четыре дня спустя, 19-го февраля, представлялся царю, при самой пышной обстановкѣ, племянникъ Краковскаго нунція, Александръ Рангони. Въ томъ же мѣсяцѣ Чижовскій дважды былъ принятъ Димитріемъ. На первой аудіенціи присутствовали Станиславъ Бучинскій и московскій сановникъ. Царь расхваливалъ русскому вельможѣ полковыхъ священниковъ, одарилъ Чижовскаго потиромъ и кадиломъ изящной московской работы, но, въ присутствіи постороннихъ лицъ, не затрогивалъ важнѣйшихъ вопросовъ. Гораздо интереснѣе была вторая аудіенція 18-го февраля. Чижовскій, перерядившись, незамѣтно пробрался во дворецъ и былъ съ Димитріемъ наединѣ. Царь не скрылъ своей радости, милостиво выслушалъ всѣ представленія, изъявилъ желаніе призвать въ Москву отца Деція

Стривери[1]), просилъ своего собесѣдника приходить чаще, но тайкомъ, подарилъ ему иконы Святой Троицы и Божіей Матери въ дорогихъ окладахъ и заявилъ о своемъ намѣреніи вскорѣ исповѣдываться.

Несмотря на эти заявленія, зловѣщіе признаки тревожили отца Николая, хотя онъ и не предвидѣлъ кровавой развязки. 20-го февраля онъ писалъ въ Польшу, что духовенство подняло бурю изъ-за Марины, но что все успокоилось и обошлось безъ смертной казни. Ему было также извѣстно о какомъ-то заговорѣ, который во-время былъ открытъ. Грозныя тучи облегали небо; но онъ все-таки разсчитывалъ на тишину и спокойствіе[2]). Прибытіе отца Савицкаго въ свитѣ Марины очень обрадовало его, но вмѣстѣ они оставались не долго. Насталъ ужасный день. Вечеромъ, 26-го мая, отецъ Николай отправился въ помѣщеніе польскаго отряда и провелъ тамъ всю ночь, чтобы рано утромъ отслужить обѣдню. Такимъ образомъ, онъ избѣгъ рѣзни 27-го мая. Савицкому удалось не безъ труда вызвать его въ домъ польскихъ пословъ, гдѣ онъ самъ нашелъ убѣжище. Сообразивъ всѣ обстоятельства,

---

[1]) Краковъ, Ягеллонская библ., 5, л. 635, оригиналъ письма Димитрія къ Стривери, отъ 23-го февраля 1606 года.

[2]) Все предшествующее о Чижовскомъ заимствовано изъ его писемъ къ Стривери, отъ 16-го и 20-го февраля 1606 года.—Ватиканскій Архивъ, отдѣлъ Боргезе, II, 499.

они рѣшили снова разстаться. Савицкій остался при послахъ, отецъ же Николай вернулся къ польскому отряду, чтобы раздѣлить его участь[1]). Новое московское правительство постановило выслать немедленно на родину всѣхъ военныхъ; но эта поспѣшная высылка превратилась въ трехлѣтній плѣнъ. Только 13-го февраля 1609 года Чижовскій вернулся въ Краковъ и на другой же день увѣдомилъ объ этомъ письменно орденскаго генерала Клавдія Аквавиву. Не вдаваясь ни въ описаніе событій, ни въ оцѣнку личностей, онъ только благодарилъ Бога за всѣ его благодѣянія, за то, что могъ въ плѣну ежедневно служить обѣдню, совершать святыя таинства и утѣшать своихъ товарищей. Мимоходомъ лишь говорится, что Димитрій былъ убитъ въ Москвѣ, и болѣе ничего.

Остальную свою жизнь отецъ Николай провелъ во Львовѣ, Ярославѣ и Познани, исполняя неоднократно обязанности ректора. Въ московскихъ дѣлахъ онъ, кажется, не принималъ болѣе участія.

---

[1]) Wielewicki, т. II, стр. 151.

II.

Текстъ дневника. — Отстраненіе Деція Стривери. — Участіе Чижовскаго. — Авторство Лавицкаго. — Главный интересъ дневника. — Пересказы по Вишневецкому. — Два отдѣла. — Міросозерцаніе Лавицкаго. — Духовная дѣятельность въ походѣ и въ Москвѣ. — Фактическій отдѣлъ. — Обстановка Димитрія въ Самборѣ. — Религіозныя чувства. — Благосклонность и планы. — Перемѣна въ обращеніи. — Внушительныя событія. — Народное настроеніе. — Переломъ послѣ смерти Годунова. — Московскія празднества. — Качества и недостатки дневника. — Односторонность. — Хронологія.

Дневникъ, приписываемый Лавицкому, составленъ на латинскомъ языкѣ, въ Москвѣ, помѣченъ 4-мъ декабря 1605 года и сохранился въ двухъ спискахъ. Первый списокъ подписанъ Чижовскимъ и Лавицкимъ, второй Деціемъ Стривери и представляетъ сокращеніе перваго съ немногими варіантами. Кто же собственно былъ авторомъ дневника?

Прежде всего, должно совершенно отстранить Деція Стривери. Очевидцемъ событій онъ не былъ, а только воспользовался предоставленнымъ ему дневникомъ для доклада орденскому генералу, при чемъ онъ исключилъ подробности, прибавилъ кое-что и замѣнилъ первое лицо третьимъ, вполнѣ полагаясь, впрочемъ, на правдивость своихъ подчиненныхъ.

Иначе слѣдуетъ отнестись къ Чижовскому. Можно даже сказать, что дневникъ до нѣкоторой

степени произведеніе общее, его и Лавицкаго. До конца 1605 года оба они были постоянно вмѣстѣ, обмѣнивались мыслями и впечатлѣніями, дѣйствовали дружно, за-одно; наконецъ своею подписью приняли на себя одинаковую нравственную отвѣтственность.

Тѣмъ не менѣе, авторомъ дневника является собственно одинъ Андрей Лавицкій. На него возлагались вообще всѣ письменныя работы, иногда онъ даже велъ латинскую переписку Димитрія. Въ частности, несомнѣнно, что имъ составлялись періодическіе отчеты для Деція Стривери, которые затѣмъ помѣщались въ ежегодникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «litterae annuae». На это есть положительныя указанія[1]). Дневникъ же его есть не что иное какъ законченный сводъ такихъ отчетовъ. Сверхъ того, при сравненіи дошедшихъ до насъ писемъ Чижовскаго и Лавицкаго оказывается большое сходство дневника съ письмами Лавицкаго. Характерныя черты писемъ выдаютъ автора дневника.

По правдѣ сказать, дневникъ не представляетъ ничего особенно новаго. Содержаніе его отчасти тождественно съ появившимися уже въ печати письмами Чижовскаго и Лавицкаго. Но главный его интересъ заключается въ томъ, что по этому

---

1) Pierling, Rome et Démétrius, стр. 209 и въ другихъ мѣстахъ.

дневнику можно прослѣдить, какими путями образованный полякъ приходилъ къ убѣжденію въ правдивости Димитрія, какимъ образомъ онъ укрѣплялся въ этой мысли и что преимущественно его поражало.

Приступая къ разбору дневника, приходится, прежде всего, выдѣлить все то, что Лавицкому было извѣстно только по пересказамъ. Своимъ личнымъ наблюденіямъ онъ предпослалъ кое-что о происхожденіи Димитрія и о его появленіи въ Польшѣ. Введеніе, безъ сомнѣнія, умѣстное, но заимствованное изъ записки Вишневецкаго. Обращеніе къ этому источнику важнѣе, чѣмъ самая сущность введенія. На записку князя Адама до сихъ поръ обращалось слишкомъ мало вниманія. Новаковскій, если не ошибаюсь, впервые ее напечаталъ и отнесъ къ 1606 году[1]). Никто не позаботился о провѣркѣ. Между тѣмъ, записку продиктовалъ Вишневецкому самъ Димитрій еще въ 1603 году. Затѣмъ, она была представлена Сигизмунду III, сообщена сенаторамъ и послана въ Римъ[2]). Это былъ, такъ сказать, первый формулярный списокъ Димитрія, который онъ самъ признавалъ и по которому его всѣ оцѣнивали. Очевидныя для насъ несообразности записки не поразили Лавицкаго; онъ принялъ записку съ

[1]) Źródła do dziejów Polski, т. II, стр. 65.
[2]) Ватиканскій Архивъ, отдѣлъ Боргезе, 90, a, III.

полнымъ и вполнѣ излишнимъ довѣріемъ. Конечно, ему было гораздо труднѣе, чѣмъ намъ, разобраться въ этомъ темномъ дѣлѣ; однако, нашелся же и тогда въ сенатѣ епископъ Барановскій, который почуялъ что-то неладное и смѣло писалъ королю: «кто спѣшно вѣритъ, тотъ сердца не твердаго». Пребываніе Димитрія въ Самборѣ, его обращеніе и сношенія съ нунціемъ Рангони описаны кратко и безъ указанія источниковъ.

Очевидцемъ событій и участникомъ въ нихъ Лавицкій становится съ августа 1604 года. Съ этого времени въ дневникѣ появляются какъ бы два, то смѣшанные, то чрезполосные отдѣла: одинъ касается священнической дѣятельности, другой передаетъ внѣшнія событія. Это двоякое содержаніе обусловливается цѣлью Лавицкаго. Онъ обращался къ своему начальнику, давалъ ему полный отчетъ, и не могъ умолчать ни объ окружающей его обстановкѣ, ни объ исполненіи своихъ прямыхъ обязанностей.

Первый отдѣлъ имѣетъ бо̀льшее значеніе въ идейномъ и бытовомъ отношеніи, чѣмъ въ фактическомъ. Въ немъ выступаетъ міросозерцаніе Лавицкаго, и мы знакомимся съ средою, въ которой онъ вращался.

Нельзя отрицать, что онъ глубоко и послѣдовательно задавался мыслью о царствѣ Божіемъ, о вѣчномъ блаженствѣ ввѣренныхъ ему душъ. Взоры его устремлялись въ будущее, и онъ ча-

сто мечталъ о всеобщемъ единеніи въ вѣрѣ. И это не были у него пустыя слова и тщетныя пожеланія; на самомъ дѣлѣ замѣтна извѣстная выдержка. Такъ, передъ отъѣздомъ въ походъ, онъ отправился на Волынь вмѣстѣ съ Чижовскимъ навѣстить семейство своего товарища. Ихъ появленіе между кальвинистами не прошло безслѣдно. Мать отца Николая, старшая сестра его, два брата и нѣкоторые сосѣди обратились въ католичество. Здѣсь сказался духъ обоихъ іезуитовъ.

Вступивъ въ отправленіе своей должности при польскомъ отрядѣ, они занялись немедленно устройствомъ богослуженія. Ихъ палатка превратилась въ походную церковь. Ежедневно они служили обѣдню, часто проповѣдывали, пріобщали Святыхъ Таинъ, посѣщали больныхъ и для ободренія сопровождали сражающихся на поле битвы. Въ Путивлѣ, гдѣ Димитрій простоялъ цѣлые мѣсяцы, они еще болѣе сблизились со своимъ отрядомъ. Посѣтители не переводились въ ихъ палаткѣ; кто приходилъ за совѣтомъ, кто искалъ утѣшенія въ горѣ, кто хотѣлъ подѣлиться своею радостью. По воскресеньямъ обѣдня отправлялась торжественно, съ военною музыкою; при вечернемъ богослуженіи было всеобщее пѣніе. Въ праздникъ Благовѣщенія весь отрядъ былъ поставленъ подъ особое покровительство Богородицы. Во время великаго поста духовныя упра-

женія умножались, почти всѣ поочередно говѣли; въ святую седмицу самые усердные сооружали, по польскому обычаю, гробъ Господень. Свѣтлое Воскресенье отпраздновалось съ ружейной и пушечной пальбой, къ немалому удивленію и одобренію русскаго населенія.

По прибытіи въ Москву, кругъ дѣятельности іезуитовъ еще болѣе расширился. Кромѣ отряда нашлись другіе поляки, нуждавшіеся въ духовной помощи. Это были большею частью военноплѣнные, служившіе нѣкогда подъ знаменемъ Баторія и оставшіеся въ Москвѣ. Многіе изъ нихъ отступились отъ католичества и были окрещены въ православіе; при видѣ же своихъ ксендзовъ, они вспомнили о прошломъ, стали умолять, чтобы для нихъ построили костелъ и занялись ихъ пастырствомъ.

Отецъ Андрей тщательно перечисляетъ всѣ эти явленія, съ радостью отмѣчаетъ каждый успѣхъ. Онъ увлекается подробностями и описываетъ даже очень маловажные, частные случаи. Однажды, напримѣръ, отчаянные кутилы сговорились напоить до-пьяна молодого, постоянно трезваго поляка. Пиръ устроенъ былъ на славу, и вскорѣ пошло общее, шумное веселье. Осторожный юноша, не ожидавшій ничего добраго отъ такой попойки, спустился подъ столъ, никѣмъ незамѣченный, доползъ до выхода, выскочилъ изъ палатки и прибѣжалъ къ отцу Андрею разсказать о сво-

емъ подвигѣ. Впослѣдствіи выяснилось, что полякъ спасся отъ разставленной ему ловушки.

Іезуитамъ не сразу удалось пріобрѣсти вліяніе надъ наемнымъ отрядомъ. Войско это было далеко не отборное. Во главѣ его стоялъ сендомирскій воевода Юрій Мнишекъ съ своею роднею и немногими друзьями. Имъ по неволѣ пришлось набирать охотниковъ отовсюду и принимать всѣхъ безъ различія. Получилось такое сборище, которое, простоявъ немного во Львовѣ, успѣло возмутить противъ себя все населеніе. Жалобы дошли до короля, и войско едва не было распущено. На самомъ дѣлѣ, оно состояло большею частью изъ людей грубыхъ, невѣжественныхъ, своекорыстныхъ, падкихъ на добычу и, коль скоро не выдавалось жалованье, совершенно необузданныхъ. Перевоспитаніе такихъ молодцовъ было дѣло не легкое. Іезуиты все таки отъ него не уклонились. Скорый уходъ обратно въ Польшу самыхъ неукротимыхъ своевольниковъ упростилъ имъ эту задачу. Христіанскія чувства стали все болѣе и болѣе развиваться и приносить желаемые плоды. Лавицкій видѣлъ въ этомъ хорошее предзнаменованіе и предавался самымъ смѣлымъ надеждамъ.

Такое настроеніе отражается и на другомъ, чисто фактическомъ, отдѣлѣ дневника. Первая встрѣча съ Димитріемъ, въ августѣ 1604 г., имѣла, какъ выше сказано, рѣшающее значеніе. Въ Самборѣ обстановка Димитрія, послѣ свиданія его съ ко-

женія умножились, почти всѣ поочередно говѣли; въ святую седмицу самые усердные сооружали, по польскому обычаю, гробъ Господень. Свѣтлое Воскресенье отпраздновалось съ ружейной и пушечной пальбой, къ немалому удивленію и одобренію русскаго населенія.

По прибытіи въ Москву, кругъ дѣятельности іезуитовъ еще болѣе расширился. Кромѣ отряда нашлись другіе поляки, нуждавшіеся въ духовной помощи. Это были большею частью военноплѣнные, служившіе нѣкогда подъ знаменемъ Баторія и оставшіеся въ Москвѣ. Многіе изъ нихъ отступились отъ католичества и были окрещены въ православіе; при видѣ же своихъ ксендзовъ, они вспомнили о прошломъ, стали умолять, чтобы для нихъ построили костелъ и занялись ихъ пастырствомъ.

Отецъ Андрей тщательно перечисляетъ всѣ эти явленія, съ радостью отмѣчаетъ каждый успѣхъ. Онъ увлекается подробностями и описываетъ даже очень маловажные, частные случаи. Однажды, напримѣръ, отчаянные кутилы сговорились напоить до-пьяна молодого, постоянно трезваго поляка. Пиръ устроенъ былъ на славу, и вскорѣ пошло общее, шумное веселье. Осторожный юноша, не ожидавшій ничего добраго отъ такой попойки, спустился подъ столъ, никѣмъ незамѣченный, доползъ до выхода, выскочилъ изъ палатки и прибѣжалъ къ отцу Андрею разсказать о сво-

емъ подвигѣ. Впослѣдствіи выяснилось, что полякъ спасся отъ разставленной ему ловушки.

Іезуитамъ не сразу удалось пріобрѣсти вліяніе надъ наемнымъ отрядомъ. Войско это было далеко не отборное. Во главѣ его стоялъ сендомирскій воевода Юрій Мнишекъ съ своею роднею и немногими друзьями. Имъ по неволѣ пришлось набирать охотниковъ отовсюду и принимать всѣхъ безъ различія. Получилось такое сборище, которое, простоявъ немного во Львовѣ, успѣло возмутить противъ себя все населеніе. Жалобы дошли до короля, и войско едва не было распущено. На самомъ дѣлѣ, оно состояло большею частью изъ людей грубыхъ, невѣжественныхъ, своекорыстныхъ, падкихъ на добычу и, коль скоро не выдавалось жалованье, совершенно необузданныхъ. Перевоспитаніе такихъ молодцовъ было дѣло не легкое. Іезуиты все таки отъ него не уклонились. Скорый уходъ обратно въ Польшу самыхъ неукротимыхъ своевольниковъ упростилъ имъ эту задачу. Христіанскія чувства стали все болѣе и болѣе развиваться и приносить желаемые плоды. Лавицкій видѣлъ въ этомъ хорошее предзнаменованіе и предавался самымъ смѣлымъ надеждамъ.

Такое настроеніе отражается и на другомъ, чисто фактическомъ, отдѣлѣ дневника. Первая встрѣча съ Димитріемъ, въ августѣ 1604 г., имѣла, какъ выше сказано, рѣшающее значеніе. Въ Самборѣ обстановка Димитрія, послѣ свиданія его съ ко-

ролемъ, была уже царская. Польскіе паны окружали его почтеніемъ, московскіе выходцы преклонялись предъ сыномъ Грознаго. Самъ Димитрій держалъ себя хотя и важно, но отмѣнно милостиво. Полковыхъ священниковъ онъ принялъ отлично, возобновилъ передъ ними свой обѣтъ строить церкви и школы по всей Россіи и, въ знакъ довѣрія, поручилъ имъ свою душу. Юрій Мнишекъ присутствовалъ при этомъ, подчеркнулъ слова своего будущаго зятя и, безъ дальнѣйшихъ оговорокъ, посовѣтовалъ ему, по случаю праздника Успенія, пріобщиться Святыхъ Тайнъ. Предложеніе было охотно принято и исполнено, съ соблюденіемъ, однако, строжайшей тайны.

Во время похода, Димитрій искусно поддерживалъ произведенное имъ благопріятное впечатлѣніе. Онъ обходился съ іезуитами неизмѣнно ласково и предупредительно, заботился объ ихъ продовольствіи, даже объ ихъ лошадяхъ, иногда одаривалъ ихъ, приглашалъ къ своему столу, пилъ за ихъ здоровье, часто бесѣдовалъ съ ними и совѣтовался въ трудныхъ обстоятельствахъ. Особую благодарность онъ имъ высказывалъ за то, что они его не покинули во время январьскаго мятежа подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ, хотя они не согласились увѣщевать мятежниковъ и удерживать на службѣ.

При всякомъ удобномъ случаѣ ихъ священ-

ническая дѣятельность среди отряда выставлялась на видъ и восхвалялась. Димитрій, изъ осторожности, рѣдко присутствовалъ на богослуженіи; но онъ не упускалъ случая поощрять поляковъ и справлялся у нихъ о проповѣдяхъ, испрашивалъ для себя благословеніе, съ умиленіемъ принялъ частицу Животворящаго Креста и приписывалъ ей одержанную имъ побѣду. Два раза, во время похода, къ Рождеству и къ Пасхѣ, Димитрій, по собственному желанію, несмотря на препятствія, исповѣдывался и пріобщался.

По всему казалось, что лично на будущаго царя можно положиться. Къ тому же его постоянно занимали самые обширные планы. Любимымъ предметомъ бесѣдъ Димитрія съ іезуитами было коренное преобразованіе Россіи въ религіозномъ и научномъ отношеніи. Постепеннаго введенія среднихъ и высшихъ школъ онъ не одобрялъ: немедленное устройство тѣхъ и другихъ казалось ему желательнѣе и представлялось не трудно исполнимымъ—стоило только для начала выписать учителей и учениковъ изъ за границы! Блескомъ наукъ онъ такъ увлекался, что въ Путивлѣ самъ было началъ учиться; но болѣе трехъ дней не выдержалъ и нашелъ хорошій предлогъ, чтобы избавиться отъ школы. Русское духовенство у него въ большомъ почетѣ не было; самыя жестокія порицанія доставались монахамъ, на его взглядъ, тунеядцамъ, невѣждамъ и развратни-

камъ. О нихъ онъ отзывался съ видимою горечью и даже съ негодованіемъ.

Перемѣна обстоятельствъ къ лучшему замѣтно повліяла на Димитрія. Чтобъ его не заподозрили въ католичествѣ, онъ сталъ уклоняться отъ іезуитовъ. Начиная съ іюня, личныя сношенія почти совсѣмъ прекратились; только чрезъ посредниковъ іезуиты получали утѣшительныя вѣсти и сами приглашались разъ или два къ царскому столу. Когда же имъ, наконецъ, удалось, 29-го ноября, представиться Димитрію, онъ ихъ принялъ съ величайшею радостью, поцѣловалъ у нихъ руки, осыпалъ знаками своей милости и потребовалъ, чтобы одинъ изъ нихъ отправился въ Римъ съ тайными порученіями къ папѣ Павлу V.

Вслѣдствіе такихъ пріемовъ, оба іезуита, Лавицкій и Чижовскій, оставались неизмѣнно при своемъ убѣжденіи, что Димитрій искренній католикъ, и что отъ него можно ожидать очень многое въ церковномъ отношеніи. Это убѣжденіе предрасполагало ихъ въ пользу Димитрія; имъ было на руку вѣрить въ его царское происхожденіе и законное право на престолъ. Однако, необходимо признать, что и самый ходъ событій внушительно дѣйствовалъ на нихъ въ этомъ же смыслѣ.

Только что войско переправилось черезъ Днѣпръ, оказалось, что Димитрій вовсе не былъ польскимъ избранникомъ. Поляки служили ему изъ за платы,

не оказывали никакой привязанности, то и дѣло бунтовались, когда имъ несвоевременно выплачивали обѣщанное жалованье, грозили возвратиться въ Польшу, и въ самомъ дѣлѣ въ концѣ похода ихъ осталось всего 700 человѣкъ. Не такъ вели себя русскіе. Они бѣжали на встрѣчу Димитрія, съ восторгомъ привѣтствовали свое «красное солнышко», падали ницъ и плакали отъ радости. Въ укрѣпленныхъ городахъ воеводы сопротивлялись, но народъ шумно и грозно возставалъ противъ нихъ, да и сами воеводы являлись потомъ къ Димитрію съ повинной. Такъ было въ Моравскѣ и Черниговѣ.

Правда, Басмановъ не сдалъ Новгорода-Сѣверскаго, Мстиславскій разбилъ Димитрія при Добрыничахъ; но это дѣлалось по повелѣнію Бориса Годунова. Отъ него ничего другаго и ожидать было нельзя. Когда же Димитрій, послѣ своего пораженія, поселился въ Путивлѣ, народная любовь къ нему снова ярко проявилась. Борисъ Годуновъ былъ царемъ въ Москвѣ, Димитрій царемъ въ Путивлѣ. Вся окружающая область добровольно ему повиновалась; города и крѣпости, лежащіе на крымской дорогѣ, сдавались одинъ за другимъ. Между тѣмъ, войско Годунова стояло безсмысленно подъ Кромами, ничего дѣльнаго не предпринимало, и, наконецъ, стало разбѣгаться и таять на глазахъ своихъ начальниковъ.

Впечатлѣнія Лавицкаго сводились къ тому, что

народныя массы признають Димитрія за истиннаго царя, и что мирному его воцаренію препятствуеть только незаконный кремлевскій властелинъ. Не будь Годунова, все легко устроилось бы. Но, вотъ, скачетъ въ Путивль Бахметевъ съ извѣстіемъ, что Бориса не стало. И что же? Немедленно положеніе вещей измѣняется: войско подъ Кромами сдается; Басмановъ переходитъ на сторону Димитрія; Василій Голицынъ спѣшитъ въ Путивль; за нимъ ѣдутъ другіе бояре; русская знать бьетъ челомъ новому царю; передъ нимъ открывается путь въ Москву.

25-го мая 1605 года Димитрій двинулся къ столицѣ чрезъ Орелъ и Тулу. Это уже не былъ походъ, а торжественное шествіе. Народъ стекался со всѣхъ сторонъ и подносилъ хлѣбъ-соль; пышные шатры воздвигались для ночлега или для стоянки; радость была всеобщая. Въ Москвѣ она достигла высшей степени: все населеніе высыпало на встрѣчу Димитрія; духовенство, бояре, войско, сословные представители сопровождали его до Кремля, гдѣ онъ и поселился. Какъ тутъ не повѣрить, что онъ законный наслѣдникъ Ивана Грознаго? Димитрій всегда твердилъ, что Москва будетъ за него стоять, и это оправдалось на дѣлѣ.

Быстрыми и блестящими успѣхами Димитрія послѣ смерти Годунова, точностью его предсказаній, единодушіемъ русскаго населенія Лавицкій былъ, конечно, сильно пораженъ. Ему казалось,

что обыкновенныя людскія средства едва ли могли произвести такой крупный переворотъ, и онъ видѣлъ въ немъ особое божественное попеченіе въ пользу истины и права. Даже первый, неудавшійся заговоръ Василія Шуйскаго нисколько не смущалъ Лавицкаго. Дѣло представлялось ему такъ, какъ будто Борисъ Годуновъ выдавалъ Димитрія за злѣйшаго врага православія, а Шуйскій воспользовался этими слухами для своекорыстныхъ цѣлей; между тѣмъ сторонниковъ Шуйскій не нашелъ; напротивъ, бояре приговорили его къ позорной смерти, и только Димитрій помиловалъ его.

Послѣдующія празднества совершенно изгладили воспоминаніе о заговорѣ. Уже самый пріѣздъ царицы Маріи, въ инокиняхъ Маѳы, подѣйствовалъ ошеломляющимъ образомъ. Мать Димитрія Углицкаго вела уединенную жизнь, вдали отъ Москвы. Есть извѣстіе, что Борисъ Годуновъ совѣтовался съ ней, но во всякомъ случаѣ скрытно—публичнаго заявленія не послѣдовало и даже въ своихъ грамотахъ онъ объ ней умалчивалъ. Димитрій поступилъ иначе и гораздо искуснѣе: на первыхъ порахъ онъ вызвалъ Царицу-инокиню въ Москву, выѣхалъ изъ города къ ней на встрѣчу и свидѣлся съ ней предъ многочисленной толпой. Лавицкій утверждаетъ, что зрѣлище было невыразимо трогательное. Заливаясь слезами, Маѳа признала Димитрія за своего истиннаго сына. Съ

своей стороны, Димитрій оказывалъ ей благоговѣніе и привязанность, и осыпалъ ее всевозможными почестями. Понятно, какое обаяніе имѣло слово матери, какъ оно заглушало возможныя сомнѣнія, какъ оно вселяло полную увѣренность.

Наконецъ, 31-го іюля 1605 года, насталъ торжественный день коронованія. Передъ Богомъ и людьми, въ Успенскомъ соборѣ, вся Россія провозгласила Димитрія законнымъ царемъ и преемникомъ Ивана Грознаго. Патріархъ, окруженный синклитомъ, возложилъ на него вѣнецъ и бармы, бояре цѣловали ему крестъ, народъ и войско ликовали. При самомъ обрядѣ вѣнчанія, Димитрій разсказалъ свою исторію и какъ онъ остался невредимъ среди величайшихъ опасностей. Къ сожалѣнію, Лавицкій не передаетъ его собственныхъ словъ; но онъ видѣлъ, какъ избранные слушатели растрогались и прослезились. Въ эту минуту, каждый долженъ былъ подумать, что или Димитрій дѣйствительно сынъ Грознаго, или вся Москва ошибается, всю Москву обманываютъ.

Лавицкій не задавался такими размышленіями; въ немъ преобладала самая полная радость и вмѣстѣ съ Чижовскимъ онъ заботился только о будущемъ. Оба твердо надѣялись, что, укрѣпившись на престолѣ, Димитрій приступитъ къ преобразованіямъ, которыми онъ такъ увлекался въ Путивлѣ. Никакихъ особенныхъ препятствій они не предвидѣли. Конечно, положительныхъ и

совершенно вѣрныхъ данныхъ, что для Россіи наступитъ теперь новая эра, также не было. Всѣ предположенія основывались только на личности Димитрія.

Сказаннаго достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о дневникѣ, объ его качествахъ и недостаткахъ. Односторонность Лавицкаго неоспорима. Въ прямыхъ сношеніяхъ онъ былъ только съ Димитріемъ и съ его доброжелателями; провѣрять ихъ разсказы у него не было случая, да едва-ли была и охота. Напротивъ, личныя расположенія склоняли его все толковать въ пользу царя. Источникомъ такого благожеланія было, конечно, то обстоятельство, что Димитрій предвѣщалъ церковное единеніе. Но, допуская увлеченіе Лавицкаго, трудно опредѣлить, до какой степени оно было сознательно. Подготовительной къ смутѣ работы онъ не видѣлъ и не зналъ, а самого себя обманывать, безъ сомнѣнія, не хотѣлъ. Значитъ, факты представлялись такъ, что могли озадачить подготовленнаго въ извѣстномъ направленіи наблюдателя. По дневнику можно прослѣдить, какія именно событія дѣлали самое глубокое впечатлѣніе и какъ они воспринимались очевидцами. Такимъ образомъ осмысливается блестящій успѣхъ Димитрія въ общественномъ католическомъ мнѣніи, вопреки легендарности его первоначальныхъ заявленій. Двойной элементъ содѣйствовалъ выгодному для Димитрія обороту: предвзятое благорас-

положеніе къ католику и что-то непонятное, поразительное въ переживаемой эпохѣ русской жизни.

Односторонность Лавицкаго имѣла гораздо менѣе вліянія на его оцѣнку личности Димитрія. Во время похода, особенно въ Путивлѣ, оба іезуита часто и подолгу бесѣдовали съ Димитріемъ о разныхъ предметахъ. Никто изъ современныхъ писателей не имѣлъ этого преимущества въ одинакой съ ними степени. Подробности, которыя они намъ сообщаютъ объ умственныхъ способностяхъ Димитрія, его отличной памяти, его рвеніи къ наукамъ, выдерживаютъ самую строгую критику. Поразительно молчаніе о темныхъ сторонахъ Димитріева характера; вотъ почему и указанія на свѣтлыя нравственныя стороны нуждаются въ провѣркѣ.

Наконецъ, независимо отъ всякихъ соображеній, обращаетъ на себя вниманіе хронологія дневника. Она оказывается совершенно вѣрной и вообще подтверждается современными свидѣтельствами. Когда же источники расходятся, можно, пожалуй, дать предпочтеніе Лавицкому, какъ очевидцу. Это замѣчаніе особенно важно въ виду разногласія относительно предполагаемой казни Василія Шуйскаго. Лавицкій относитъ ее къ 10-му іюля.

И такъ, не смотря на свои недостатки, отчасти же именно вслѣдствіе ихъ, дневникъ Лавицкаго не лишенъ значенія для исторіи Димитрія.

ИСААКЪ МАССА [1].

Изданія и переводы записокъ Массы.—Біографическія данныя.—Труды по географіи.—Историкъ и свидѣтель.—Разсказы объ Иванѣ Грозномъ.—Ихъ несостоятельность.—Сужденіе ванъ-деръ-Линде.—Противорѣчія.— Предразсудки Массы.—Его фанатизмъ.—Первые шаги Димитрія.—Дѣятельность папы и іезуитовъ.—Римскій легатъ въ Персіи.—Московскій походъ Димитрія.—Дипломатическія дѣла.—Сношенія съ Римомъ.—Неполность и ненадежность матеріала.—Главные недосмотры.—Личность Димитрія.—Общее заключеніе.

Записки Исаака Массы появились въ печати въ 1866 году. Тщательные издатели ихъ, князь Михаилъ Оболенскій и докторъ ванъ-деръ-Линде, снабдили голландскій текстъ французскимъ переводомъ, замѣчаніями и очеркомъ жизни и трудовъ Массы [2]). Нѣсколько лѣтъ спустя Археогра-

---

[1]) Въ сокращенномъ видѣ эта замѣтка напечатана въ Русской Старинѣ, 1873, декабрь, стр. 479—486.

[2]) Histoire des Guerres de la Moscovie (1601 — 1610) par Isaac Massa de Haarlem publié (sic) pour la première fois, d'après le ms. hollandais original de 1610, aves d'autres opuscules sur la Russie, et des annotations par M. le Prince Michel Obolensky et M. le Dr van der Linde. Bruxelles. 1866, 2 vol.

фическая комиссія перепечатала тотъ же голландскій текстъ [1]), а вслѣдъ за тѣмъ выпустила и русскій переводъ съ подстрочными, мелкими замѣчаніями Е. Е. Замысловскаго [2]).

Современникъ Димитрія, отчасти очевидецъ того, что онъ разсказываетъ, Масса почти всю жизнь поддерживалъ сношенія съ Москвою [3]). Родился онъ въ Гаарлемѣ въ 1587 году. Съ самаго дѣтства родители предназначали его къ торговлѣ шелкомъ; для пріобрѣтенія навыка по этой части, въ 1600 или 1601 году онъ былъ посланъ въ Москву, гдѣ и провелъ цѣлыхъ восемь лѣтъ. Такимъ образомъ ему удалось быть свидѣтелемъ переворотовъ, потрясавшихъ Россію въ началѣ XVII столѣтія.

Во время правленія Василія Шуйскаго, вслѣдствіе тяжелыхъ тогдашнихъ обстоятельствъ, многіе иностранцы покинули Москву. Въ томъ числѣ и Масса. По возвращенію на родину, онъ про-

1) Rerum Rossicarum Scriptores Exteri a Collegio Archaeographico editi. Tomus II. Isaaci Massae et Eliae Herkmanni, Batavorum, Narrationes. Petropoli, 1868. Изданіемъ занимался членъ коммиссіи Р. Минцловъ.

2) Сказанія Массы и Геркмана о Смутномъ Времени въ Россіи. Изданіе Археографической Коммиссіи. С.-Петербургъ, 1874. Послѣдующія ссылки, въ отсутствіи другого указанія, относятся къ этому изданію.

3) Біографическій очеркъ Массы составленъ по ванъ-деръ-Линде, Histoire des Guerres, т. II, стр. III — CXVI. Нѣкоторыя дополненія приводитъ Минцловъ, Rer. Ross. Script. т. II, стр. IX,

должалъ заниматься торговлею, оказывалъ услуги правительству въ сношеніяхъ съ Россіею, и самъ не разъ ѣздилъ въ Москву.

На Голландію обращалось тогда напряженное вниманіе. Съ восшествіемъ на престолъ Михаила Ѳедоровича, Россія стала мало-по-малу оправляться, но страдая еще отъ послѣдствій минувшихъ невзгодъ, имѣя на рукахъ войну съ Польшею и Швеціею, она постоянно нуждалась въ деньгахъ и въ боевыхъ снарядахъ. Съ просьбою о займахъ и помощи она неоднократно обращалась къ иностраннымъ державамъ, между прочимъ и къ Генеральнымъ Штатамъ. Голландцы переживали сами крупныя затрудненія, большею частью не могли выполнять желаній Россіи, но все-таки дорожили сношеніями съ ней въ виду своей собственной торговли, которую желали расширить, достигнувъ Персіи чрезъ Каспійское море.

При каждомъ пріѣздѣ русскихъ уполномоченныхъ, Масса призывался властями для перевода писемъ и словесныхъ переговоровъ. Его посылали также въ Москву въ сопровожденіи Русскихъ съ цѣлью упорядоченія торговыхъ дѣлъ. Однакожъ офиціальнымъ представителемъ Генеральныхъ Штатовъ онъ никогда не былъ, и даже особенною ихъ милостью не пользовался. На покрытіе путевыхъ издержекъ ему туго выдавались очень скромныя пособія, и когда онъ пожелалъ вмѣсто денегъ получить золотую цѣпь съ медалью для

ношенія на шеѣ, ему таковой не выдали, а предоставили заказать себѣ самому какую угодно цѣпь. Намъ неизвѣстна причина этого обиднаго отказа, которая, пожалуй, кроется въ взаимной зависти голландскихъ купцовъ.

Не имѣя, какъ онъ самъ сознается, никакой подготовки, Масса былъ однако не прочь отъ научной дѣятельности. Главная его заслуга состоитъ едва ли не въ трудахъ по географіи: онъ составлялъ карты и планы, усердно освѣдомлялся объ отдаленныхъ окраинахъ, особенно о Сибири, изучалъ новыя средства и способы путевыхъ сообщеній и, заслуживъ лестную извѣстность между современниками, оставилъ послѣ себя весьма цѣнныя розысканія. Привлекала его также исторія, и онъ задумалъ, въ 1610—1611 годахъ, описать московскія событія, начиная съ царствованія Ивана Грознаго и доходя до текущихъ происшествій. Такимъ образомъ Масса выступаетъ то какъ историкъ, который наводитъ справки и пишетъ по слухамъ, то какъ свидѣтель, бывшій въ Москвѣ отъ 1600 до 1608 года. Этотъ разнородный матеріалъ даетъ возможность опредѣлить способности Массы и качество его дарованій.

Приступая къ разсказу объ Иванѣ Грозномъ, Масса признается, «что написать о немъ совершенно правдиво рѣшительно невозможно» [1]), такъ

---

[1]) Сказанія, стр. 15.

какъ о немъ говорятъ очень различно. Потому авторъ ограничивается краткимъ очеркомъ царскихъ походовъ и завоеванiй. Въ этомъ признанiи и въ этомъ прiемѣ заключается очень много. Видно, что Масса не старается вникнуть въ суть дѣла и не идетъ далѣе поверхности. Его и сравнить нельзя съ такимъ наблюдателемъ какъ, Джильсъ Флетчеръ, который такъ хорошо понялъ механизмъ русскаго государства и такъ мѣтко опредѣлилъ сокровенную причину опричнины. На столь высокiй полетъ Массѣ не хватаетъ внутренней, самостоятельной силы, которая дается отъ природы и едва ли прiобрѣтается личнымъ трудомъ. Другое дѣло, точное изложенiе фактовъ по достовѣрнымъ источникамъ, съ удачнымъ подборомъ и должною полнотою. Здѣсь старательность и навыкъ имѣютъ большое значенiе. Но и въ этомъ отношенiи Масса не особенно отличается. Въ французскомъ изданiи встрѣчается такой отзывъ о царствованiи Ивана IV въ сочиненiи нашего автора: «хронологическая путаница, искаженiе фактовъ, которыя тамъ появляются, обличаютъ автора, знакомаго съ разсказываемыми происшествiями только по устной передачѣ, а не по хорошимъ писаннымъ источникамъ. Вся часть, которая предшествуетъ царствованiю Бориса, слишкомъ кратка, неполна, неточна, чтобы имѣть какое-либо значенiе въ смыслѣ историческаго до-

кумента» [1]). Съ этимъ, хотя и суровымъ, приговоромъ нельзя не согласиться. Да и самъ Масса сѣтовалъ на недостатокъ научной подготовки и въ письмѣ къ Морицу Оранскому выражался такъ: «Если бы я не самъ себя обучалъ письму и не былъ, по большей части, обязанъ своимъ образованіемъ самому себѣ, то я съумѣлъ бы удовлетворительно написать (это историческое сочиненіе)» [2]).

Но плохой историкъ можетъ быть честнымъ свидѣтелемъ. Значеніе Массы сводится именно на то, что онъ самолично находился въ Москвѣ, хотя и не безвыѣздно, въ началѣ XVII столѣтія [3]). Упомянувъ объ этомъ обстоятельствѣ, ванъ-деръ-Линде прибавляетъ еще слѣдующее: «Мы только замѣтимъ, что свидѣтельство Массы пріобрѣтаетъ еще большее значеніе, если припомнить, что онъ во время своего пребыванія въ Россіи былъ въ сношеніяхъ со дворомъ и, побуждаемый любознательностью, старался подружиться съ нѣкоторыми дворянами и дьяками. Чуждый политическихъ страстей, которыя помѣшали бы ему отнестись къ событіямъ безпристрастно, не принадлежа къ націи для русскихъ недружелюбной, что невольно побудило бы его описать людей и событія мрачными красками, будучи въ цвѣтѣ лѣтъ, въ воз-

---

1) Histoire des Guerres, т. II, стр. 237.

2) Сказанія, стр. 5.

3) Тамъ же, стр. IV, примѣчаніе 3-е.

растѣ свободномъ отъ предразсудковъ, доступномъ для впечатлѣній особенно живыхъ и непосредственныхъ, онъ разсказываетъ видѣнное имъ самимъ, а когда приводитъ постороннія свидѣтельства, то обращается къ лицамъ, находящимся въ самомъ водоворотѣ событій; будучи одаренъ, наконецъ, религіознымъ и нравственнымъ чувствомъ, неразлучнымъ со стремленіемъ къ истинѣ, Масса соединяетъ въ себѣ всѣ качества историка вполнѣ правдиваго» [1]).

Такъ превозноситъ нашего автора докторъ ванъ-деръ-Линде въ своемъ предисловіи. Здѣсь бросается въ глаза нѣкоторое противорѣчіе между этой оцѣнкой и строгимъ, выше приведеннымъ, отзывомъ, который находится въ примѣчаніяхъ того же изданія. Если даже умственно отдѣлить историка Ивана IV отъ свидѣтеля послѣдующихъ событій, и предоставить похвалы только свидѣтелю, то все-таки противорѣчіе еще не сглаживается. Дѣло въ томъ, что ванъ-деръ Линде черезъ чуръ увлекается своимъ соотечественникомъ, какъ это выяснитъ провѣрка.

Разсмотримъ во-первыхъ сношенія Массы «со дворомъ». Очень цѣнны были бы показанія бояръ и дьяковъ, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы передавались также имена знатныхъ свидѣтелей. У Массы ихъ къ сожалѣнію нѣтъ, всѣ его ссылки

---

[1]) Histoire des Guerres, т. II, стр. VII.

анонимны. Правда, онъ самъ про себя положительно говоритъ, что посѣщалъ дворъ, передавалъ заграничныя извѣстія, пользовался расположеніемъ нѣкоторыхъ царедворцевъ и дьяковъ, поддерживалъ съ ними дружескія отношенія и такимъ образомъ имѣлъ возможность подробно и обстоятельно узнавать обо всемъ [1]). При этомъ однакожъ не слѣдуетъ забывать, что положеніе Массы было въ то время очень скромное: онъ просто состоялъ приказчикомъ, имѣлъ хозяина, который посылалъ его на-домъ съ камкою и атласомъ [2]), что и позволяло ему вступать въ разговоры съ «дворянами». Трудно предположить при такой обстановкѣ обширный кругъ знакомыхъ и дружескія отношенія съ высокопоставленными личностями. Ниже будутъ указаны такіе крупные пробѣлы и такія неточности, что придется усомниться въ доброкачественности первоисточниковъ Массы, и въ томъ, что онъ получалъ свѣдѣнія отъ лицъ, находящихся «въ самомъ водоворотѣ событій».

Ставится далѣе на видъ возрастъ Массы, но врядъ ли очень удачно. Въ 1600 году онъ былъ тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, а когда онъ писалъ свои воспоминанія, ему насчитывалось не болѣе 24-хъ лѣтъ. И такъ, въ самый разгаръ московской драмы будущій авторъ не отличался зрѣ-

[1]) Сказанія, стр. IV, V.
[2]) Тамъ же, стр. 188.

лостью, хотя и былъ любознателенъ и развитъ. Это не мѣшало ему, вопреки мнѣнію ванъ-деръ Линде, поддаваться различнымъ предразсудкамъ. Безъ всякаго колебанія, онъ разсказываетъ, что въ 1602 году караульные солдаты видѣли на воздухѣ колесницу, запряженную шестью лошадьми, въ которой сидѣлъ полякъ и хлопалъ бичемъ. Три года спустя повсюду происходило много чудеснаго, въ Москвѣ слышался страшный вой волковъ, «какъ будто ихъ было несмѣтное множество». Въ 1606 г., Масса видѣлъ самъ небесныя знаменія: неожиданныя тучи въ видѣ горъ и пещеръ облегли горизонтъ, появился левъ и мгновенно исчезъ, верблюдъ,—и также исчезъ, великанъ,—и удалился въ пещеру. Вслѣдъ за тѣмъ показался цѣлый городъ, висящій въ воздухѣ, со стѣнами и дымящимися башнями, и этотъ городъ безслѣдно исчезъ. Въ другой разъ, луна перепугала Массу: она показалась ему совершенно кровавою, всѣми овладѣлъ страхъ, заперли окна и двери и поставили сторожей. Послѣ смерти Димитрія чрезвычайная засуха очень озадачила нашего автора: онъ былъ готовъ объяснить всю исторію Самозванца властью нечистой силы и допускалъ дѣйствіе «самого діавола «съ помощью конечно іезуитовъ [1]).

Еще хуже то, что религіозныя чувства Массы вовсе не были, какъ полагаетъ ванъ-деръ Линде,

---

[1]) Тамъ же, стр. 85, 119, 185, 195, 196, 210, 229.

неразлучны съ стремленіемъ къ истинѣ. Напротивъ того, они часто служили ему камнемъ преткновенія. Здѣсь возникаетъ вопросъ: какого вѣроисповѣданія былъ Исаакъ Абрамсонъ Масса? Библейскія имена и географическое прозвище намекають на семитическій элементъ; пожалуй онъ въ самомъ дѣлѣ происходилъ отъ евреевъ, лично же онъ былъ кальвинистомъ, даже очень ярымъ и враждебно настроеннымъ противъ римской церкви. На его вѣрованія указываютъ нѣкоторыя мѣста его сочиненій [1]), его благоговѣніе передъ Морицомъ Оранскимъ, «героемъ вѣры», которому онъ, въ высокопарномъ посланіи, посвятилъ свой трудъ о Московіи. Фанатизмъ же кальвиниста сказывается въ энергичной образности слога, когда рѣчь заходить о католичествѣ. Такъ римская столица представляется ему «вавилонской блудницей», сидящей на семи холмахъ, одѣтой въ красный (sic) пурпуръ и держащей въ рукахъ чашу беззаконій; священники обзываются негодяями, обладающими умѣньемъ служить обѣдню, а іезуиты—прислужниками діавола [2]).

Обративъ должное вниманіе на эти изреченія, придется нѣсколько убавить похвалы ванъ-деръ Линде. Ближайшее разсмотрѣніе повѣствованія приведеть къ тому же заключенію: окажется, что

[1]) Histoire des Guerres, т. II, стр. LXXXV.

[2]) Сказанія, стр. 58, 181, 229. — Histoire des Guerres, т. II, стр. 45, 160, 205.

Масса не всегда заслуживаетъ безусловнаго довѣрія, особенно когда онъ говоритъ съ чужихъ словъ.

Самое появленіе Димитрія въ Польшѣ и его первые шаги на поприщѣ самозванства описаны очень неудовлетворительно и даже невѣроятно [1]). Убѣжавъ въ Польшу «съ тайными бумагами», Димитрій передъ 1600 годомъ нѣсколько разъ будто бы отправлялся въ Москву, выдавая себя то за крестьянина, то за нищаго. Потомъ онъ очутился въ Кремлѣ вмѣстѣ со Львомъ Сапѣгою уже въ качествѣ дворянина, а между тѣмъ въ Польшѣ онъ «съ давняго времени» выдавалъ себя за сына Ивана Грознаго, котораго считали убитымъ въ Угличѣ. Такъ повѣствуетъ Масса, но теперь уже документально установлена совсѣмъ другая хронологія. О тайныхъ бумагахъ, о побѣгахъ въ Россію, объ участіи въ посольствѣ Сапѣги въ лучшихъ источникахъ никакихъ слѣдовъ нѣтъ. Литовскій канцлеръ возставалъ противъ Димитрія на сеймахъ и въ запискахъ представленныхъ королю, и никто изъ современниковъ не упрекнулъ его въ потворствѣ самозванцу, а возить съ собою такую личность въ Москву было бы верхъ потворства.

Очень наглядно выступаютъ пристрастіе Массы и его несостоятельность при изложеніи дѣятельности папы и іезуитовъ [2]). Онъ ничего не знаетъ

---

[1]) Сказанія, стр. 101, 102.

[2]) Тамъ же, стр. 102.

объ обращеніи Димитрія въ католичество, о заискиваніи у нунція Рангони, о преніяхъ въ Краковѣ. Дѣло представляется совсѣмъ иначе и въ произвольно превратномъ видѣ: іезуиты подвергли Димитрія испытаніямъ и разспросамъ и обратились съ отчетомъ въ Римъ. Папа немедленно выслалъ своего легата въ Москву подъ предлогомъ поѣздки въ Персію, и получивъ удовлетворительныя донесенія, задумалъ овладѣть Москвою и согласился дѣйствовать именемъ Димитрія.

Подчеркиваю здѣсь, еще разъ, и на всегда, упомянутый выше пріемъ голландскаго писателя: онъ охотно замалчиваетъ собственныя имена и приводитъ въ дѣйствіе анонимныя личности; папа, его легатъ, іезуиты—всѣ безъ имени. Между тѣмъ, довольно назвать хоть бы римскаго легата, чтобы заподозрить и даже опровергнуть весь разсказъ. Въ 1601 году не одинъ, а два папскіе представители проѣзжали чрезъ Москву въ Персію; ни тотъ ни другой не былъ легатомъ, Миранда былъ даже свѣтскимъ человѣкомъ, а Коста—простымъ духовнымъ лицомъ. Инструкціи, данныя имъ, дошли до насъ. Дѣятельность ихъ извѣстна. Климентъ VIII посылалъ ихъ къ Аббасу I, чтобы условиться съ нимъ о союзѣ противъ турокъ и для распространенія христіанской вѣры въ Персіи. О русскомъ государствѣ и рѣчи нѣтъ; для него не имѣются никакихъ порученій, и въ своихъ письмахъ изъ Москвы Коста и Миранда только расхваливаютъ Бориса

Годунова, его сына Θедора, и заявляютъ, что спѣшатъ отправиться въ Астрахань[1]). Нѣтъ, не Коста, не Миранда, а Краковскій нунцій Рангони доставлялъ сперва Клименту VIII, а потомъ Павлу V желаемыя свѣдѣнія о московскихъ происшестіяхъ. Только до Массы вѣсть о нихъ не доходила, онъ видимо пишетъ на угадъ или по смутнымъ, ненадежнымъ источникамъ.

То же приходится сказать и о московскомъ походѣ Димитрія. Въ главныхъ чертахъ его можно съ достовѣрностью прослѣдить по Маржерету, Боршу, по письмамъ Димитрія и полковыхъ священниковъ, наконецъ по русскимъ лѣтописямъ. Масса не имѣлъ достаточныхъ свѣдѣній о военныхъ дѣйствіяхъ: они изображаются у него плохо и невѣрно. Походъ начинается взятіемъ Чернигова; о Моравскѣ, о наступленіи по двумъ дорогамъ нѣтъ ни единаго слова. Новгородъ Сѣверскій, гдѣ Басмановъ жестоко отбивалъ Димитрія, сдается будто бы вслѣдствіе голода. Всего подробнѣе описано пораженіе при Добрыничахъ, да и тутъ упускается изъ виду самое главное: внезапное бѣгство запорожцевъ, на которыхъ такъ горько жаловался Димитрій. Это конечно только частныя, но уже до-

[1]) Pierling, La Russie et le Saint-Siège, т. II, стр. 378.— Ватиканскій архивъ, Miscellanea, Istruttioni, т. III, л. 238.— Anthoine de Govvea, Relation des grandes Guerres et Victoires obtenues par le Roy de Perse Cha Abbas, Rouen, 1649, стр. 137, 141 и проч.

вольно грубыя, погрѣшности[1]). Не трудно замѣтить, что и общій характеръ войны, составъ и настроеніе войска, всѣ его передвиженія, пребываніе Самозванца въ Путивлѣ, словомъ внутренняя связь и послѣдовательность событій не совсѣмъ доступны скудно освѣдомленному автору иностранцу.

За дипломатическими дѣлами, окруженными обыкновенно тайною, труднѣе слѣдить чѣмъ за военными происшествіями. Не удивительно, что показанія Массы здѣсь еще менѣе пригодны. Выше приведена своевольная расправа съ предполагаемымъ папскимъ легатомъ. Въ 1604 году, упоминается прибытіе цесарскаго посла, рыцаря мальтійскаго ордена. Слѣдовало прибавить, что этотъ рыцарь назывался Генрихъ Логау[2]). Самый ходъ переговоровъ, какъ онъ передается Массою, не соотвѣтствуетъ дошедшимъ до насъ документамъ. Цесарская инструкція не затрогиваетъ вопроса о Димитріи, а пресловутое письмо Бориса къ Рудольфу II помѣчено ноябремъ 1604 года, между тѣмъ какъ Логау покинулъ Москву въ августѣ и не могъ поэтому доставить его въ Прагу. Отвѣтъ Рудольфа также не подходитъ къ сообра-

---

[1]) Сказанія, стр. 107, 118, 121.

[2]) Генрихъ Логау ошибочно называется Андреемъ въ Памятникахъ дипломатическихъ сношеній, т. II, столб. 1490. Впрочемъ приводится также названіе Энрыхъ Леоговъ.

женіямъ, высказаннымъ будто бы посломъ въ Кремлѣ [1]).

Отправленіе Постника-Огарева въ Польшу и всѣ его начинанія описаны довольно вѣрно [2]), за то о Смирномъ Отрепьевѣ, который первый ѣздилъ въ Краковъ и выступалъ какъ дядя Самозванца, нѣтъ ни малѣйшаго помина. Такой пропускъ очень знаменателенъ: онъ доказываетъ, что Масса или не умѣлъ или не могъ слѣдить за самыми существенными фактами.

Особенно же поразительны недосмотры на счетъ сношеній съ Римомъ. Масса повѣствуетъ, что въ октябрѣ 1605-го года «пріѣзжалъ папскій легатъ для возобновленія союза, заключеннаго въ Польшѣ» [3]) Этотъ безъименный легатъ былъ никто иной какъ секретарь краковскаго нунція, Алоизій Пратиссоли, пріѣхавшій въ Москву съ подарками и поздравленіями, но безъ всякихъ порученій, какъ видно изъ современной переписки [4]). Возобновленіе мнимаго союза есть своевольная, ничѣмъ

---

[1]) Сказанія, стр. 103.—Вѣна, Государственный Архивъ, 1604, 15 februar, Instruction an Logau.—Болдаковъ, Сборникъ матеріаловъ по русской исторіи начала XVII вѣка, стр. 53 и слѣд., письма Логау, Бориса Годунова и Рудольфа II.

[2]) Сказанія, стр. 110.

[3]) Тамъ же, стр. 173.—Замысловскій, ссылаясь на Карамзина, ошибочно называетъ этого посла Александромъ Рангони.

[4]) Pierling, Rome et Démétrius, стр. 162, № 5.

не объяснимая прибавка. Гораздо важнѣе было посольство Александра Рангони, въ началѣ 1606 г. Онъ явился во имя папы, его принимали въ Кремлѣ съ нѣкоторымъ блескомъ, и онъ дѣйствительно велъ переговоры, хотя никакого союза не возобновлялъ. Страннымъ образомъ «слона-то» Масса «и не примѣтилъ», а если примѣтилъ, то объ немъ не обмолвился. То же молчаніе соблюдается и о посылкѣ въ Римъ Андрея Лавицкаго, снабженнаго не маловажной инструкціей Димитрія.

И такъ, въ разсказѣ Массы представляется какъ не полный и не надежный матеріалъ все то, что касается до военныхъ дѣйствій и дипломатическихъ переговоровъ. Болѣе довѣрія заслуживаетъ видѣнное имъ самимъ, случившееся передъ его глазами, хотя и тутъ опасно было бы принимать всякое извѣстіе безъ разбора, особенно когда нѣтъ подтвержденія съ другой стороны.

Какъ повѣрить, на примѣръ, что, вступая въ Москву, при громадномъ стеченіи народа, когда всѣ взоры обращались на него, Димитрій не съумѣлъ приложиться къ иконамъ по древнему православному обычаю? Это тѣмъ менѣе правдоподобно, что дорогой, во всѣхъ городахъ, духовенство выходило на встрѣчу Димитрія съ образами, такъ что ему многократно представлялся случай усвоить себѣ надлежащую сноровку. Удивительно также, что вѣнчаніе Димитрія на царство, событіе выходящее изъ ряду вонъ, пріурочивается къ 20-му

числу іюля, между тѣмъ какъ оно происходило 21-го (31-го), въ самый праздникъ св. Игнатія, какъ замѣчаетъ Андрей Лавицкій. Далѣе, предполагаемая казнь Василія Шуйскаго переносится съ 30 іюня (10 іюля) на 25-ое августа 1605 г. Послѣдняя помѣтка не вѣрна и вѣрной быть не можетъ, ибо имѣется письмо Лавицкаго отъ 14-го іюля, гдѣ вся эта сцена изображается какъ уже совершившійся фактъ [1]).

По поводу въѣзда Марины въ Москву и ея обрученія, Масса даетъ безсознательно нѣкоторую мѣрку для собственной его оцѣнки: видно, что внѣшняя обстановка ему болѣе знакома чѣмъ подпольная работа. Онъ подробно описываетъ царскія кареты, бѣлыхъ лошадей съ черными пятнами, унизанные жемчугомъ наряды вельможъ; ему даже извѣстны пререканія Димитрія съ польскими послами, но вѣроисповѣдныя затрудненія Марины, требованія русскаго духовенства, римскія рѣшенія, какъ будто имъ и не подозрѣваются [2]). Сами по себѣ, эти факты очень крупны, изъ за брака съ «польской некрещеной дѣвкой» многіе негодовали на Димитрія, возставали противъ него, и онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ карательнымъ мѣрамъ. Замалчивать

[1]) Сказанія, стр. 159, 161, 163.—Письмо Лавицкаго напечатано у Чіампи (Notizie, стр. 187) съ ошибочною помѣтою.

[2]) Тамъ же, стр. 183.

такія событія не позволительно, а отъ хорошаго наблюдателя ускользнуть они не могли.

Гораздо лучше удается Массѣ описаніе личности Димитрія, его пристрастія къ охотѣ, его расточительности и безнравственности. Онъ вѣрно передаетъ имена нѣмецкихъ купцовъ, прибывшихъ въ Москву по приглашенію Бучинскаго, вѣрно указываетъ на учрежденіе тѣлохранителей изъ иностранцевъ [1]). Наконецъ очень замѣчательны записанныя Массою обвиненія противъ Димитрія или, какъ онъ выражается, «статьи, въ которыхъ были изложены причины убіенія вѣнчаннаго царя» [2]). Они были обнародованы боярами и носятъ на себѣ признаки правительственнаго сообщенія. Тѣ же статьи приводятся и другимъ современникомъ, Русселемъ [3]). По провѣркѣ оказывается, что Шуйскій, вступивъ на престолъ, взводилъ именно эти упреки на Димитрія, выдавая его за Гришку Отрепьева, Богданова сына, родомъ изъ Галича. Къ слову сказать, уже Масса замѣчаетъ, что былъ другой подкупленный монахъ, который носилъ имя Гришки Отрепьева, пока истинный Гришка величалъ себя царемъ Димитріемъ.

---

1) Тамъ же, стр. 165, 168, 179. Нѣмоевскій названъ «Немтескій».

2) Тамъ же, стр. 212.

3) La Légende de la vie et de la mort de Démétrius... traduite nouvellement l'an 1606, à Amsterdam, стр. 24.

Изъ всего выше приведеннаго вытекаетъ общее заключенiе, которое слѣдуетъ имѣть въ виду при пользованiи записками Исаака Массы. Личныя его наблюденiя о внѣшнемъ ходѣ событiй большею частью выдерживаютъ провѣрку и только нѣкоторыя изъ нихъ должны быть отброшены. Что же касается до болѣе скрытыхъ фактовъ, или даже явныхъ, но совершающихся вдали, а также и по дипломатической и военной части, Масса не можетъ служить достовѣрнымъ источникомъ.

———

АЛЕССАНДРО ЧИЛЛИ [1].

Скептическое отношеніе къ Чилли. — Біографическія данныя. —Исторія Московіи.—Первыя сто страницъ.—Пренебреженіе хронологіи и географіи.—Личности, выведенныя авторомъ.—Погрѣшности въ описаніи событій. — Непреложное правило. — Увлеченіе Карамзина. — Небывалая сцена присяги. — Невѣрная окраска сношеній съ Римомъ. — Недосмотръ Костомарова.—Виновники недоразумѣній.

Въ ряду современниковъ Димитрія, оставившихъ письменныя данныя, находится Алессандро Чилли. Не разъ уже высказывалось сомнѣніе въ вѣрности сообщаемыхъ имъ извѣстій. Ближайшее знакомство совершенно оправдываетъ скептическое отношеніе къ нимъ.

Чилли происходилъ изъ благородной, но ничѣмъ себя не заявившей, Пистойской фамиліи. 1565-й годъ считается приблизительно годомъ его

---

[1]) Эта замѣтка извлечена изъ статьи: Чилли и Масса, современники Лжедимитрія, напечатанной въ Русской Старинѣ, 1893 г., декабрь, стр. 465—479.

рожденія. Вступивъ въ духовное званіе и получивъ священство, онъ тѣмъ не менѣе посвятилъ себя профессіи пѣвчаго, и въ этомъ качествѣ состоялъ при капеллѣ польскаго короля Сигизмунда III въ теченіе 21-го года, съ 1594 по 1615 годъ.

При скромномъ положеніи, ему не претило и другими средствами добывать себѣ заработокъ. Потому, когда тосканскій канцлеръ, Велизарій Винти, обратился къ нему съ просьбою высылать извѣстія изъ Польши, то онъ съ большимъ усердіемъ взялся за прибыльное, по его мнѣнію, дѣло. Было на что надѣяться: постоянно стремясь къ расширенію торговыхъ сношеній, Медичи очень дорожили всевозможными свѣдѣніями даже изъ отдаленныхъ странъ, а Краковъ былъ тогда однимъ изъ важнѣйшихъ европейскихъ центровъ. Однакожъ, Чилли вскорѣ убѣдился, что Флорентійское правительство болѣе склонно получать его письма, чѣмъ высылать ему вознагражденіе.

Расчитывая на лучшій успѣхъ при другомъ дворѣ, Чилли предложилъ свои услуги, въ 1612 году, герцогу Урбинскому, Francesco Maria II, обѣщая ему сообщенія о ходѣ Московской войны и о предпріятіяхъ Сигизмунда III. Отвѣтомъ герцога послужилъ, кажется, болѣе или менѣе цѣнный подарокъ.

Въ 1627 году, вернувшись въ Пистойю, Чилли приступилъ къ изданію своего сочиненія о Польшѣ

и Московіи, посвященнаго тосканскому герцогу, Фердинанду II. Литературные труды, повидимому, не особенно улучшили его денежное положеніе, и онъ постоянно мечтаетъ о выгодномъ приходѣ. Еще въ 1610 году ему удалось заручиться рекомендательнымъ письмомъ польской королевы, Констанціи, къ тосканской державной четѣ, чтобы получить первый вакантный приходъ или бенефицію въ Пистойской епархіи. Точно такъ же, подъ старость лѣтъ, въ 1636 и 1639 годахъ, онъ умолялъ кардинала Барберини назначить его пробстомъ въ Эмполи или каноникомъ въ Пистойю. За отсутствіемъ соотвѣтствующихъ свѣдѣній, трудно сказать, каковъ былъ исходъ этихъ домогательствъ; не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что имя Чилли не встрѣчается въ спискахъ пистойскихъ или эмпольскихъ канониковъ. Неизвѣстны также годъ и обстоятельства его смерти[1]).

Въ краткихъ словахъ Чилли самъ себя охарактеризовалъ, когда, требуя льготы для пересылки своихъ писемъ, онъ писалъ Велизарію Винти: «Чистосердечно долженъ признаться, что я — бѣдный священникъ и посильно стараюсь

---

[1]) Біографическія данныя заимствованы изъ брошюры: Notizie di Medici, Maestri di musica e Cantori... italiani in Polonia... raccolte da Sebastiano Ciampi, Lucca, 1830. О Чилли говорится въ главѣ: Notizie di Alessandro Cilli da Pistoja, Scrittore di Storia, e Musico Tenore nella Capella di Corte del Re di Polonia Sigismondo III.

выдвинуться, оказывая услуги моимъ покровителямъ, и если Ваша Свѣтлость рѣшится поощрить меня въ чемъ-нибудь, то будетъ имѣть случай убѣдиться въ моей душевной искренности» [1]).

Заботы о хлѣбѣ насущномъ вѣроятно отвлекали нашего историка отъ научныхъ стремленій: всѣми признается, что его произведеніе не имѣетъ никакихъ литературныхъ достоинствъ [2]). Какъ простой пѣвчій, онъ не имѣлъ возможности вращаться въ высшихъ кругахъ общества и сходиться съ знаменитыми иностранцами. Легче было проникнуть въ нунціатуру, но и тамъ ему не повезло. Онъ сблизился съ аудиторомъ Валеріо Арканджели, противъ котораго былъ впослѣдствіи возбужденъ процессъ въ Римѣ. Нашлись при этомъ предосудительныя письма Чилли, и предполагалось сообщить ихъ Сигизмунду чтобы проучить дерзкаго автора [3]). Такимъ образомъ, подведя итоги, Чилли является передъ нами какъ человѣкъ безъ высшаго образованія, безъ личной авторитетности, безъ обширныхъ свѣтскихъ связей, вовсе не подготовленный для литературныхъ занятій. Обратимся теперь къ его исторіи Московіи и постараемся провѣрить по ней заключеніе, выведенное изъ біографическихъ данныхъ.

1) Ciampi, стр. 50, подстрочное примѣчаніе.
2) Capponi, Bibliografia Pistoiese, стр. 117.
3) Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, IV, 79.

Исторія Московіи служитъ какъ бы дополненіемъ исторіи Польши съ 1606 до 1608 года[1]). Авторъ почиталъ свой трудъ «любопытнымъ и весьма полезнымъ не только для каждаго власть имуща или великаго монарха, но и для всѣхъ ихъ чиновъ и служителей». Это мнѣніе высказывается на обложкѣ книги, но не оправдывается ея содержаніемъ. Было бы черезчуръ утомительно разбирать всю эту неуклюже написанную исторію, да еще пересыпанную приторными похвалами Сигизмунду III. Для намѣченной цѣли достаточно разсмотрѣть то, что касается до Димитрія и содержится на первыхъ стахъ страницахъ исторіи Московіи.

Начать съ того, что хронологію и географію приходится совершенно отстранить. Ими авторъ пренебрегаетъ какъ излишнею роскошью. Точныя указанія замѣняются обыкновенно такими выраженіями: «немного раньше», «нѣсколько позже», «въ четвергъ», «въ слѣдующее воскресенье» и тому подобными. Чилли считаетъ себя въ правѣ явно и намѣренно обходить самыя существенныя числа: желая, напримѣръ, опре-

---

[1]) Общее заглавіе книги: Historia delle Sollevationi notabili seguiti in Pollonia gl'anni del Signore 1606, 1607 и 1608... del Sig. Alessandro Cilli, Pistoia, 1627. Дополнительная часть озаглавлена: Historia di Moscovia. Dell 'Ationi Heroiche e memorabili Imprese dell 'Invitissimo Sigismondo III, Re di Pollonia.

дѣлить день, въ который былъ убитъ Димитрій, онъ просто говоритъ: утромъ, въ восьмой день послѣ свадьбы, «такого-то» числа мая мѣсяца, забывая при этомъ, что самый день свадьбы вовсе не былъ обозначенъ[1]).

Та же сдержанность на счетъ географіи. Димитрій вербуетъ войско, выступаетъ въ походъ, одерживаетъ побѣды, терпитъ пораженія, удаляется въ преданную ему крѣпость, но гдѣ все это происходитъ, какъ называется эта крѣпость, остается недосказаннымъ. Только однажды Чилли рѣшается назвать городъ Можайскъ[2]), но очень не кстати, какъ окажется ниже.

Перейдемъ теперь къ личностямъ, выведеннымъ авторомъ. Двѣ изъ нихъ особенно поражаютъ своею новизной: московскій императоръ Василій Великій и его конюшій Иванъ Ѳедоровъ. Какъ-то странно звучитъ сочетаніе этихъ именъ. Надо догадываться, что подъ Иванъ Ѳедоровымъ скрывается никто иной, какъ Борисъ Годуновъ, а Василіемъ Великимъ названъ царь Иванъ IV Грозный. Далѣе, Василій Шуйскій превращается въ Януша, а вмѣсто Петра Басманова является на лобномъ мѣстѣ польскій пажъ[3]).

Положимъ, что здѣсь умѣстна нѣкоторая сни-

---

[1]) Historia di Moscovia, стр. 73: la mattina dell 'ottavo giorno dell 'infelici nozze alli tanti di Maggio.

[2]) Тамъ же, стр. 25.

[3]) Тамъ же, стр. 4, 6; 79, 87.

сходительность: пишетъ итальянецъ, побывавшій въ Польшѣ и никогда не переступавшій русской границы. Но что сказать о грубыхъ промахахъ автора, когда выступаютъ лица, находящіяся на его глазахъ, въ самомъ Краковѣ? Въ ту пору, громкую извѣстность стяжалъ себѣ сендомирскій воевода Юрій Мнишекъ, однако, онъ всюду называется Николаемъ. Это имя носилъ его братъ, но никакъ не онъ самъ. Его дочь, невѣста Димитрія, воспѣтая и прославленная Марина, превращается въ Христину. На самомъ дѣлѣ Христина была кармелитка и Маринина сестра. Какъ не отличить одну отъ другой! Въ церковной сферѣ господствуетъ та же путаница, не смотря на то, что Чилли самъ принадлежалъ къ духовному званію. Безъ зазрѣнія совѣсти, онъ присуждаетъ Петру Тылицкому санъ краковскаго епископа, тогда какъ это мѣсто занималъ въ 1605 году кардиналъ Бернардъ Мацѣіовскій, двоюродный братъ Юрія Мнишка, игравшій при дворѣ важную роль[1]).

Когда авторъ обращается такъ безцеремонно съ дѣйствующими лицами, можно опасаться, что и самыя событія не найдутъ у него пощады. Чилли вполнѣ оправдываетъ это опасеніе. Крупныя ошибки его выясняютъ степень заслуживаемаго имъ довѣрія.

---

[1]) Тамъ же, стр. 7, 19, 62. Петръ Тылицкій былъ назначенъ краковскимъ епископомъ лишь въ 1607 году.

Остановимся, прежде всего, на кровавой сценѣ, разыгравшейся въ Угличѣ 15-го мая 1591 года. Сущность факта неоспорима. Мнѣнія расходятся только касательно подробностей и особенно касательно личности, ставшей жертвою преступнаго покушенія или несчастнаго случая. Объ этомъ происшествіи Чилли ровно ничего не знаетъ. Онъ самоувѣренно разсказываетъ, что послѣ смерти Василія Великаго (т. е. Ивана Грознаго), его перепуганная вдова удалилась въ монастырь, помѣстивъ сына Димитрія въ другой монастырь, гдѣ онъ воспитывался до полнаго возмужанія[1]). Тѣмъ не менѣе, когда онъ предъявилъ свои претензіи на престолъ, стали сомнѣваться въ его царскомъ происхожденіи. Откуда произошли эти сомнѣнія, какъ они возникли? объ этомъ Чилли не задумывается.

Достигнувъ 25-ти-лѣтняго возраста, Димитрій, по словамъ тосканскаго историка, отправился въ Польшу въ сопровожденіи многихъ москвитянъ, которые либо вѣрили въ его наслѣдственное право, либо хотѣли только воспользоваться удобнымъ случаемъ для корыстныхъ цѣлей. Поляки тотчасъ оказали ему содѣйствіе, и онъ очутился сразу въ домѣ Николая (т. е. Юрія) Мнишка[2]). Все это какъ нельзя болѣе ошибочно. Димитрій

---

[1]) Тамъ же, стр. 5, 6.

[2]) Тамъ же, стр. 7.

бѣжалъ тайкомъ въ Польшу, объявилъ себя царевичемъ у князя Адама Вишневецкаго и только при посредствѣ его двоюроднаго брата Константина имѣлъ доступъ въ домъ Мнишка.

Еще загадочнѣе является подъ перомъ Чилли описаніе московскаго похода. Вступивъ въ русскіе предѣлы, Димитрій гдѣ-то встрѣтилъ многочисленное войско и разбилъ его въ пухъ и прахъ, потомъ самъ былъ разбитъ на-голову, удалился въ какую-то крѣпость недѣль на пять, и снова нанесъ ужасное пораженіе москвитянамъ, захвативъ пушечный снарядъ, обозъ и все имущество непріятелей: спаслись только «немногіе», прочіе убиты или взяты въ плѣнъ. Послѣ такого успѣха онъ задумалъ взять приступомъ крѣпость Можайскъ, но былъ отбитъ и долженъ былъ укрѣпиться въ открытомъ полѣ. Не смотря на эту неудачу, поляки безпрерывно стекаются подъ его знамя и, неизвѣстно какими путями, доходятъ до него. Но вотъ неожиданно умираетъ Борисъ, начинаются переговоры съ Москвой, трижды Димитрій высылаетъ туда своихъ уполномоченныхъ съ письменными обѣщаніями. Все благополучно завершилось обмѣномъ заложниковъ и принесеніемъ присяги новому царю въ Андреевскомъ (sic) монастырѣ [1]). Всякому очевидны погрѣшности этого, хотя очень поверхностнаго, разсказа. Оди-

[1]) Тамъ же, стр. 20—41.

наково безтолково передается и то, что происходило въ самомъ Краковѣ.

Въ ноябрѣ 1605 года дьякъ Аѳанасій Власьевъ отпраздновалъ въ польской столицѣ обрученіе Димитрія съ Мариною, заступая при этомъ мѣсто жениха. Этотъ обрядъ совершился торжественно и привлекъ на себя всеобщее вниманіе. Однако Чилли продолжаетъ называть Марину Христиной, подробно разсказываетъ ея свиданіе и разговоръ съ королевой, которой тогда вовсе не было [1]), приписываетъ исполненіе требъ Петру Тылицкому, тогда какъ священнодѣйствовалъ и произнесъ длинную рѣчь самъ кардиналъ Мацѣіовскій Описавъ празднество, на которомъ онъ опять-таки видитъ королеву, Чилли «въ слѣдующую субботу» отправляетъ посланниковъ обратно въ Кремль, а сендомирскаго воеводу съ дочерью «домой», откуда,—говорится дальше,—они «чрезъ нѣсколько дней» пустились въ московскій путь [2]). На самомъ дѣлѣ, Мнишекъ очень долго мѣшкалъ отъѣздомъ, заботился о религіозной свободѣ Марины и велъ переговоры съ Римомъ. Все это ускользнуло отъ непроницательнаго Чилли.

Съ перенесеніемъ сцены изъ Кракова въ Москву, разсказъ не выигрываетъ ни въ точности, ни

---

[1]) Въ ноябрѣ 1605 года Сигизмундъ III былъ еще вдовецъ. Будущая его вторая супруга, эрцгерцогиня Констанція, пріѣхала въ Краковъ только въ декабрѣ.

[2]) Historia di Moscovia, стр. 59—66.

въ правдоподобіи. Передавъ очень кратко и, — прибавимъ,—невѣрно, исторію кровавой развязки въ Кремлѣ, Чилли предоставляетъ своему воображенію полную свободу насчетъ Марины. По его словамъ, въ роковой день, убійцы почтительно отвели ее отъ Димитрія, предоставивъ ее своему горю. Она же немедленно воспрянула духомъ, возвѣстила всенародно, что Димитрій бѣжалъ и спасся, а вмѣсто него убитъ посторонній человѣкъ. Не теряя времени, захвативъ казну и сокровища, она окружила себя преданными сторонниками, стала вербовать войско въ Польшѣ и, три мѣсяца послѣ убіенія Димитрія, тайно покинула Москву съ немногими сообщниками. Къ ней присоединились четыре тысячи казаковъ, гдѣ-то ее поджидавшихъ. Вмѣстѣ съ ними она отправилась неизвѣстно куда, и стала во главѣ неизвѣстно какого ополченія, которое съ восторгомъ провозгласило ее императрицею. Воинственные ея замыслы возбудили якобы такой страхъ, что Шуйскій предложилъ сендомирскому воеводѣ самыя блестящія условія, лишь бы Марина согласилась на отреченіе отъ царскаго вѣнца [1]). О Тушинѣ, о Калугѣ и Астрахани и помина нѣтъ.

Изъ всего вышесказаннаго само собою вытекаетъ заключеніе, что на Чилли и на его разсказы полагаться нельзя. Допущенныя имъ гру-

[1]) Тамъ же, стр. 73—88.

быя ошибки обличаютъ въ немъ неумѣлаго историка, плохо знающаго свой предметъ, не заботящагося о фактической истинѣ. Потому при ссылкахъ на него непреложнымъ правиломъ должна быть строгая провѣрка всего имъ приводимаго: только тогда можно принять его свидѣтельство, когда оно подтверждается другими несомнѣнными данными. Если же оно является одиночнымъ, особенно если оно противорѣчитъ другимъ болѣе уважительнымъ показаніямъ, то его слѣдуетъ безпощадно отвергнуть.

Къ сожалѣнію, въ русской исторіографіи это правило не всегда соблюдалось. По поводу сношеній Димитрія съ Римомъ, краковскимъ нунціемъ и іезуитами, дѣлались заимствованія у Чилли; они не подвергались надлежащей критикѣ и, такимъ образомъ, на цѣлый рядъ событій образовался невѣрный взглядъ. Главнымъ виновникомъ является здѣсь едва ли не Карамзинъ. Стоитъ прослѣдить, почему онъ соблазнился авторитетомъ Чилли и до какой степени онъ ему подчинился.

«Исторія Московіи» въ цѣльномъ видѣ не была извѣстна Карамзину. Онъ зналъ ее только по выдержкамъ, приведеннымъ у Нѣмцевича не дословно, а въ свободной передачѣ. Самого королевскаго пѣвчаго Чилли, съ легкой руки того же Нѣмцевича, онъ добродушно принималъ за королевскаго секретаря, уже по своему положенію

близкаго къ событіямъ. И такъ, опираясь на ложныя свѣдѣнія о личности Чилли, не познакомившись съ его произведеніями, Карамзинъ, безъ малѣйшей провѣрки повторялъ найденное у Нѣмцевича[1]). Не удивительно, что вмѣстѣ съ своими вожатыми, онъ жестоко и не разъ ошибается.

Такъ, Чилли утверждаетъ, будто бы Димитрій письменно обращался къ нунцію Рангони еще передъ своимъ пріѣздомъ въ Краковъ. Но осторожный дипломатъ отмалчивался, а между тѣмъ бойко освѣдомлялся, сообщалъ узнанное королю и поручилъ сендомирскимъ (sic) іезуитамъ слѣдить за Димитріемъ. Когда же дѣло начало принимать хорошій оборотъ, то онъ опять окольными путями добился до того, что Димитрій рѣшился ѣхать въ Краковъ[2]). Нѣмцевичъ довольно вѣрно передаетъ разсказъ Чилли[3]). Карамзинъ, воспользовавшись бѣглыми намеками, картинно выражается такъ: «Уже Рангони находился въ тѣсной связи съ Самозванцемъ, и дѣятельные іезуиты служили посредниками между ими; уже съ обѣихъ сторонъ изъяснились и заключили дого-

---

[1]) Исторія Государства Россійскаго (изд. 1824 г.), т. XI, стр. 129—134; стр. 68, прим. 205; стр. 72, прим. 210—213. Карамзинъ постоянно ссылается на «Alessandro Cilli въ Нѣмцевичѣ».—Niemcewicz, Dzieje panowania Zygmunta III, т. II, стр. 160 и слѣд.

[2]) Historia di Moscovia, стр. 9—11.

[3]) Dzieje, т. II, стр. 160 и слѣд.

воръ: Лжедимитрій письменно обязался за себя и за Россію пристать къ латинской церкви, а Рангони быть его ходатаемъ не только въ Польшѣ и въ Римѣ, но и во всей Европѣ; совѣтывалъ ему спѣшить къ королю и ручался за доброе слѣдствіе ихъ свиданія» [1]). Здѣсь все ложно: и первоначальное извѣстіе Чилли и позднѣйшія, ни на чемъ не основанныя, прикрасы Карамзина. Въ Самборѣ (а не въ Сендомирѣ), гдѣ пребывалъ Димитрій, іезуитовъ вовсе не было, и онъ сходился тамъ съ бернардинами и съ Помаскимъ. Къ тому же теперь документально установлено, что до пріѣзда своего въ Краковъ Димитрій не имѣлъ никакихъ сношеній ни съ нунціатурой, ни съ іезуитами [2]).

Далѣе, Чилли, а послѣ него Нѣмцевичъ и Карамзинъ, разсказываютъ, будто Димитрій сперва представлялся нунцію, а потомъ королю Сигизмунду III. На самомъ дѣлѣ свиданія совершились въ обратномъ порядкѣ. Это само по себѣ мелкое обстоятельство не лишено значенія въ виду опредѣленія, откуда исходилъ починъ. Уже въ 1603 году король требовалъ отъ князя Адама Вишневецкаго, чтобы онъ привезъ московскаго царевича въ Краковъ. Неизвѣстно почему поѣздка долго откладывалась. Когда же она состоя-

---

[1]) Исторія Государства Россійскаго, т. XI, стр. 132 и слѣд.
[2]) Pierling, Rome et Démétrius, стр. 16.

лась, въ 1605 году, то Димитрій былъ представленъ королю 15-го, а нунцію Рангони только 19-го марта. Передъ этимъ свиданіемъ папскій представитель видѣлъ однажды Димитрія на обѣдѣ у Мнишка, но съ нимъ не говорилъ. Вообще, по собственному его признанію, въ ту пору, онъ старался держаться совершенно безпристрастно, чтобы не оскорбить ни сторонниковъ царевича, ни его противниковъ, ни Бориса Годунова, ни возможнаго его преемника [1]).

Наконецъ, и это самое главное, Карамзинъ заимствовалъ у Чилли небывалую сцену торжественной присяги Димитрія. Въ присутствіи многихъ лицъ, въ число которыхъ Чилли включаетъ и самого себя, Димитрій будто бы возобновилъ свою клятву отречься отъ православія и обратить всю Россію въ католичество. Все это происходило будто бы въ домѣ нунція и вслѣдствіе его усердныхъ домогательствъ. Въ этомъ разсказѣ есть доля правды: Димитрій, принявъ самъ католичество, обѣщалъ свое содѣйствіе для религіозныхъ цѣлей; его обѣщаніе было принято къ свѣдѣнію и при случаѣ напоминалось ему. Но клятвы, особенно торжественной, не было, и слѣдовъ ея нигдѣ нѣтъ. Обѣщаніе и клятва не одно и то же. Разница состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что клятва намекаетъ на обоюдное соглашеніе, на тре-

[1]) Pierling, La Russie et le Saint-Siège, т. III, стр. 67—75.

бованіе съ одной стороны и науступку съ другой, между тѣмъ какъ въ обѣщаніи многое предоставляется доброй воли обѣщающаго. Дѣйствительно, въ то время Димитрій заискивалъ у нунція, предлагалъ свои услуги, выражалъ самыя увлекательныя соображенія, чему, конечно, Рангони радовался, разсчитывалъ на блестящій успѣхъ, не связывая, однако, свободы своихъ дѣйствій и не налагая на Димитрія положительнаго обязательства. Кромѣ того, все это происходило въ величайшей тайнѣ. Самъ царевичъ настоятельно требовалъ, чтобы объ его католическихъ влеченіяхъ не разглашали. Иначе, они бы вызвали сопротивленіе со стороны русскихъ. Желаніе Димитрія было исполнено [1]).

Такимъ образомъ, придерживаясь отнюдь не изслѣдованнаго источника, Карамзинъ допустилъ крупные недочеты и далъ совершенно невѣрную окраску сношеніямъ Димитрія съ Римомъ. При сравненіи разсказа Чилли съ письмами царевича къ Папѣ, съ докладами Рангони, съ исторіею Велевицкаго, оказывается, что тосканскій пѣвчій вовсе не былъ посвященъ въ ходъ событій, вовсе не зналъ, какъ Димитрій обратился въ католичество и что̀ за тѣмъ послѣдовало. До него доходили только слухи неизвѣстно откуда, и онъ ссылается на такія письма Димитрія, о которыхъ

[1]) Тамъ же, т. III, стр. 72—87.

никто ничего не знаетъ. Несомнѣнно, Карамзинъ не располагалъ нашими провѣрочными средствами, но все-таки уже было довольно уликъ налицо, чтобы усомниться въ показаніяхъ Чилли. Въ данномъ случаѣ, пріемъ Карамзина нельзя назвать научнымъ [1]).

Нѣсколько осторожнѣе поступилъ Костомаровъ. Онъ имѣлъ въ рукахъ полный текстъ Чилли, и съ свойственнымъ ему историческимъ чутьемъ, заимствовалъ у него только кое-что для пополненія и украшенія разсказа. Не оцѣнивъ его достовѣрности, не провѣривъ по другимъ источникамъ, онъ самовольно смягчилъ или выкинулъ нѣкоторыя обстоятельства. Такъ о перепискѣ Димитрія съ Рангони передъ пріѣздомъ въ Краковъ и помина нѣтъ; торжественная клятва обращается въ простое обѣщаніе, но тѣмъ не менѣе дѣятельность нунція, вслѣдъ за Чилли, представлена въ превратномъ видѣ [2]).

Было бы конечно несправедливо сваливать всю вину на Чилли и утверждать, что его Исторія Московіи была единственнымъ источникомъ не-

---

[1]) Соловьевъ (Исторіи Россіи, т. VIII, стр. 89, 468 прим. 64, 65), также безъ надлежащей критики пользовался данными Чилли. Онъ зналъ только отрывокъ напечатанный у Чіампи въ измѣненномъ видѣ (Bibliografia critica. т. II, стр. 278) и довольно безтолково ссылается на него.

[2]) Костомаровъ, Смутное Время, (изданіе 1883-го года) т. I, стр. 115.

доразумѣній и ошибокъ въ области сношеній Димитрія съ Римомъ, но вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими иностранными писателями онъ безъ сомнѣнія направилъ русскую исторіографію на ложный путь и водворилъ невѣрный взглядъ на важный вопросъ. Доля отвѣтственности падаетъ и на тѣхъ, кто дѣлалъ у него ничѣмъ не оправдываемыя заимствованія. Только знакомство съ авторомъ и съ полнымъ текстомъ его сочиненія можетъ окончательно выяснить, съ какимъ довѣріемъ или недовѣріемъ слѣдуетъ относиться къ Исторіи Московіи.

ЛА БЛАНКЪ И КАНЭ.

Извѣстія о Димитріи при французскомъ дворѣ.—Жанъ Ла Бланкъ. — Біографическія данныя. — Переписка. — Пріемъ Рангони.—Разочарованіе Симонетты.—Характеръ писемъ Ла Бланка.—Знакомство съ внѣшней стороны происшествій. — Путаница. —Канэ де Френъ. — Дружба съ Поссевиномъ. — Троякій элементъ въ извѣстіяхъ о Москвѣ. — Содержательное значеніе. — Примѣръ неточности. —Преобладающая точка зрѣнія. — Внушенія Канэ. — Маржеретъ и Генрихъ IV.—Относительное достоинство Канэ и Ла Бланка.

Всѣмъ извѣстно, что личность Димитрія поразила Генриха IV и приковала къ себѣ его вниманіе. Не безъинтересно прослѣдить, откуда появились первые слухи о Самозванцѣ при французскомъ дворѣ и какъ они дошли до самого короля. Оказывается, что однимъ изъ самыхъ усердныхъ доставщиковъ московскихъ извѣстій былъ Ла Бланкъ. Его письма отправлялись въ Венецію, къ послу Филиппу Канэ, который ихъ пополнялъ и препровождалъ въ Парижъ. Если не ошибаюсь, и тотъ и другой мало извѣстны въ русской исто-

ріографіи. Только Г. В. Форстенъ напечаталъ, безъ всякихъ справокъ, нѣкоторыя письма Ла Бланка [1]). Поэтому, не лишне будетъ дальнѣйшее разъясненіе.

Жанъ Cabrols de La Blanque былъ уроженецъ Лангедока [2]). Около 1580 года онъ былъ принужденъ покинуть свою родину и скитался на чужбинѣ. Лѣтъ тридцать пять спустя, припоминаніе минувшихъ невзгодъ возбуждало въ немъ горестное чувство: онъ жаловался на бѣдность, на изгнаніе, на потерю не легкими трудами добытаго добра [3]). Что именно вызвало такія несчастія, остается невысказаннымъ: вѣроятно причина ихъ таится въ религіозной борьбѣ, которая тогда свирѣпствовала въ южной Франціи. Ла Бланкъ же слѣдовалъ кальвинскому ученію и, кажется, отличался своею ревностью. По крайней мѣрѣ Поссевино съ обычною рѣшимостью обру-

---

[1]) Акты и письма къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ, выпускъ I, стр. 218—225, № 103. Г. В. Форстенъ отмѣтилъ только (стр. 225), что письма Ла Бланка заимствованы изъ парижской національной библіотеки. Они находятся въ французскомъ отдѣлѣ, 15, 967, л. 225 и слѣд.

[2]) Canaye, Lettres et Ambassades de Messire Philippe Canaye, Seigneur de Fresne, т. II, стр. 399.—Имя Ла Бланка пишется различно, не рѣдко съ частицею де, самъ онъ подписывается Ла Бланкъ.

[3]) Парижъ, Національная библ., французскій отдѣлъ, 15967, л. 294, Ла Бланкъ къ Виллеруа, 10-го іюля 1614 г.

шился на него такимъ словцомъ: «сквернѣйшій кальвинистъ, если только не обратился» [1]). Высказанное предположеніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что, покидая отечество, Ла Бланкъ удалился въ Стокгольмъ, гдѣ реформатское движеніе быстро развивалось, хотя самъ король, при посредствѣ Поссевина, принялъ католичество. Французскій изгнанникъ вступилъ въ армію Іоанна III, а потомъ перешелъ къ Сигизмунду III, и, послуживъ отцу въ Швеціи, остался на службѣ сына въ Польшѣ [2]).

Въ этотъ послѣдній періодъ жизни обычное его мѣстопребываніе было сперва въ Краковѣ, потомъ въ Варшавѣ, наконецъ въ Данцигѣ. Одинъ изъ его родственниковъ когда-то пристроился въ домѣ Филиппа Канэ, о которомъ кое-что скажется ниже. Это пришлось Ла Бланку, какъ нельзя лучше, наруку. Въ 1604 году онъ обратился къ Канэ, бывшему тогда посломъ въ Венеціи, и сообщилъ ему о своемъ планѣ сближенія Сигизмунда III съ Карломъ IX шведскимъ, при содѣйствіи Генриха IV и герцога Неверскаго. Канэ, знавшій его родню, былъ не прочь служить ему посредникомъ при французскомъ дворѣ, свидѣтельствовалъ це-

---

[1]) Calvinista pessimo se già non è convertito,—собственноручная замѣтка Поссевина на поляхъ письма Канэ отъ 22-го іюля 1606 года, отпись котораго пересылалась въ Римъ. Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, II, 66, л. 399.

[2]) Данцигъ, Городской архивъ, Schöffenbücher, anno 1615.

редъ королемъ, что Ла Бланкъ честный человѣкъ, состоящій на службѣ Сигизмунда III, и ему самому онъ обѣщалъ лестное вниманіе свыше [1]). Однакожъ непосильная затѣя канула въ воду.

Изъ благосклоннаго, но слишкомъ общаго отзыва Канэ трудно вывести, какое именно положеніе занималъ Ла Бланкъ. Всего чаще его называютъ капитаномъ. Этотъ же чинъ даютъ ему офиціальныя бумаги Данцигскаго архива. Въ 1618 году 14-го августа онъ выдалъ свидѣтельство купцу Шарлю Тюрпену, гдѣ самъ себя величаетъ королевскимъ шляхтичемъ въ Польшѣ и лейтенантомъ главнокомандующаго въ Швеціи [2]). Пышное и отчасти, конечно, пустое исчисленіе, ибо въ Швеціи царствовалъ Густавъ-Адольфъ.

Если судить по королевскимъ щедротамъ, то на долю Ла Бланка приходится довольно скромное мѣсто. Такъ онъ получалъ ежегодную пенсію въ 600 гульденовъ, третью часть которой онъ уступилъ 12-го февраля 1624 года своему вѣрному служителю польскому шляхтичу Петру Колочару. Ранѣе того, 3-го апрѣля 1612 года, во вниманіе къ оказаннымъ имъ военнымъ услугамъ,

---

[1]) Canaye, т. II, стр. 399, 411.

[2]) Gentilhomme ordinaire de la maison du Roy de Pologne et lieutenant du général des armées au royaume de Suède. Парижъ, Національная библ., французскій отдѣлъ, 4117, л. 42.

Сигизмундъ дозволилъ ему располагать своимъ имуществомъ въ пользу семейства и братьевъ, оставшихся во Франціи. Ла Бланкъ представилъ этотъ актъ въ Данцигскій судъ 21-го февраля 1615 года вмѣстѣ съ своимъ духовнымъ завѣщаніемъ. А въ 1631 году его родственники назначили повѣреннаго для принятія наслѣдства скончавшагося капитана [1]).

Вотъ все, что намъ извѣстно о судьбѣ французскаго выходца, имя котораго встрѣчается у Маржерета [2]). Всю свою жизнь онъ велъ дѣятельную переписку отчасти съ высокопоставленными лицами и въ свою очередь получалъ кой-какія извѣстія. Сохранились между прочими его доклады и письма къ Виллеруа, первому совѣтнику Генриха IV, Филиппу Канэ и Шампиньи, послу и совѣтнику въ Венеціи, Сентъ-Катерину, резиденту въ Гейдельбергѣ, князю Збараскому, Николаю Вольскому, Якову Делагарди, Антонію Поссевину [3]).

---

1) Данцигъ, Городскій архивъ, Schöffenbücher, annis 1612, 1615, 1624, 1631.

2) Письмо Маржерета гдѣ упоминается Ла Бланкъ напечатано Шеврелемъ (Estat de l'Empire de Russie par le capitaine Margeret, 1860, стр. XIX), перепечатано И. М. Болдаковымъ (Сборникъ матеріаловъ по русской исторіи начала XVII вѣка, стр. 91). Послѣднія слова слѣдуетъ читать: Daté Bereyt, ce 9 mai 1619.

3) Большая часть писемъ Ла Бланка находится въ Парижѣ. Національная библ., французскій отдѣлъ, 4117, 15929,

Особенное вниманіе возбудила его переписка съ французскимъ посломъ въ Венеціи. Въ бытность свою краковскимъ нунціемъ, Рангони тщательно слѣдилъ за ней, и хотя она велась въ тайнѣ, онъ всетаки добывалъ ее и пересылалъ въ Римъ. Въ 1606 году, во время пресловутаго интердикта, все, что касалось Венеціи, имѣло особый интересъ даже въ чужихъ и отдаленныхъ краяхъ. Когда же Рангони былъ отозванъ, кардиналъ Боргезе совѣтовалъ новому нунцію, Симонеттѣ, придерживаться той же практики на счетъ писемъ Ла Бланка. Такъ и было сдѣлано. Но Симонетта скоро разочаровался. Его предупредили со стороны, что еретикъ Ла Бланкъ враждебно настроенъ противъ Рима, увлекается своею страстью и невѣрно передаетъ венеціанскія извѣстія. Тѣмъ не менѣе съ него не спускали глазъ, и 29-го марта 1608 года кардиналъ Боргезе внушалъ краковскому нунцію, что такого рода извѣстія принимаются охотно [1]).

Переписка Ла Бланка не была простымъ обмѣ-

15967. Кое-что есть и въ Ватиканскомъ архивѣ. Собственноручное письмо Ла Бланка къ Поссевину, 11-го марта 1605 года, хранится въ нашемъ собраніи.

[1]) Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, II, 230, депеши Рангони 16-го сентября, 25-го ноября, 2, 16, 23, 30 декабря 1606 года; II, 223—224, депеши Рангони 3, 6, 20 января, 24 февраля 1607 года, депеша Симонетты 3-го мая 1607 года; II, 234.—Polonia, 173, л. 173, л. 227 v., депеши кардинала Боргезе 24-го марта 1607 и 29-го марта 1608 года.

номъ мыслей: она носила дѣловой характеръ и служила, повидимому, для автора предметомъ наживы, которымъ онъ не пренебрегалъ. Въ 1617 году 12-го мая, онъ напоминалъ будущему кардиналу, а тогда епископу люсонскому Ришельё, что Генрихъ Великій далъ ему когда-то порученіе слѣдить за Сѣверными государствами и докладывать о нихъ, что «нынѣ царствующій король и его мать» возобновили это порученіе, и въ знакъ своей готовности къ услугамъ, онъ тутъ же присоединялъ московскія вѣсти [1]). Какой отвѣтъ послѣдовалъ со стороны Ришельё, остается неизвѣстнымъ.

Но хотя и дѣловая, переписка Ла Бланка ни сколько не была офиціальной. Частный человѣкъ, онъ писалъ то, что говорилось вокругъ него, и для собственной выгоды обращался къ власть имущимъ. Въ то время, при скудости газетнаго матеріала очень дорожили такими посторонними извѣстіями, какъ видно изъ приведеннаго выше отзыва кардинала Боргезе. Къ сожалѣнію, Ла Бланкъ только передавалъ собранныя данныя, не указывая на свои источники и только изрѣдка намекая на іезуитовъ и нунціатуру.

Нашъ интересъ сосредоточивается на томъ, что касается Димитрія, и здѣсь Ла Бланкъ не даетъ

---

[1]) Парижъ, Національная библ., французскій отдѣлъ, 15967, л. 298. Въ 1617 году королемъ былъ Лудовикъ XIII, его мать была Марія Медичи.

ничего особенно новаго или важнаго. Во многомъ онъ сходится съ другими польскими источниками и повторяетъ всѣмъ извѣстное о посольствѣ Пратиссоли, Александра Рангони, о появленіи Лавицкаго въ Краковѣ и отъѣздѣ Марины [1]). Но легко замѣтить, что ему доступна только внѣшняя сторона происшествій: въ сущность дѣла онъ не посвященъ и даже не старается вникнуть въ нее.

Нѣкоторые варіанты встрѣчаются на счетъ разоблаченія Димитрія въ Польшѣ и его убіенія въ Москвѣ [2]). Но при сравненіи съ достовѣрными и вполнѣ установленными данными оказывается, что это далеко не новое какое-либо откровеніе, а просто слѣдствіе путаницы и незнакомства автора съ ходомъ событій. Вообще можно сказать, что Ла Бланкъ даетъ извѣстія изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, что полагаться на него одного никакъ нельзя. Тѣмъ болѣе, что способъ изложенія и самая постановка вопроса обличаютъ въ немъ человѣка средней руки, безъ высшаго образованія и тонкаго чутья.

Впрочемъ извѣстія Ла Бланка о Димитріи при самомъ ихъ появленіи провѣрялись или лучше сопоставлялись съ другими. Выше было сказано, что они высылались французскому послу въ Венеціи. Мѣсто это занималъ съ 1601 года Фи-

---

1) Тамъ же, л. 234.
2) Тамъ же, л. 225, 262.

липпъ Канэ де Френъ, членъ богатаго семейства, принадлежавшаго къ высшему торговому и судебному сословію. Въ юности онъ былъ кальвинистомъ и только впослѣдствіи перешелъ въ римскую церковь. За то онъ сдѣлался большимъ ревнителемъ благочестія. Его сыновья воспитывались у іезуитовъ въ Болоньи, жена и дочь приняли католичество при посредствѣ Поссевина. Самъ Канэ подружился съ этимъ «истиннымъ Израелитомъ», какъ онъ называлъ отца Антонія, проживавшаго тогда въ Венеціи и хорошо извѣстнаго въ дипломатическомъ кругу по сложному дѣлу «абсолюціи» Генриха IV. Посолъ восхищался его французскимъ настроеніемъ, совѣтовалъ призвать его во Францію и окружить почетомъ. А по случаю московскихъ событій онъ даже самому королю внушалъ вѣроисповѣдные планы; съ другой стороны его прочили въ послы при Елисаветѣ для поддержки католицизма въ Англіи [1]).

[1]) Dorigny, Vita del P. Antonio Possevino, т. I, стр. XVIII.—Canaye, т. II, стр. 94, 170.—Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, III, 47 в., л. 24, 1607, 3-го мая, письмо Канэ къ Павлу V; л. 86, 7-го мая, Поссевина къ тому же.—Le Voyage du Levant de Philippe du Fresne-Canaye (1573) publié et annoté par M. H. Hauser. — Одна изъ утраченныхъ рукописей Поссевинова архива носила заглавіе: Conversio ad catholicam fidem uxoris Ill-mi D. Philippi de Fresnes Canaye, legati Regis Ch-mi, una cum filia, et abjuratio in manus P. Possevini ex auctoritate Summi Pontificis.

Официальное положеніе Канэ предоставляло ему обширный кругъ дѣятельности. По тогдашнему обычаю французскій посолъ въ Венеціи доставлялъ въ Парижъ самыя разнородныя извѣстія съ Востока и съ Сѣвера. Московскія происшествія сильно заинтересовали Канэ и, получивъ одобреніе начальства, онъ сталъ еще больше о нихъ распространяться. Троякій элементъ входилъ въ его донесенія: анонимные ходячіе слухи, сообщенія Поссевина и письма Ла Бланка. Содержательное ихъ значеніе потому не важно; приведенные лучшіе источники намъ доступны непосредственно, а переходя изъ рукъ въ руки они часто утрачивали точность. Нагляднымъ примѣромъ можетъ служить депеша 9-го марта 1605 г.[1]). Ссылаясь на письмо 13-го февраля, полученное Поссевиномъ изъ Кракова, Канэ пишетъ, что Димитрій одержалъ блестящую побѣду, причемъ погибло десять воеводъ и сорокъ тысячъ человѣкъ. Дѣйствительно, имѣется на-лицо письмо 13-го февраля изъ Кракова; оно адресовано Поссевину Савицкимъ, только Савицкій вовсе не говоритъ, что было убито сорокъ тысячъ человѣкъ, а что было разбито сорокатысячное войско [2]). Къ тому же Канэ не старался разъяснить добытый матеріалъ: онъ только удивлялся и недоумѣвалъ, когда

---

1) Canaye, т. II, стр. 526.

2) Письмо Савицкаго къ Поссевину находится въ нашемъ собраніи.

Поссевино и Ла Бланкъ сообщали ему противуположныя извѣстія.

Письма французскаго посла гораздо замѣчательнѣе въ другомъ отношеніи. Они не только свидѣтельствуютъ объ интересѣ, возбужденномъ въ Венеціи и Парижѣ, но доказываютъ также преобладаніе вѣроисповѣдной точки зрѣнія. Съ самаго начала, 26-го января 1605 года, Канэ пишетъ, что іезуиты надѣятся воспользоваться юнымъ государемъ и при его содѣйствіи присоединить Россію къ римской церкви. Передавая извѣстія о побѣдахъ и пораженіяхъ Димитрія, онъ постоянно возвращается къ той же мысли, настаиваетъ на ней и предвидитъ возможныя послѣдствія для утвержденія папской власти на Сѣверѣ. Дошло до того, что смѣлостью своихъ соображеній онъ превзошелъ всѣхъ прочихъ. Не имѣя еще полной увѣренности въ успѣхѣ Димитрія, но предполагая, что все кончится благополучно, 12-го іюля, онъ обращалъ вниманіе королевскаго совѣтника Виллеруа на «почти безконечную» громадность Россіи, на важность ея пріобрѣтенія для римской церкви и вотъ, что ему казалось очень желательнымъ: обратиться къ папѣ Павлу V и просить его, чтобы онъ отправилъ Поссевина въ Москву на правахъ папскаго легата, давъ ему, для большаго авторитета, кардинальскую шапку. Въ то время, неутомимый іезуитъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ ожидалъ только окончанія пе-

чатанія своихъ трудовъ, чтобъ уединиться и посвятить остатокъ жизни созерцанію вѣчности. Канэ объ этомъ зналъ, но предпочитая благо и пользу церкви личному удовлетворенію Поссевина, онъ не отступалъ отъ своего мнѣнія и находилъ, что почтить такого заслуженнаго человѣка было бы подобающе для короля и послужило бы для славы Божіей [1]).

Всѣ эти предложенія, какъ можно было предвидѣть, не перешли въ дѣйствительность. О кардиналатѣ Поссевина никто другой не заикнулся. Генрихъ IV никакой пропаганды въ Россіи не предпринималъ, но онъ сильно заинтересовался лично Димитріемъ. Кровавая кремлевская развязка была ему уже извѣстна, когда представился капитанъ Маржеретъ. Можно основательно предположить, что его любознательность была возбуждена, и что депеши Канэ содѣйствовали желанію ближе познакомиться съ страною, гдѣ происходили такія загадочныя событія. Извѣстно, что Генрихъ IV поручилъ Маржерету письменно изложить все, что онъ зналъ и разсказывалъ про Московію. Такимъ образомъ появился на свѣтъ замѣчательный историческій трудъ, исходящій отъ просвѣщеннаго очевидца. Въ подготовкѣ, хотя и не умышленной, этого сочиненія состоитъ едва ли не главная заслуга Жана Ла

[1]) Canaye, т. II, стр. 483, 652.

Бланка и Филиппа Канэ. За ними самими можно признать только очень относительное достоинство. Они изображаютъ настроеніе общества, опредѣляютъ точку зрѣнія нѣкоторыхъ кружковъ, но московскія извѣстія они передаютъ только по слухамъ или по чужимъ показаніямъ, вслѣдствіе чего и не могутъ быть причислены къ самостоятельнымъ источникамъ.

РИМСКІЯ ДЕПЕШИ (1605—1609) ВЪ ИЗДАНІИ ТУРГЕНЕВА [1].

Акты собранные Тургеневымъ. — Изданные Востоковымъ.— Оцѣнка Бередникова. — Подлинникъ римскихъ депешъ. — Марціо Малякрида.—Негодность изданія для научнаго оборота. — Пробѣлы. — Исходный пунктъ. — Посольства. — Заключительная депеша кардинала Боргезе.—Просьбы Сигизмунда III о денежныхъ пособіяхъ.—Неправильный взглядъ, на сношенія Россіи съ Римомъ. —Отвѣтственность.

Въ 1841 году Археографическая комиссія издала первый томъ увѣсистаго сборника подъ заглавіемъ: «Акты историческіе, относящіеся къ Россіи, извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ д. ст. сов. А. И. Тургеневымъ». Въ латинскомъ переводѣ предъидущихъ словъ, оповѣщается, что тотъ же чиновникъ былъ и кавалеромъ.

Собиратель этихъ актовъ очень дорожилъ своими находками, хлопоталъ о томъ, чтобъ имя его

[1]) Эта статья отчасти была напечатана на французскомъ языкѣ въ Revue des Questions Historiques, октябрь, 1894, стр. 540, подъ заглавіемъ: Un Manuscrit du Vatican sur le tsar Dimitri de Moscou.

было выставлено «въ титулѣ», чтобъ Россію и Европу познакомили съ его коллекціею, «съ ходомъ дѣла сего, со всѣми пріобрѣтеніями, съ трудами пріобрѣтателя; не хвалить его сухо, писалъ онъ самъ про себя, а сказать пространнѣе, что и какъ дѣлалось, дать понятіе объ этомъ сборникѣ [1]).

Такія сѣтованія вызывалъ Востоковъ, занимавшійся изданіемъ актовъ и на скоро набросавшій предисловіе къ нимъ. Отличный филологъ, привлеченный къ исторической работѣ, не угодилъ ни прихотямъ Тургенева, ни требованіямъ научныхъ представителей. Бередниковъ не стѣснялся заявлять, что Востоковъ «испортилъ—до невѣроятности—изданіе иностранныхъ актовъ» [2]).

Не вдаваясь здѣсь въ оцѣнку всего сборника, я ограничусь разборомъ римскихъ депешъ, относящихся къ Смутному времени и напечатанныхъ во 2-мъ томѣ [3]).

Подлинники римскихъ депешъ отъ 4-го іюня 1605 года до 25 іюня 1609 года, адресованныхъ Краковскимъ нунціямъ Рангони и Симонеттѣ, на-

---

[1]) Александръ Ивановичъ Тургеневъ въ его письмахъ 1837—1841 гг., съ примѣчаніями Н. П. Барсукова, Руская Старина, 1882, апрѣль, стр. 178; октябрь, стр. 349.

[2]) Николай Барсуковъ, Жизнь и Труды П. М. Строева, стр. 275.

[3]) №№ XXXV, XXXVI, XXXIX, XL, XLV — XLVIII, L — LIV, LIX — LXI, LXIII — LXV, LXVIII — LXXIV, LXXVIII — LXXXI, LXXXV, LXXXVI.

ходятся въ одномъ и томъ же томѣ исходящихъ бумагъ. На лицевой сторонѣ бѣлаго пергаментнаго переплета есть слѣдующая надпись: Del secretario Malacrida a li Nuntii in Polonia, 1605, 1606, 1607, 1608, 1609[1]). Кромѣ того на корешкѣ имѣется тройная нумерація: Polonia, 173; 9, da 1605 al 1609; 3380. Первое число (173) въ настоящее время общепринято; второе (9) встрѣчается у Тургенева, но теперь вышло изъ употребленія, точно такъ же какъ и третье (3380), которое было выставлено въ Парижѣ, когда, по повелѣнію Наполеона, Ватиканскій архивъ былъ перенесенъ въ отель Субизъ (hôtel Soubise). Въ отдѣлѣ Боргезе того же архива есть воспроизведеніе этой рукописи въ тождественномъ (II, 435) и въ сокращенномъ видѣ (IV, 233, Miscellanea, л. 95 и слѣд.)

Вышеупомянутыя депеши подписывались сперва кардиналомъ Валенти, а потомъ, начиная отъ 3-го сентября 1605 года, кардиналомъ Сципіономъ Боргезе, племянникомъ папы Павла V, который завѣдывалъ иностранными дѣлами. Редактировалъ депеши секретарь Марціо Малякрида. Родомъ изъ Фріуля, онъ состоялъ при кардиналѣ Ипполитѣ Альдобрандини, будущемъ папѣ Клементѣ VIII, во время его посольства въ Польшѣ, потомъ самъ исполнялъ дипломатическія поруче-

---

[1]) Секретаря Малякриды къ нунціямъ въ Польшѣ.

нія въ Варшавѣ и въ Стокгольмѣ, и по возвращенію въ Римъ былъ привлекаемъ для переписки съ Сѣверными державами [1]). Депеши его написаны ясно, толково, безъ всякихъ уловокъ и расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Кажется изданіе такого памятника не очень сложное. Посмотримъ, какъ отнеслись къ нему Тургеневъ и Востоковъ?

Къ сожалѣнію, о критикѣ и говорить нечего. Изданіе сдѣлано, такъ сказать, механическимъ способомъ. Депеши списаны чужою рукой, снабжены заголовкомъ, отправлены въ типографію и напечатаны безхитростно. Нѣтъ ни примѣчаній, ни ссылокъ, ни слѣдовъ провѣрки. Предъ нами сырой матеріалъ, научно не обработанный, и предоставленный на волю судебъ. При такомъ пониманіи издательской задачи, она безъ сомнѣнія упрощается, но не въ пользу тружениковъ на историческомъ полѣ. По крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ можно предъявлять большую взыскательность на счетъ матеріальной полноты предлагаемыхъ документовъ. А здѣсь какъ разъ и кроется самый существенный недостатокъ Тургеневскаго изданія: въ немъ есть огромные пробѣлы. Кто въ этомъ виноватъ—Тургеневъ или Востоковъ или

---

[1]) Эти свѣдѣнія заимствованы изъ каталога архива Боргезе, сдѣланнаго въ 1783 году, который страннымъ образомъ находится не въ Ватиканскомъ архивѣ, а въ библіотекѣ.

графъ Марино Марини, тогдашній директоръ Ватиканскаго архива, для насъ дѣло второстепенное. Очень можетъ быть, что самый выборъ документовъ дѣлался съ преднамѣреннымъ разсчетомъ, а что издатели только простодушно этого не замѣтили. Главное тутъ то, что сборникъ въ своемъ настоящемъ видѣ къ научному обороту не пригоденъ. За уликой дѣло не станетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, строго и твердо проведенныя отношенія между Римомъ и Димитріемъ начинаются не раньше второй половины 1605 года. Климентъ VIII только обрадовался переходу мнимаго Царевича въ католичество, а Левъ XI такъ скоро скончался послѣ избранія, что едва успѣлъ осмотрѣться вокругъ себя. Лишь при Павлѣ V обстоятельства сложились благопріятнѣе, и онъ обратилъ немедленно свое вниманіе на Москву. Поводомъ послужили письма двухъ іезуитовъ, Николая Чижовскаго и Андрея Лавицкаго, бывшихъ при польскомъ отрядѣ Димитріеваго войска. Рангони пересылалъ ихъ въ Римъ: они сильно заинтересовали папу и онъ захотѣлъ ближе познакомиться съ дѣломъ Димитрія, о которомъ уже зналъ коечто. Вслѣдствіе папскаго желанія, кардиналъ Валенти поручилъ краковскому нунцію, 4-го іюня 1605 года, представить возможно точный докладъ о Димитріи и сообщить, какого о немъ мнѣнія Сигизмундъ III и вообще польское общество. Мѣсяцъ спустя, 9-го іюля, новая депеша разрѣ-

шаетъ нунцію Рангони относиться къ Димитрію благосклонно въ томъ предположеніи, что онъ ревностный католикъ [1]). Такимъ образомъ въ этихъ двухъ депешахъ заключается исходный пунктъ римской политики и конечное ея направленіе. Онѣ тѣмъ важнѣе, что отвѣтомъ на нихъ является пресловутый докладъ 2-го іюля, которымъ и руководствовались въ Ватиканѣ. Однакожъ у Тургенева нѣтъ ни той, ни другой.

Внѣшнимъ признакомъ установившихся хорошихъ сношеній между Димитріемъ и Павломъ V слѣдуетъ считать обмѣнъ посольствъ. Александръ Рангони, племянникъ нунція, былъ въ Москвѣ, а іезуитъ Андрей Лавицкій въ Римѣ. Прослѣдить дѣятельность этихъ двухъ посланцевъ по Тургеневу совершенно немыслимо.

Посольская инициатива исходила изъ Рима, если не считать прежнихъ бѣглыхъ намековъ Димитрія. Уже 23-го іюля 1605 года, вскорѣ послѣ вѣнчанія на царство, этотъ вопросъ затрогивался, а 13-го августа высылается даже ввѣрительная грамота на имя Александра Рангони. Краковскому нунцію это пришлось очень по сердцу, 2-го октября онъ поспѣшилъ отправить своего племянника въ Москву, а между тѣмъ откровенно писалъ кардиналу Боргезе, что Сигизмундъ III еле, еле согласился на отъѣздъ и что Юрій Мнишекъ его

1) Polonia, 173, л. 1, 3.

также не одобряетъ. Эти извѣстія произвели въ Ватиканѣ переполохъ. Тамъ всегда настаивали на совмѣстномъ дѣйствіи съ королемъ, и теперь стали дѣлать нунцію упреки и давать разныя приказанія сообразно съ разными обстоятельствами; наконецъ 28-го января 1606 года ему поручили, если только возможно, воротить посланца съ дороги. Кажется нунцій довольствовался тѣмъ, что остановилъ племянника въ Смоленскѣ. Лишь въ февралѣ Александръ Рангони явился у Димитрія, что впослѣдствіи и было одобрено.

Здѣсь вкрался у Тургенева недосмотръ, который производитъ большую путаницу. Депеша 28-го января 1606 года помѣчена 28-мъ января предъидущаго 1605 года[1]). Выходитъ такъ, что въ Римѣ требуютъ возвращенія посланца, который еще не выѣхалъ изъ Кракова. Это одно. Другое еще хуже. Тургеневъ совершенно пропустилъ депеши 13-го мая, 10-го и 24-го іюня, 8-го и 15-го іюля 1606 года[2]). Въ нихъ заключаются цѣнныя извѣстія о посольствѣ Рангони, отчасти въ видѣ повторенія того, что доносилъ краковскій нунцій, отчасти въ видѣ одобренія всего сдѣланнаго и сказаннаго папскимъ представителемъ въ Кремлѣ. Замалчивать самое существенное, передавать толь-

---

[1]) Hist. Russiae Mon., т. II, с. 57, № XXXVI. Въ Ватиканской рукописи Polonia, 173, л. 30 v., выставленъ 1606 г.

[2]) Polonia, 173, л. 58, 68 v., 70, 74, 76 v.

ко внѣшнюю обстановку, да и то неисправно, значить искажать несчастный памятникъ.

Второму посольству въ изданіи Тургенева еще менѣе посчастливилось чѣмъ первому. О поѣздкѣ Лавицкаго въ Римъ и слѣдовъ не найти, хотя она вызвала важныя объясненія на счетъ турецкаго вопроса, новыхъ титуловъ Димитрія и сношеній его съ Польшею. Между прочимъ оказывается, что Павелъ V соглашался включить Димитрія въ семью европейскихъ вѣнценосцевъ, а Лавицкій обѣщалъ прислать такія данныя, которыя разсѣяли бы всякое сомнѣніе [1]). Какъ извѣстно, польскій іезуитъ не успѣлъ вернуться въ Москву, а въ Римѣ долгое время колебались и не знали что думать о майскомъ погромѣ въ Кремлѣ и всѣхъ его послѣдствіяхъ. Только 9-го сентября 1606 года, убѣдившись окончательно въ истинѣ кроваваго событія, кардиналъ Боргезе выразилъ свое настроеніе въ слѣдующихъ характерныхъ словахъ: «Несчастный исходъ Димитрія служитъ новымъ доказательствомъ непостоянства всего земнаго. Да соизволитъ Господь принять его душу въ небеса, и даровать намъ свою святѣйшую благодать» [2]). Этой депеши опять таки нѣтъ у Тургенева.

Вскорѣ послѣ убіенія Димитрія Сигизмундъ III задумалъ войну противъ Россіи и, нуждаясь въ

---

[1]) Тамъ же, л. 40 v., 45, 49, 51, 62.

[2]) Тамъ же, л. 90.

средствахъ, обратился къ Римской куріи съ просьбою о денежномъ пособіи. Онъ выдавалъ себя за преемника исполинскихъ замысловъ Баторія, широко распространялся о своихъ правахъ и выдвигалъ особенно религіозную цѣль. Римскіе отвѣты на такого рода заискиваніе чрезвычайно поучительны. Павелъ V отступилъ отъ обычной римской политики, которой онъ самъ придерживался долгое время, и цѣлью которой былъ союзъ между Россіею и Польшею противъ невѣрныхъ. Онъ одобрилъ предпріятіе Сигизмунда III, не вдаваясь въ разсмотрѣніе вопроса и вполнѣ довѣряя королевскимъ соображеніямъ. Ватиканъ очевидно соблазнялся предполагаемымъ единствомъ вѣры между славянами и охотно предоставлялъ поборнику католицизма добиваться желаемыхъ имъ удовлетвореній. Разобраться въ этомъ дѣлѣ было не легко. Правовыя отношенія между Москвою и Польшею ужъ сами по себѣ вопросъ довольно темный, а для иностранцевъ онъ былъ въ то время почти недоступенъ. Во всей Италіи кромѣ Антонія Поссевина врядъ-ли кто другой его понималъ, а Поссевино оканчивалъ тогда свой вѣкъ вдали отъ Рима. При всемъ томъ папа не желалъ идти далѣе платоническаго одобренія, и когда Сигизмундъ ссылался на Баторія, получавшаго пособія отъ Сикста V, ему отвѣчали, что Баторій готовилъ войну противъ турокъ, а не противъ Москвы. До 1609 года, на которомъ обры-

вается ватиканская рукопись, другого рѣшенія не послѣдовало [1]). Всѣхъ этихъ депешъ, очень интересныхъ и важныхъ, у Тургенева не имѣется.

Такіе значительные пробѣлы не могли остаться безъ пагубныхъ послѣдствій для русской исторіографіи. На лицо являлись только отрывочныя, второстепенныя депеши, а самыя главныя умалчивались, какъ будто ихъ совершенно не существовало. Такимъ образомъ правильный взглядъ, научно вполнѣ обоснованный, на сношенія Димитрія съ Римомъ не могъ установиться. А въ жизни Самозванца эти сношенія играютъ такую видную роль, что обойти ихъ никакъ нельзя. Не удивительно также, что у историковъ встрѣчаются промахи и недосказы. Такъ у Костомарова посольство Александра Рангони представлено въ совершенно превратномъ видѣ [2]). А Соловьевъ отправилъ папскаго представителя въ Москву противъ воли короля, да такъ и оставилъ его въ дорогѣ [3]). Пусть догоняетъ самъ читатель и справляется объ успѣхахъ. Отвѣтственность за всѣ эти явленія лежитъ отчасти на тѣхъ, которые выпустили въ свѣтъ неполное и неисправное изданіе римскихъ депешъ. Добросовѣстный историкъ не можетъ, безъ оговорокъ, на нихъ ссылаться.

---

[1]) Тамъ же, л. 282.

[2]) Смутное время (1883), т. I, стр. 291.

[3]) Исторія Россіи, (1858), т. VIII, стр. 186.

БАРЕЦЦО БАРЕЦЦИ ИЛИ ПОССЕВИНО [1].

Анонимное сочиненіе о Димитріи.—Мнѣніе Чіампи и князя Оболенскаго.—Авторство Поссевина.—Первыя двѣ главы.—Исторія Димитрія.—Заимствованія.—Двоякій способъ усвоенія.—Выводъ.—Сношенія Поссевина съ Польшею.—Письмо къ Димитрію.—Докладъ Павлу V.—Сообщенія другимъ лицамъ.—Показаніе Серниджи.—Ватиканскій свитокъ.—Возраженія.—Заключеніе.

Въ 1605 г. появилось въ Венеціи краткое сочиненіе о названномъ Димитріи подъ заглавіемъ: Relatione della segnalata et come miracolosa conquista del paterno Imperio, conseguita dal Serenissimo Giovine Demetrio, Gran Duca di Moscovia, in quest'anno 1605. Colla sua coronatione, et con quel che ha fatto dopo che fù coronato l'ultimo del mese di luglio sino a questo giorno, raccolta da sincerissimi avvisi per Barezzo Barezzi. In Venezia, appresso Barezzo Barezzi,

---

[1]) Перепечатано изъ Русской Старины 1900 г., октябрь, стр. 193—200.

1605[1]). Оно быстро распространилось и уже въ слѣдующемъ 1606 г., кромѣ новаго итальянскаго изданія, появились переводы на латинскій, нѣмецкій, испанскій и французскій языки. Изъ Москвы и изъ Кракова молва о Димитріи проникала во всѣ европейскіе центры. Въ Прагѣ, при цесарскомъ дворѣ, ему прочили австрійскую невѣсту. Генрихъ IV плѣнился разсказами объ его приключеніяхъ. Римскіе кардиналы мечтали о крестовомъ походѣ новаго царя противъ турокъ, а во Флоренціи разсчитывали на выгодную торговлю съ отдаленнымъ Сѣверомъ.

Хотя на обложкѣ этой «Relatione» и красуется имя Барецци, однако уже Чіампи[2]), а вслѣдъ за нимъ князь Оболенскій[3]), высказали мнѣніе, что авторомъ настоящаго труда былъ никто иной, какъ извѣстный іезуитъ Антоній Поссевино. Эта догадка очень правдоподобна и, по моему личному убѣжденію, она даже совершенно вѣрна.

[1]) Повѣствованіе о замѣчательномъ и какъ-бы чудесномъ завоеваніи отцовской имперіи, совершенномъ Яснѣйшимъ Юношею Димитріемъ, великимъ княземъ Московскимъ, въ 1605 году. Съ описаніемъ его вѣнчанія, состоявшагося въ послѣднее число іюля до сего дня. Собралъ изъ достовѣрнѣйшихъ извѣстій Барецци Барецци. Въ Венеціи, у Барецци Барецци, 1605.

[2]) Esame critico... della storia di Demetrio, стр. 4, 5.

[3]) Иностранныя сочиненія и акты, № 4, стр. III, IV. На это изданіе венеціанской Relatione, а именно на итальянскій текстъ, я буду постоянно ссылаться.

Моею задачею будетъ только дальнѣйшее ея обоснованіе, а также разборъ нѣкоторыхъ возраженій.

Первыя двѣ главы «Повѣствованія» служатъ какъ бы вступленіемъ и содержатъ бѣглый очеркъ сношеній между Москвою и Римомъ. Объ этомъ предметѣ въ связи съ судьбами всего христіанства Поссевино часто разсуждалъ, и здѣсь выступаетъ обычное его міросозерцаніе, его собственный взглядъ на пожеланія и стремленія Григорія XIII, на призваніе Россіи, на послѣдствія духовнаго единенія. Къ тому же бо̀льшая часть очерка посвящена дѣятельности самого Поссевина сперва въ Швеціи, а потомъ въ Россіи и Польшѣ. Сообщаются такого рода свѣдѣнія, которыми въ то время врядъ-ли кто могъ обладать, если самъ не былъ причастенъ къ тѣмъ же дѣламъ. Между тѣмъ, по сравненію съ перепискою Поссевина оказывается, что наша «Relatione» ее отчасти воспроизводитъ, излагая тѣ же мысли, только въ сокращенномъ видѣ. Внушителенъ даже недосмотръ, который вкрался въ первую главу: Канобіо названъ вмѣсто Gian-Francesco—Alessandro; та же самая ошибка встрѣчается въ письмѣ Поссевина къ комскому кардиналу отъ 14-го апрѣля 1581 года [1]. Заключительныя слова 2-й главы

[1]) Pierling, Bathory et Possevino, стр. 54. Въ письмѣ и въ Повѣствованіи есть та же хронологическая ошибка на счетъ Канобіо и Кленке.

сжато и наглядно изображаютъ послѣдствія, которыя самъ Поссевино неоднократно приписывалъ своему пребыванію на Сѣверѣ: миръ между Россіею и Польшею, присоединеніе Ливоніи съ 33-мя крѣпостями къ королевству Польскому, основаніе епископства Венденскаго, учрежденіе двухъ коллегій, въ Ригѣ и Дерптѣ, наконецъ семинаріи для русскихъ въ Вильнѣ.

Далѣе слѣдуетъ исторія названнаго Димитрія. Про нее можно сказать вообще, что она составлена по письмамъ Николая Чижовскаго и Андрея Лавицкаго, полковыхъ священниковъ при польскомъ отрядѣ Димитріеваго войска. Необходимо, однакожъ, оговориться. Оба іезуита были въ постоянныхъ и оживленныхъ сношеніяхъ съ своими собратьями, но ихъ переписка начинается только со времени Московскаго похода; кромѣ того она дошла до насъ не въ полномъ составѣ [1]). Поэтому всё, что говорится о происхожденіи Димитрія, объ его спасеніи въ Угличѣ и появленіи въ Польшѣ (гл. III, IV, V), должно быть признано какъ исходящее изъ еще не вполнѣ установленнаго источника, хотя и замѣтно, что авторъ былъ знакомъ съ запискою князя Вишневецкаго 1603 года. Въ самомъ разсказѣ о походѣ есть та или другая черта, которая могла находиться въ недошедшихъ

[1]) Переписка Чижовскаго и Лавицкаго находится частью въ Ватиканскомъ архивѣ, частью въ нашихъ рукахъ. Эти послѣднія письма будутъ приводиться безъ всякой ссылки.

до насъ письмахъ, но для чего положительнаго доказательства не имѣется. Таковъ; напримѣръ, разсказъ о доставленіи въ Путивль Курской иконы Божіей Матери (гл. IV).

Начиная съ VI гл., сходство между повѣствованіемъ и его источниками уже ощутительно и, къ счастью, можно указать на самыя письма, изъ которыхъ сдѣланы заимствованія, и на двоякій способъ усвоенія, котораго поперемѣнно придерживался авторъ. Располагая матеріаломъ, не связаннымъ строгимъ единствомъ, гдѣ событія раскрывались по мѣрѣ того какъ они происходили и гдѣ они перемѣшивались съ посторонними соображеніями, составитель нашей «Relatione» то сводилъ въ одну главу произвольно разбросанныя данныя, то просто вставлялъ въ собственный разсказъ отдѣльныя части, отличающіяся болѣе цѣльнымъ характеромъ. Такимъ образомъ, VI и VII гл., о переправѣ чрезъ Днѣпръ, о первыхъ военныхъ успѣхахъ Димитрія и объ его пораженіи при Добрыничахъ, составлены по письму отъ 10-го ноября 1604 г. и по нѣкоторымъ другимъ [1]). За то VIII гл. почти дословно воспроизводитъ выдержки изъ писемъ Чижовскаго и Лавицкаго къ Стривери

[1]) Полный текстъ письма 10-го ноября 1604 г. напечатанъ Даровскимъ, «Kraj», 1898, № 47, стр. 16. Другая редакція находится въ Ватиканскомъ архивѣ, отдѣлъ Боргезе, III, 90, b, fol. 300.

отъ 8-го и 17-го марта 1605 года [1]). Здѣсь находится извѣстіе о появленіи Гришки Отрепьева въ Путивлѣ и о продѣлкахъ монаховъ, подосланныхъ якобы Борисомъ Годуновымъ. Въ IX гл. собрано изъ разныхъ писемъ кое-что о благочестіи Димитрія, о его замыслахъ и предначертаніяхъ. Особенно слышатся отголоски писемъ 9-го мая [2]) и 15-го іюня. Смерть Бориса Годунова передается въ Х-й главѣ по письму Чижовскаго къ Стривери отъ 13-го мая 1605 г. Письмо 15-го іюня того же іезуита очевидно послужило для XI и XII гл., которыя содержатъ описаніе военной хитрости Запорскаго подъ Кромами и побѣдоноснаго шествія Димитрія изъ Путивля въ Москву. Послѣдняя XIII гл. опять болѣе своднаго свойства. До какой степени авторъ поддавался своимъ источникамъ, можно видѣть изъ того, что въ другомъ трудѣ, изданномъ въ Венеціи въ 1606 г. [3]) въ тѣхъ же условіяхъ какъ «Relatione», письмо Лавицкаго отъ 8-го августа 1605 г. напечатано цѣликомъ и безъ всякихъ измѣненій.

Изъ всего выше сказаннаго вытекаетъ слѣдующій общій выводъ: «Повѣствованіе», появившееся подъ именемъ Бареццо Барецци, соста-

---

[1]) Pierling, Rome et Démétrius, стр. 203, 204 № 3,4.

[2]) Тамъ же, стр. 205, № 5.

[3]) Avvisi e Lettere ultimamente giunte... racolte da Barezzo Barezzi, Cremonese, in Venetia, appresso Barezzo Barezzi, 1606.

влено частью по письмамъ Поссевина, частью по перепискѣ Чижовскаго и Лавицкаго, частью по неизвѣстнымъ источникамъ, которые, вѣроятно также іезуитскаго происхожденія. Невольно возникаетъ вопросъ: кто могъ располагать такимъ матеріаломъ въ Венеціи, въ 1605 г., въ эпоху самаго разгара Московскихъ происшествій? Кто ближе стоялъ къ дѣлу и къ его участникамъ, Барецци или Поссевино?

Въ этомъ отношеніи про Барецци ровно ничего неизвѣстно. Возможно, что онъ былъ въ сношеніяхъ даже съ польскими іезуитами, но объ этомъ исторія упорно молчитъ. Относительно же Поссевина дѣло обстоитъ совершенно иначе. Преклонныя лѣта не мѣшали ему проявлять неутомимую дѣятельность. Въ 1605 г. онъ занимался въ Венеціи изданіемъ обширнаго философскаго труда [1]) и печаталъ его въ типографіи того же самаго Барецци, подъ именемъ котораго появилась «Relatione». Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ видно изъ оставшихся по немъ бумагъ, онъ часто переписывался съ иностранными іезуитами, между прочимъ и съ польскими, а именно съ Савицкимъ, первымъ духовникомъ Димитрія, и съ Деціемъ Стривери, который въ то время управлялъ орденомъ Іисуса въ Польшѣ. Оба эти отца получали

1) Apparatus ad Philosophiam, Venetiis, apud Baretium, 1605.

извѣстія изъ Москвы. Савицкій по собственному почину былъ въ сношеніяхъ съ полковыми священниками Димитріеваго войска, а въ рукахъ Стривери, какъ ближайшаго начальника, сосредоточивались ихъ доклады. Только девять писемъ Савицкаго и два письма Стривери къ Поссевину сохранились и дошли до насъ [1]). Они служатъ доказательствомъ, что итальянскому іезуиту сообщались не только извлеченія, но и самыя письма Чижовскаго и Лавицкаго. У Стривери встрѣчается даже точное указаніе о пересылкѣ письма 15-го іюня 1605 года [2]), содержаніе котораго и воспроизводится въ X, IX и XII гл. Впрочемъ Поссевино получалъ и непосредственно извѣстія отъ полковыхъ священниковъ [3]).

Личность Димитрія сильно заинтересовала бывшаго представителя Григорія XIII при Московскомъ дворѣ, и онъ въ значительной степени увлекся юнымъ католическимъ царемъ. Будущность Россіи представлялась его пылкому южному воображенію въ совершенно новомъ видѣ:

---

[1]) Письма Савицкаго и Стривери находятся въ нашемъ распоряженіи.

[2]) 1605, 12-го іюля, Стривери Поссевину.

[3]) Ciampi, Esame critico, стр. 50.— Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, II, 24, fol. 246. Въ этихъ двухъ источникахъ, въ письмѣ Поссевина къ Фердинанду Тосканскому и въ его докладѣ Павлу V, содержатся и слѣдующія въ текстѣ подробности о Библіи и о проѣздѣ чрезъ Римъ.

казалось возможнымъ исполненіе его завѣтной объединительной мысли, ибо онъ отнюдь не сомнѣвался ни въ искренности Димитрія, ни въ его происхожденіи отъ Ивана Грознаго, ни въ прочности его правленія. По своему обыкновенію, онъ не довольствовался пустыми соображеніями, но сейчасъ же горячо принялся за дѣло.

Во время Московскаго похода, вѣроятно въ Путивлѣ, Лавицкій какъ-то завелъ рѣчь о Поссевинѣ передъ Димитріемъ. Было что разсказывать о появленіи іезуита въ Кремлѣ, о пререканіяхъ съ Иваномъ Грознымъ, о заключеніи Запольскаго перемирія. И вотъ Димитрій изъявляетъ желаніе получить изъ рукъ бывшаго посредника между Москвою и Польшею Священное Писаніе на славянскомъ языкѣ. Чижовскій передаетъ эту просьбу въ Венецію и начинаются хлопоты. Поссевино имѣлъ экземпляръ Острожской Библіи, врученный ему самимъ княземъ Константиномъ, но этого перевода онъ не долюбливалъ; другаго подъ рукою, да и вообще, не было, а славянская типографія во Флоренціи представлялась пока только мечтою. Поэтому онъ предпочелъ выслать Димитрію другія книжечки духовнаго содержанія и, пользуясь удобнымъ случаемъ, обратился къ нему съ письменными совѣтами въ видѣ пожеланій: сыновныя отношенія къ королю Сигизмунду III, союзъ съ Польшею, укрощеніе Карла Шведскаго, походъ противъ турокъ, посвященіе Россіи Божьей Матери—вотъ

какія предложенія почтительно внушались благочестивому царю. Сохранился въ нашихъ рукахъ черновикъ этого посланія, помѣченный: изъ Венеціи 10-мъ числомъ іюля мѣсяца 1605 г. Дальнѣйшая его участь остается неизвѣстною.

Въ слѣдующемъ 1606 году Поссевино былъ проѣздомъ въ Римѣ и дѣлалъ докладъ о Димитріи Павлу V. Исходной точкой служило ему опять упованіе на новаго царя. Свои давнишніе планы онъ все еще почиталъ за самые подходящіе, а при данной обстановкѣ за удобно примѣняемые и съ надеждой на успѣхъ. По его мнѣнію, суть задачи сводилась къ широкому распространенію образованія и къ усвоенію надлежащей вѣротерпимости. Онъ многаго ожидалъ отъ взаимнаго сближенія, обоюднаго знакомства и обмѣна мыслей, разсчитывая, безъ сомнѣнія, на выгодныя для своей стороны послѣдствія.

При такомъ отношеніи къ Димитрію, можно было бы предположить безъ дальнѣйшихъ разысканій, что Поссевино не только самъ вдумывался въ исторію юнаго царя, но и сообщалъ ее другимъ. На дѣлѣ это подтверждается провѣркою. Давно уже напечатано посланіе къ Фердинанду Тосканскому съ разсказомъ о Димитріи. Въ флорентійскомъ архивѣ есть еще два неизданныя письма къ герцогу Урбинскому, Франческу II, того же содержанія[1]).

[1]) Флоренція, Государственный Архивъ, Отдѣлъ Urbino Classe 1, Divisione G, fol. CLXXI, CCXIX.

Другимъ лицамъ, въ Венеціи, дѣлались устныя сообщенія. Такъ, 9-го марта 1605 г., французскій посолъ, Канэ де Френъ, писалъ своему начальнику въ Парижъ: «Такъ какъ вы интересуетесь московскими новостями, то я вамъ скажу, милостивый государь, что отецъ Поссевино получилъ письма изъ Кракова, отъ 14-го февраля, въ которыхъ его извѣщаютъ, что молодой князь Димитрій сразился съ своимъ непріятелемъ и совершенно его разбилъ, при чемъ было убито десять московскихъ воеводъ и до 40,000 человѣкъ, такъ что разныя области передаются побѣдителю. Вотъ военная новость, могущая, если она оправдается, повліять на сѣверныя страны, ибо увѣряютъ, что этотъ Димитрій усердный католикъ». Въ маѣ мѣсяцѣ Канэ де Френъ снова упоминаетъ о доставленныхъ Поссевину письмахъ изъ Польши[1]).

Итакъ несомнѣнно, что въ 1605 г. бывшій папскій представитель при Иванѣ Грозномъ переписывался изъ Венеціи съ польскими іезуитами и чрезъ ихъ посредство получалъ свѣдѣнія о Димитріи. Несомнѣнно также, что, пользуясь этимъ матеріаломъ, онъ охотно, перомъ и словомъ, распространялъ извѣстія о [illegible]скомъ переворотѣ. Въ виду такой подгото[illegible] составитъ повѣствованіе о всемъ

[1]) [illegible] de Messire Philippe Canaye. [illegible] 526, 578. Письмо 18-го фе- [illegible] щается Канэ. написано [illegible]

случившемся, Поссевину стоило только привести въ порядокъ подробности и облечь ихъ въ литературную форму. Такое предпріятіе не могло ему не улыбаться, а что онъ дѣйствительно за него взялся, на это есть, кромѣ внутреннихъ, и коекакія внѣшнія указанія.

Въ Краковѣ проживалъ тогда флорентійскій агентъ Серниджи, горячій поклонникъ Димитрія, котораго онъ расхваливалъ за его склонность къ итальянцамъ. Неизвѣстное лицо поручило Серниджи перевести на латинскій языкъ сочиненіе о Димитріи, и вотъ въ какихъ выраженіяхъ онъ увѣдомляетъ объ этомъ, 22-го января 1606 г., тосканскаго канцлера, Велисарія Винти: «Повѣствованіе (Relatione), сдѣланное Поссевиномъ въ Венеціи, приближается къ истинѣ». Упрекнувъ потомъ автора за пропуски, восхваливъ самоотверженіе Мнишка, онъ признается, что сдѣлаетъ переводъ «на польскій ладъ, то-есть поспѣшно»[1]). Очевидно, Серниджи не сомнѣвался въ авторствѣ Поссевина; этотъ фактъ представлялся ему какъ общеизвѣстный и всѣми признанный, и, конечно, онъ имѣлъ въ виду именно нашу «Relatione», ибо другой въ Венеціи не появлялось.

Заслуживаетъ также вниманія инаго рода указаніе, которое можно назвать вещественнымъ. Въ

---

[1]) Флоренція, Государственный Архивъ, отдѣлъ Medici, filza 933, fol. 427.

ватиканскомъ архивѣ находится свитокъ безъ опредѣленнаго нумера и съ слѣдующею надписью: «Posseviui Epistolae, 1596—1600—1602—1611»[1]). Многообѣщающей надписи не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержаніе свитка. Въ немъ заключаются теперь разнородныя бумаги, между которыми выдѣляется особая пачка, на обложкѣ которой читаются слова: «Acta in negocio et casu Demetrii Magni Moscoviae Ducis. Extat intus rel.tio recuperati Magni Ducatus et pleraque a nostris Patribus missa ad P. Possevinum»[2]). Здѣсь снова разочарованіе. Подлинниковъ никакихъ нѣтъ; нѣтъ также іезуитскихъ посылокъ, а осталась только «Relatio» и то не въ полномъ видѣ, всего на всего шесть главъ (VII, VIII, IX, XI, XII, XIII) на семи листкахъ. Однако, въ совокупности съ надписью, и эти уцѣлѣвшія странички имѣютъ для насъ значеніе. Такимъ образомъ, съ одной стороны устанавливается связь между Повѣствованіемъ и Поссевиномъ, ибо имъ пересмотрѣны и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собственноручно исправлены упомянутые листки; съ дру-

[1]) Тотъ же свитокъ носилъ сперва надпись: Epistolae Regis Poloniae ad P. Possevinum, legatum pontificium.

[2]) Акты, касающіеся Димитрія, великаго князя Московскаго. Внутри есть повѣствованіе о завоеваніи великаго княжества и большая часть посланнаго нашими отцами отцу Поссевину. «Нашими» іезуиты называютъ своихъ собратьевъ; надпись сдѣлана однимъ изъ нихъ, вѣроятно, самимъ Поссевиномъ.

гой стороны, подтверждается фактъ сношеній Поссевина съ польскими іезуитами и полученія отъ нихъ извѣстій о Димитріи.

Но какъ бы ни были вѣски приведенныя доказательства, не слѣдуетъ скрывать существующихъ противъ нихъ возраженій. Во-первыхъ, Поссевино никогда не называетъ Повѣствованія между своими произведеніями и какъ бы отъ него отрекается. Сообщая новыя данныя о Димитріи герцогу Урбинскому, онъ ихъ выдаетъ за дополненіе напечатанной въ Венеціи «Relatione», и высланной по его же настоянію Франческу II, но о собственномъ авторствѣ не говоритъ ни слова[1]).

Далѣе, въ рѣдчайшемъ первомъ изданіи Повѣствованія, Барецдо Барецци самъ выступаетъ не то авторомъ, не то отвѣтственнымъ лицомъ. Въ вступительномъ письмѣ, посвящая свой трудъ Пьеру Каппони, онъ обѣщаетъ заняться впослѣдствіи исторіею доблестнаго рода своего покровителя и прибавляетъ: «Впрочемъ, благоволите пока довольствоваться моею доброю волею и принять въ видѣ залога, вамъ мною вручаемаго, это удивительное Повѣствованіе, которое я выпускаю въ свѣтъ подъ вашимъ знаменитымъ именемъ»[2]). Дву-

---

[1]) Упомянутое выше письмо 20-го января 1606 г. fol. CCXIX.

[2]) Каппони былъ флорентинскій уроженецъ (Litta, Famiglie celebri italiane, tavola XII), но жилъ въ Венеціи, гдѣ и сдѣлалъ духовное завѣщаніе. (Венеція, Государственный Архивъ, Sezione notarile, Busta 785, № 391).

смысленнаго намека здѣсь отрицать нельзя, но твердаго, положительнаго утвержденія все-таки нѣтъ. Письмо написано такъ осторожно и неясно, что поддается различнымъ толкованіямъ.

Дѣло въ томъ, что Бареццо Барецци, родомъ изъ Кремоны, по своему званію типографщикъ, ничѣмъ себя не заявилъ въ ученомъ мірѣ. Уцѣлѣвшія его письма всѣ дѣловаго характера и, какъ уже было отмѣчено выше, никакихъ слѣдовъ не осталось его сношеній съ польскими іезуитами, да вообще врядъ ли онъ интересовался Россіею и русскими дѣлами. Но если онъ самъ не былъ компетентенъ по этой части, то, въ качествѣ издателя, онъ удобно могъ заслонять или прикрывать Поссевина. Именно въ ту эпоху, то-есть въ 1605 и 1606 годахъ, обстоятельства въ Венеціи сложились такъ, что со стороны Поссевина требовалась крайняя осторожность. Время было тревожное. Римскій интердиктъ, какъ громовой ударъ, поразилъ республику Св. Марка. Правительство возстало противъ этой карательной мѣры, іезуиты же подчинились требованіямъ Павла V, и Поссевино усердно отстаивалъ папскія права. Къ этому времени относятся его мелкія полемическія сочиненія, издававшіяся подъ вымышленными именами Giovanni Filoteo di Asti, Paolo Anafesto и проч. Всѣмъ извѣстна крайне чуткая подозрительность государственныхъ учрежденій въ Венеціи. Не удивительно, что Поссевино не поже-

лалъ публично выступать съ исторіею о Димитріи[1]). Московскій переворотъ клонился тогда, по мнѣнію многихъ и самого автора Повѣствованія, въ пользу Рима, а между Римомъ и Венеціею велась ожесточенная борьба. Въ виду возможныхъ придирокъ, удобнѣе было предоставить отвѣтственность за печатаемый трудъ хорошо извѣстному типографщику, чѣмъ горячему стороннику Павла V.

Такимъ образомъ, авторство Поссевина представляется несомнѣннымъ. Тѣмъ не менѣе это произведеніе нельзя считать непосредственнымъ источникомъ;—это только передѣлка писемъ Чижовскаго и Лавицкаго съ примѣсью нѣкоторыхъ постороннихъ свѣдѣній.

---

[1]) Въ первой главѣ Повѣствованія на итальянскомъ языкѣ даже просто говорится о «священникѣ», бывшемъ въ Швеціи. Между тѣмъ, въ испанскомъ переводѣ (Valladolid, 1606) Поссевино названъ по имени. Очевидно, въ Венеціи придерживались бо́льшей осторожности.

Н. И. КОСТОМАРОВЪ О ДИМИТРІИ.

Два главныхъ вывода Костомарова.—Неравная твердость.—Ошибочное устраненіе доклада Вишневецкаго.—Догадка о патріархѣ Іовѣ.—Напрасное сомнѣніе о посольствѣ Смирнаго Отрепьева.—Семейство Отрепьевыхъ.—Записка Льва Сапѣги.—Лѣтописные источники.—Тонкій разборъ.—Незамѣченное сходство въ главныхъ чертахъ.—«Капитальная ошибка» Костомарова. — Свидѣтельство Маржерета. — Его доказательства. — Извѣстіе Чижовскаго и Лавицкаго. — Странная искуственность.—Буссовъ.—Кобѣржицкій.—Лубинскій.—Итоги.

Въ извѣстномъ своемъ трудѣ «Кто былъ первый Лжедимитрій» [1]? Н. И. Костомаровъ вернулся къ неистощимому вопросу о личности перваго Самозванца и пришелъ къ слѣдующимъ двумъ главнымъ выводамъ:

а) «Мнѣніе, что первый назвавшій себя Димитріемъ и Гришка Отрепьевъ есть одно и то же лицо, не подтверждается ни несомнѣнными со-

---

[1]) Изданіе 1864 года.

временными свидѣтельствами, ни ходомъ обстоятельствъ того времени (стр. 62)».

б) «Обстоятельства, сопровождавшія явленіе Лжедимитрія, лишаютъ силы предположеніе, что онъ былъ истинный царевичъ (стр. 63)».

Остальные пять выводовъ имѣютъ только подготовительный характеръ или второстепенное значеніе.

Взятую на себя задачу почтенный авторъ выполнилъ съ выдающимся литературнымъ талантомъ, историческимъ тактомъ и чутьемъ, вовсе не увлекаясь «суетнымъ мудрованіемъ». Тѣмъ не менѣе не всѣ основанія его выводовъ одинаково тверды, нѣкоторыя изъ нихъ даже довольно шатки, а потому и самые выводы только отчасти могутъ быть приняты. Если съ одной стороны становится ясно, что Димитрій не былъ истинный царевичъ, то съ другой стороны опроверженіе тождественности его съ Гришкою Отрепьевымъ вовсе не убѣдительно. Эту слабую сторону прекраснаго, впрочемъ, труда я буду имѣть въ виду исключительно. При томъ цѣль моя будетъ только отрицательная: показать, не вдаваясь въ дальнѣйшія объясненія, что предлагаемый выводъ не доказанъ.

Съ самаго начала Костомаровъ замѣчаетъ, что «важнѣе всего» добраться «до первоначальныхъ свѣдѣній, болѣе близкихъ какъ ко времени, такъ и къ самому вопросу», разобрать, «какъ эти мнѣ-

нія сложились и откуда получили начало (стр. 1)». Совершенно вѣрно, но, къ сожалѣнію, на дѣлѣ здѣсь неудача. Первый официальный источникъ о Димитріи — докладъ князя Адама Вишневецкаго, представленный Сигизмунду III въ 1603 году. Костомаровъ не обратилъ на него должнаго вниманія, не дошелъ до первоначальнаго текста, остановился на передѣлкѣ Товіанскаго и просто отбросилъ ее какъ черезчуръ легендарную (стр. 35, 36). Между тѣмъ свидѣтельства короля, нунція Рангони, польскихъ сенаторовъ не дозволяютъ усомниться, что Димитрій разсказывалъ свою исторію именно такъ, какъ она изложена въ докладѣ. Вотъ почему въ немъ кроется одно изъ самыхъ вѣскихъ доказательствъ противъ царскаго происхожденія Димитрія, которое, однакожъ, ускользнуло отъ Костомарова. Отъ этого пострадала и дальнѣйшая постановка вопроса.

Появленіе имени Гришки Отрепьева Костомаровъ объясняетъ такъ: оставлять неизвѣстнымъ грознаго пришельца было опасно; надо было имя, чтобъ всенародно проклинать вора. Патріархъ Іовъ очень кстати вспомнилъ, что когда-то сбѣжалъ изъ Чудова монастыря инокъ Гришка Отрепьевъ, онъ и ухватился за это имя (стр. 11, 12). Инициатива, приписываемая патріарху, есть не что иное какъ догадка, основанная на томъ, что Іовъ былъ человѣкъ слабый, безхарактерный, орудіе въ рукахъ правительства, употреблявшій

всевозможныя уловки при избраніи Годунова на царство, и тѣмъ болѣе готовый на всякія услуги для удержанія своего покровителя на престолѣ (стр. 12).

Чтобъ доказать вѣроятность такого появленія имени Гришки Отрепьева, Костомаровъ старается отнести его къ 1605 году. Далѣе онъ опровергаетъ русскіе источники, которые отождествляютъ Димитрія съ Отрепьевымъ, и даетъ предпочтеніе тѣмъ изъ иностранныхъ источниковъ, гдѣ Димитрій и Отрепьевъ выступаютъ какъ двѣ различныя личности. Въ развитіи этихъ доказательствъ встрѣчаются крупные недосмотры.

Начать съ того, что уже въ первой половинѣ 1604 года Димитрія выдавали въ Москвѣ за Гришку Отрепьева. Это было не только мнѣніе патріарха, но мнѣніе самого правительства. Увѣренность послѣдняго доходила до того, что оно выслало въ Краковъ Смирного Отрепьева, дядю Гришки, для очной ставки съ племянникомъ. Напрасно Костомаровъ заподозрѣваетъ этотъ фактъ и считаетъ его сомнительнымъ (стр. 5), онъ подтверждается и Никоновою лѣтописью и депешею Рангони [1]). Въ наказѣ Постника Огарева, посланнаго въ Польшу вслѣдъ за Смирнымъ, также упоминается Гришка Отрепьевъ. Вообще Годуновъ постоянно придерживался этого имени.

---

[1]) Pierling, La Russie et le Saint-Siège, т. III, стр. 93.

Обличеніе Димитрія исходило не только отъ правительства, но и съ другихъ сторонъ. Должно согласиться съ Костомаровымъ, что дѣло Василія Шуйскаго, дознаніе Чудовскаго игумена Пафнутія, выходки Петра Тургенева и Ѳедора Калачника даютъ мало существеннаго (стр. 13, 18). За то очень важно показаніе семейства Отрепьевыхъ. Давно извѣстно свидѣтельство Авраамія Палицына, что Димитрія обличали его мать Варвара, братъ и дядя Смирный. Съ свойственною ему проницательностью, Костомаровъ понялъ значеніе этого факта и всѣми силами старается его отстранить (стр. 14). Но онъ не потрудился заглянуть въ московскій архивъ Министерства юстиціи. Тамъ, въ столбцахъ московскаго стола № 731, л. 777 об. онъ нашелъ бы челобитную Отрепьевыхъ, представленную въ 1671 году царю Алексѣю Михайловичу [1]), и прочелъ бы слѣдующія слова: «...Смирной Елизарьевъ, сынъ Отрепьевъ, посыланъ былъ въ Литву на обличеніе врага и отступника православныя вѣрыростриги Гришки Отрепьева, и на Москвѣ онъ, Смирной, съ сродники нашими всенародне его, проклятаго вора, обличалъ...» То же извѣстіе подтверждается собственноручной запиской литовскаго канцлера Льва Сапѣги. Удивительно, что этотъ послѣдній доку-

[1]) На челобитную Отрепьевыхъ впервые указалъ Е. Н. Щепкинъ: Краткія извѣстія о Лжедимитріи I, стр. 9.

ментъ ускользнулъ отъ вниманія Костомарова. На него указывалъ ранѣе князь Оболенскій, и онъ хранится въ Главномъ Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ [1]). Сопоставляя свидѣтельство Палицына и Сапѣги съ челобитной Отрепьевыхъ, обличеніе Самозванца представляется въ совершенно другомъ видѣ, и опроверженіе Костомарова сводится на ничто.

Приступая къ лѣтописнымъ источникамъ, авторъ разбираетъ подробно грамоту Іова (стр. 5—13), грамоту Шуйскаго (стр. 18—19), извѣтъ Варлаама (стр. 20—24). Менѣе мѣста удѣляется Никоновой лѣтописи, лѣтописи о мятежахъ, Иному сказанію и Сказанію еже содѣяся. Эти послѣднія произведенія крайне сурово осуждаются. «Стоитъ только сличить», говоритъ Костомаровъ (стр. 31), «всѣ эти сказанія, чтобы видѣть въ нихъ господство вымысла и отказать имъ во всякомъ правѣ на авторитетъ». Между прочимъ есть даже такой упрекъ, что кой-какое обстоятельство противорѣчитъ разсказу Чилли (стр. 29), итальянскаго автора, выше по достоинству оцѣненнаго. Но это только мимоходомъ. Въ общемъ разборъ всего намѣченнаго матеріала сдѣланъ остроумно и тонко. Костомаровъ смѣло выдѣляетъ баснословный элементъ и настаиваетъ на непримиримыхъ проти-

[1]) Метрика В. К. Литовскаго, Сношенія Польши съ Россіею, 1554—1615, Связка 1.

ворѣчіяхъ между разными сказаніями. Къ тому же, если исключить грамоту Іова, то всѣ прочіе памятники написаны послѣ убіенія Димитрія, большею частью по слухамъ, такъ что нельзя прослѣдить, откуда заимствованы сообщаемыя свѣдѣнія.

Все это сущая правда. Но не слѣдуетъ забывать, что въ главныхъ чертахъ всѣ лѣтописи согласны между собою. Вездѣ встрѣчается имя Гришки Отрепьева, пребываніе въ монастыряхъ, появленіе у Адама Вишневецкаго, содѣйствіе Юрія Мнишка. Такому согласію нельзя не придавать нѣкотораго значенія. Едва ли его можно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что свыше было брошено подходящее имя, за которое всѣ ухватились, да и стали его повторять. Дѣло въ томъ, что не всѣ лѣтописи исходятъ изъ того же кружка; авторы ихъ часто принадлежатъ даже къ противоположнымъ лагерямъ. Имя Гришки Отрепьева появилось при Годуновѣ, имъ пользовалось правленіе Шуйскаго, его же выставляли и Романовы. На это взаимное соотношеніе Костомаровъ не обратилъ вниманія. Онъ даже совершенно замолчалъ повѣсть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго, самаго виднаго представителя партіи Романовыхъ, и произведеніе котораго во всѣхъ отношеніяхъ очень замѣчательно.

Въ частности особенно мало удовлетворителенъ разборъ извѣта Варлаама (стр. 20—24). Косто-

маровъ сознается, что эта челобитная «съ перваго раза какъ будто носитъ печать истины; но, всмотрѣвшись пристальнѣе, увидишь много несообразностей, обличающихъ умышленную составительность (стр. 20)». Къ числу несообразностей Костомаровъ относитъ и «капитальную ошибку (стр. 22)», какъ онъ выражается, состоящую въ томъ, что первое свиданіе Самозванца съ королемъ откладывается до 1604 года, между тѣмъ какъ «оно происходило непремѣнно ранѣе, еще въ 1603 году». Здѣсь капитальная ошибка всецѣло на сторонѣ Костомарова, а не Варлаама. Аудіенція Димитрія у короля состоялась въ апрѣлѣ 1604 года. Депеши нунція Рангони не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ этомъ. Недосмотръ Костомарова тѣмъ болѣе поразителенъ, что въ его распоряженіи находился 53-й томъ Литовской метрики (стр. 23), который могъ его навести на истинный путь, особенно если бы онъ полюбопытствовалъ взглянуть также на 54 и 55 томы, гдѣ есть цѣлый рядъ важныхъ документовъ [1]).

Извѣтъ подкрѣпляется надписью, найденной Добротворскимъ на Волыни въ Загоровскомъ монастырѣ, которая свидѣтельствуетъ, что спутниками Варлаама были Мисаилъ Повадинъ и Гришка

[1]) Эти Новыя книги Литовской метрики хранятся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи.

Отрепьевъ [1]). Замѣчательно также совпаденіе извѣта съ запискою Вишневецкаго, внушенною Димитріемъ: тотъ же путь, тѣ же остановки, въ тѣхъ же мѣстахъ, въ томъ же порядкѣ. Здѣсь кроется соединительное звено между московскимъ и польскимъ Отрепьевымъ. Казнь Москвича въ Самборѣ, о которой упоминаетъ Варлаамъ, подтверждается письмомъ Юрія Мнишка къ Рангони. Все это у Костомарова не разобрано, не взвѣшено, отчасти потому, что не всѣ документы были ему извѣстны; но по этому самому суровый его приговоръ должно признать преждевременнымъ.

Перебравъ, такимъ образомъ, русскіе источники, Костомаровъ обращается къ иностраннымъ, гдѣ и находитъ «прямыя свидѣтельства современниковъ, опровергающія, что самозванецъ былъ Гришка (стр. 31)». Приводятся ссылки на Маржерета и Буссова, а потомъ, изъ поляковъ, на Кобѣржицкаго и Лубинскаго. Странный, очень странный подборъ и не совсѣмъ удачный!

Важнѣе всѣхъ свидѣтельство Маржерета. Проницательный и добросовѣстный французъ могъ знать очень многое. Во всякомъ случаѣ, никто его не упрекнетъ въ двуличности. Онъ положительно утверждаетъ, что въ Польшу бѣжало двое [2]),

---

[1]) Амвросій Добротворскій, Свѣдѣнія о книгѣ Василія Великаго... въ запискахъ Археологическаго Общества, С.-Петербургъ, т. VIII, стр. 56—73.

[2]) По всей вѣроятности не двое, а трое.

оба въ монашескомъ платьѣ, и что Димитрій привелъ съ собою на Москву Гришку Отрепьева, которому было отъ роду за 35 лѣтъ. Фактъ наличности нѣкоего Гришки Отрепьева, отличнаго отъ Димитрія, отрицать нельзя; его видѣли въ Путивлѣ полковые священники Чижовскій и Лавицкій, о немъ упоминаютъ и лѣтописи. Но былъ ли онъ на самомъ дѣлѣ Гришка Отрепьевъ или подставное лицо, замѣняющее истиннаго Гришку, превращеннаго въ царя Димитрія? Вотъ главная загадка.

На это, въ противоположность лѣтописямъ, Маржеретъ отвѣчаетъ, что личность, выдаваемая Димитріемъ за Гришку Отрепьева, носила это имя не условно и для обмана, а по законному праву. Какъ же онъ это доказываетъ? Кто служитъ ему порукой? Стоитъ разсмотрѣть это ближе.

Поселившись въ Кремлѣ, Димитрій, по разсказу Маржерета, сослалъ Гришку въ Ярославль, а сослалъ его за пьянство и дерзкое поведеніе. И вотъ, послѣ майскаго погрома 1606 года, отрезвившійся изгнанникъ увѣрилъ какого-то англичанина, что убитъ сынъ Ивана Грознаго, а не Гришка Отрепьевъ, ибо онъ самолично никто иной какъ истинный Гришка Отрепьевъ. Своимъ открытіемъ англичанинъ подѣлился съ Маржеретомъ.

Такимъ образомъ первичнымъ представителемъ пресловутаго «прямаго» свидѣтельства является горькій пьяница, который вдобавокъ свидѣтель-

ствуетъ о самомъ себѣ. Его подхватываетъ англичанинъ, о которомъ только то извѣстно, что онъ проживалъ въ Ярославлѣ на британскомъ подворьѣ, а кто онъ былъ таковъ, какъ его звали, этого мы н‧ знаемъ. Маржеретъ почему-то положился на него, повѣрилъ на слово, и пустилъ его разсказъ на бѣлый свѣтъ. Итакъ, это «прямое» свидѣтельство дошло до насъ изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, и намъ невозможно его провѣрить. А провѣрка, казалось бы, вовсе не излишняя. Димитрій долженъ былъ дорожить, для собственной своей выгоды, присутствіемъ Гришки Отрепьева и возможностью опровергнуть тождественность съ нимъ. Вѣдь носились такого рода неблагопріятные слухи еще во время похода и принимались уже тогда противъ нихъ соотвѣтствующія мѣры.

Есть достовѣрное извѣстіе, на ко:орое до сихъ поръ обращалось слишкомъ мало вниманія. 8-го марта 1605 года, Чижовскій и Лавицкій писали въ Польшу слѣдующее: «Привели также Гришку Отрепьева, извѣстнаго во всей Московіи колдуна и негодяя (котораго Годуновъ выдавалъ у своихъ за царевича, пришедшаго съ ляхами изъ Польши и стремящагося завладѣть московскимъ царствомъ), и стало очевидно всѣмъ москвитянамъ, что Гришка Отрепьевъ одно лицо, а Димитрій Ивановичъ другое»[1]).

[1]) Pierling, Rome et Démétrius, стр. 203, № 3.

Фактическую, внѣшнюю сторону этого извѣстія отрицать или заподозрить нельзя. Правда, оно передается приверженцами Димитрія, которые могли преувеличить его значеніе, но не были способны его выдумать. Остается вникнуть въ его смыслъ.

Ясно, что уже въ 1605 году московскіе люди задавались вопросомъ о тождествѣ Димитрія и Гришки Отрепьева. Ясно, что въ Пу:ивлѣ, съ вѣдома, по крайней мѣрѣ, если не съ почина Димитрія, это тождество опровергалось. Но какъ брались за это дѣло? Какимъ образомъ Гришка появился въ Путивлѣ? Пришелъ ли онъ самовольно или кто-либо другой доставилъ его? Здѣсь являются недомолвки, чувствуется что-то не ладное. «Его привели въ Путивль» лаконически объясняютъ полковые священники. Странно! Въ 1604 году Смирный Отрепьевъ офиціально жаловался въ Краковѣ, что племянникъ его Гришка сбѣжалъ и выдае.ъ себя за Димитрія. Съ этихъ поръ Гришка Отрепьевъ становится своего рода знаменитостью; Годуновъ не позволилъ бы ему спокойно проживать, а между тѣмъ онъ остается цѣлый годъ въ какомъ-то забвеніи. Потомъ неизвѣстно откуда, но очень кстати, его «приводятъ» въ Путивль. Конечно, говоря абсолютно, это могло такъ случиться, но все-таки въ такомъ стеченіи обстоятельствъ проглядываетъ искусственность, и если она скрывалась отъ современниковъ, то намъ она прямо бросается въ глаза.

Затѣмъ съ удивительною легкостью исчезаютъ всѣ сомнѣнія. Русскіе твердо вѣруютъ, что колдунъ и негодяй говоритъ сущую правду, что онъ истинный Гришка Отрепьевъ. Лучшаго отвѣта мнимымъ клеветникамъ дать было немыслимо. Такимъ отводомъ, какъ выше сказано, Димитрій долженъ былъ въ высшей степени дорожить. И что же? На Москвѣ возобновляются путивльскіе слухи, народъ грозно волнуется, а Димитрій ссылаетъ въ Ярославль своего никѣмъ не замѣнимаго защитника. Гришка живетъ тамъ преспокойно, о немъ опять никто не заботится. Послѣ воцаренія, Василій Шуйскій за нимъ посылаетъ какъ-то, но слѣды его исчезаютъ, и самъ Маржеретъ не знаетъ, что съ нимъ сталось.

Костомаровъ не скрываетъ отъ себя слабой стороны Маржеретова показанія. Въ глазахъ французскаго выходца Димитрій былъ истинный сынъ царя Ивана, и потому онъ долженъ былъ во всякомъ случаѣ отличать его отъ Гришки Отрепьева, а послѣдняго признавать другою личностью. На выручку является Буссовъ, который, считая Димитрія обманщикомъ, не допускаетъ, однакожъ, тождества съ Отрепьевымъ (стр. 32). Въ этомъ пунктѣ оба иностранца на самомъ дѣлѣ согласны, но Отрепьевъ Буссова вовсе не похожъ на Отрепьева Маржерета. Бѣжавъ изъ монастыря, онъ отыскиваетъ въ Бѣлоруссіи побочнаго сына Стефана Баторія и уговариваетъ его сдѣлаться

Самозванцемъ[1]). Между такими разнорѣчивыми свидѣтельствами врядъ ли можно установить взаимную связь. Костомаровъ и не пытался этого сдѣлать, а просто сослался на Буссова, какъ бы не допуская здѣсь никакого затрудненія.

Какой особенный вѣсъ имѣютъ польскія показанія, и чѣмъ именно руководствовался Костомаровъ въ своемъ выборѣ—едва ли можно угадать. Отстранивъ крупныхъ и видныхъ дѣятелей, онъ упоминаетъ только о двухъ писателяхъ, которые не вносятъ никакого свѣта въ нашъ вопросъ, хотя вовсе не сочувствуютъ Димитрію (стр. 32). Кобѣржицкій говоритъ только, что онъ не былъ истинный царевичъ, но въ дальнѣйшій разборъ этой личности онъ не вдается[2]). Еще менѣе прочную опору представляетъ Лубинскій. Напрасно утверждается, что плоцкій епископъ «изъявляетъ сомнѣніе» (стр. 33). Напротивъ, никакого «сомнѣнія» онъ не «изъявляетъ», а только слагаетъ отвѣтственность на москвитянъ, и даже готовъ вѣрить, что Димитрій никто иной какъ Гришка Отрепьевъ[3]).

Подводя итоги всему до сихъ поръ сказанному, нельзя не удивиться скудости Костомаровскихъ

---

[1]) Bussovii Chronicon (Rerum Rossicarum Scriptores Exteri. т. I), стр. 19.

[2]) Historia Vladislai, стр. 57: Impostor tamen hic erat, et alter ab eo quem Ioannes Basilii genuerat.

[3]) Opera posthuma, 1643, стр. 28.

доказательствъ. Опроверженіе лѣтописныхъ сказаній отчасти недостаточно, отчасти даже ѳшибочно, а главныя «прямыя» доказательства иностранцевъ-современниковъ сводятся на голословное утвержденіе ссыльнаго пьяницы, переданное Маржерету неизвѣстнымъ намъ англичаниномъ. Выводы, истекающіе изъ такихъ посылокъ, не могутъ имѣть окончательнаго и рѣшающаго значенія.

ПЕРЕПИСКА НИКОЛАЯ ВОЛЬСКАГО СЪ РИМОМЪ.

Папскія субсидіи.—Просьбы Сигизмунда III.—Его помощники. — Николай Вольскій. — Источники.—Московскій походъ по мысли польскаго короля. — Вольскій въ Римѣ. — Его письма 15-го марта 1610 года. — Отказъ кардинала Боргезе.—Военныя извѣстія и просьбы. — Письмо къ кардиналу Ланфранку.—Посланіе короля къ папѣ.—Жалобы Вольскаго.—Его внушительныя размышленія.—Посылка въ Римъ. — Отказъ папы. — Въ 1613 году выдача субсидіи.— Недоразумѣнія.

Въ борьбѣ съ иновѣрными державами католическіе монархи неоднократно обращались въ Римъ съ просьбою о субсидіяхъ, и папы, въ виду торжества своихъ подручниковъ, соглашались на ихъ желанія. Слѣдуя установившемуся обычаю, Сигизмундъ III, задумавъ походъ противъ Москвы, сталъ заботиться о полученіи субсидій отъ Павла V. На этомъ поприщѣ, кромѣ королевы Констанціи и другихъ [1]), помощникомъ ему выступилъ Николай Вольскій.

[1]) Pierling, La Russie et le Saint-Siège, т. III, стр. 366.

Дѣло было затруднительно не столько изъ-за политическихъ соображеній, какъ за неимѣніемъ достаточныхъ средствъ. Первыя попытки оказались тщетными, пришлось настаивать, и даже довольно беззастѣнчиво. Вольскій обрекъ себя на этотъ подвигъ. Онъ пользовался довѣріемъ Сигизмунда III, и былъ возведенъ въ званіе надворнаго маршала, къ немалому прискорбію Замойскаго, съ которымъ онъ не ладилъ. Какъ усердному поклоннику итальянскаго искусства, ему было очень пріятно ѣздить въ Римъ, хоть бы и по случаю Московской войны. Между нимъ и Павломъ V и нѣкоторыми кардиналами завязалась переписка, которая, вмѣстѣ съ римскими депешами, и послужитъ главнымъ источникомъ для нижеслѣдующаго изложенія.

Первые слѣды вмѣшательства въ это дѣло Николая Вольскаго относятся къ 1610 году. Павелъ V уже давно зналъ о замыслахъ Сигизмунда III по донесеніямъ краковскаго нунція, Симонетты. Походъ противъ Москвы выставлялся какъ предпріятіе не особенно трудное, вполнѣ справедливое, на пользу не только Польши, но и всего христіанства. Главною цѣлью, по мысли короля, было прославленіе Бога, и для него онъ охотно пожертвовалъ бы жизнью. Ватиканъ не вдавался въ ближайшее разсмотрѣніе польскихъ доводовъ. Сигизмунду вѣрили на-слово, одобряли его намѣренія. Кардиналъ Боргезе даже вос-

хищался обширностью плана, забывая, что папы постоянно стремились къ сближенію Россіи съ Польшею. Но коль скоро рѣчь доходила до матеріальной помощи, римское усердіе внезапно исчезало. Другія, неизбѣжныя издержки были намѣчены, а на всѣ просьбы не хватало денегъ [1]).

Сигизмундъ однакожъ не унывалъ и не стѣснялся настаиваніемъ. Въ началѣ 1610 года, онъ послалъ Вольскаго въ Римъ, чтобы изустно объясниться съ папою и представить ему королевское письмо о Московской войнѣ. Въ Ватиканѣ польскаго маршала приняли отлично, и не могли нахвалиться его сдержаннымъ поведеніемъ. По случаю его пребыванія, Сигизмунду была оказана большая честь. Въ ночь Рождества Христова, папа ежегодно и торжественно освящаетъ мечъ и шапку. Эти доспѣхи высылаются потомъ кому-либо изъ царственныхъ особъ въ знакъ благосклонности. Въ 1610 году, выборъ палъ на Сигизмунда, и Вольскому поручили поднести королю внушительный даръ.

Этимъ все и кончилось. На письмо Сигизмунда папа отвѣтилъ 23-го февраля, одобряя его планы и обѣщая молитвы вмѣсто денежной помощи. Въ депешѣ, данной на имя краковскаго нунція, излагалось то же самое, но подробнѣе. Папа

---

[1]) Тамъ же, стр. 363.—Ватиканскій архивъ, Polonia, 173, л. 280 v., 282, 285 v.

повторялъ увѣреніе въ своей готовности, ожидалъ лучшаго отъ времени, и въ знакъ личнаго расположенія намекалъ на ходатайство въ Венеціи, во Флоренціи и даже въ отдаленномъ Нанси [1]). Знакомому съ тогдашнимъ состояніемъ Европы не трудно было догадаться, что всѣ эти просьбы будутъ отклонены. По этому Вольскій даже послѣ отъѣзда изъ Рима не переставалъ обращаться къ папѣ и къ кардиналамъ, расчитывая преимущественно на Ватиканскія субсидіи. При томъ онъ давалъ разныя извѣстія. Сравнивая ихъ съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ, можно будетъ судить о мѣрѣ его искренности.

Еще дорогой изъ Флоренціи, 15-го марта, онъ позаботился переслать папѣ самыя радостныя извѣстія о ходѣ войны, изъявляя при томъ надежду, что она вскорѣ кончится. «Въ этомъ пріобрѣтеніи,—писалъ Вольскій,—Божія благодать очевидна, когда такое обширное государство съ легкостью, безъ кровопролитія, и какъ бы съ общаго согласія ревностно передается Его Величеству». Польскій маршалъ желалъ, чтобы папа заслужилъ себѣ свою долю въ славѣ Сигизмунда, тѣмъ болѣе, что скорая развязка казалась неминуема. Въ противномъ случаѣ онъ опасал-

---

[1]) Theiner, Vetera Monumenta Poloniae, т. III, стр. 327, 328, № CCLV, CCLVI.—Ватиканскій архивъ, Polonia, 174, л. 33 v.

ся, чтобы не возникли недоумѣнія, и чтобы усердіе короля отъ этого не пострадало. Робкая, но ясная угроза! А какъ ее обезсилить, какъ ее избѣжать, это указывалось кардиналу Боргезе. Только одно препятствіе могло остановить Сигизмунда, именно недостатокъ денегъ для уплаты войску. Поэтому маршалъ умоляетъ кардинала подѣйствовать на Павла V и добыть желаемое и необходимое пособіе. И чего, чего онъ ему за это не сулилъ? И честь и славу на землѣ и въ небесахъ, и вѣковѣчную признательность польской республики [1]).

Но Ватиканъ не соблазнялся этими обѣщаніями. Папа вовсе не желалъ раскошеливаться, да и самое московское предпріятіе ужъ не представлялось въ такомъ увлекательномъ видѣ. 29-го мая 1610 года, по поводу тождественной просьбы королевы Констанціи, кардиналъ Боргезе клеймилъ его такими словами: incerta, laboriosa, dispendiosa impresa di Moscovia. На счетъ пособія, онъ убѣдительно доказывалъ, что папская казна истощается на Италію, для защиты противъ Турокъ, на Германію, по давнему соглашенію, на городъ Авиньонъ, гдѣ послѣ смерти Генриха IV приходилось умножить гарнизонъ [2]).

---

[1]) Ватиканскій архивъ, Polonia, 37 A, л. 232. — Римъ, архивъ Boncompagni, E, 40, 1610, 15-го марта, Вольскій кардиналу Боргезе.

[2]) Ватиканскій архивъ, Polonia, 174, л. 60 v.

Между тѣмъ Вольскій успѣлъ вернуться въ Польшу, но, задержанный нездоровіемъ и тяжбами, не могъ лично вручить королю папскіе дары и переслалъ ихъ чрезъ секретаря. Сигизмундъ стоялъ тогда подъ Смоленскомъ и осаждалъ эту крѣпость. Храбрый Шеинъ не сдавался. Поляки также упорствовали и не думали отступать, тѣмъ болѣе, что недавняя побѣда Жолкѣвскаго открывала путь къ самой Москвѣ. Римская посылка была очень пріятна Сигизмунду. Онъ искренно благодарилъ, заявлялъ свое усердіе, называлъ войну дѣломъ Божіимъ и, намекая на Клушинскую битву и на полученные доспѣхи, высказывалъ мнѣніе, что до сихъ поръ все благополучно разрѣшалось мечемъ Всевышняго [1]).

То, что самъ король умолчалъ, высказалъ опять его услужливый маршалъ. Военныя извѣстія служили по обыкновенію предлогомъ для письма. Посылая ихъ папѣ, 19-го сентября 1610 года, Вольскій писалъ, что дѣло подвигается лучше всякаго чаянія и невозмутимо восхищался тою легкостью средствъ (dolci mezzi), благодаря коимъ вся страна передавалась королю Сигизмунду и королевичу Владиславу. Насамомъ дѣлѣ Россія тогда невыразимо бѣдствовала. Польскія войска и казацкія шайки въ конецъ ее опустошали, а между

[1]) Римъ, архивъ Boncompagni, E, 7, 1610, 12-го августа, Сигизмундъ III Павлу V.

предводителями были такіе отчаянные рубаки какъ Янъ Петръ Сапѣга и Александръ Лиссовскій. Отнюдь не сомнѣваясь въ быстромъ покореніи всего государства, Вольскій считалъ завоеваніе края какъ бы совершившимся фактомъ, но предвидѣлъ издержки для удержанія завоеваннаго и потому въ давно избитыхъ выраженіяхъ убѣждалъ папу щедро помочь королю.

Около мѣсяца спустя, въ письмѣ къ кардиналу Ланфранку, упомянувъ опять о кротости пріемовъ и мѣръ употребляемыхъ въ Москвѣ, Вольскій грустно восклицаетъ: «О если бъ христіанскіе государи не покидали Его Величества, какъ это было бы хорошо, чтобы удержаться на Москвѣ и быстро привести ее къ католической вѣрѣ[1])!

Но всѣ эти заискиванія не удавались. Желаемыя субсидіи такъ и не приходили изъ Рима. Вѣроятно не безъ задней мысли самъ король рѣшился обезпокоить папу длиннымъ посланіемъ о московской войнѣ, ея причинахъ, ходѣ и успѣхѣ. Въ качествѣ потомка Ягеллоновъ, онъ признавалъ за собой права на русскія земли и въ подчиненіи Польшѣ всей Московіи видѣлъ обоюдную выгоду: для первой обезпеченіе, а для второй — блаженство. Военныя и политическія событія слагались удовлетворительно. При Клу-

---

1) Ватиканскій архивъ, Polonia, 37 A, л. 344, 358.

шинѣ гетманъ Жолкѣвскій разбилъ отборное войско, въ которомъ насчитывалось 40,000 русскихъ и 4000 нѣмцевъ и французовъ. Послѣ пораженія иностранцы перешли на польскую службу. Въ Москвѣ господствовали смятеніе и ужасъ: царь Василій Шуйскій сведенъ съ престола, заключенъ въ монастырь, а потомъ вмѣстѣ съ двумя братьями переданъ Жолкѣвскому, который по просьбѣ самихъ бояръ вступилъ съ войсками въ Москву. Долгое пребываніе подъ Смоленскомъ объяснялось тѣмъ, что имѣлись тайные доброжелатели въ крѣпости, и потому ее брали осадой, а не приступомъ. Такія свѣдѣнія сообщалъ Сигизмундъ Ватикану, настаивая на возвышенности своей цѣли, но не роняя ни слова о субсидіяхъ [1]). Павелъ V долженъ былъ самъ догадаться, что ничто даромъ не дѣлается.

Однакожъ папа не откликался. Николай Вольскій начиналъ тревожиться. Въ половинѣ декабря, получивъ отвѣты изъ Рима и переславъ ихъ кому слѣдовало, онъ почтительно жалуется краковскому нунцію, Симонеттѣ, что Его Святѣйшество не хочетъ помогать на дѣлѣ и даже воздерживается отъ обѣщаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ маршалъ ужь не показываетъ прежней увѣренности; онъ даже опасается какъ бы въ концѣ

---

[1]) Римъ, архивъ Boncompagni, E, 7, 1610, 30-го октября, Сигизмундъ III Павлу V.

концовъ, по недостатку средствъ, все предпріятіе не рушилось [1]). Но и эти опасенія не подѣйствовали.

Въ слѣдующемъ 1611 году Вольскій нашелъ новый, косвенный способъ для изложенія назойливой просьбы. События шли своимъ чередомъ. Второй самозванецъ былъ убитъ. Москва присягнула королевичу Владиславу, но Сигизмундъ его не отпускалъ, и самъ не являлся въ столицу. Возникало недоумѣніе и броженіе умовъ. Между тѣмъ кармелитъ отецъ Матіасъ отправлялся въ Римъ. Вольскій поручилъ ему извѣстить папу обо всемъ, самъ же онъ глухо отмѣтивъ въ своемъ письмѣ, что король навѣрно пріобрѣлъ бы московское государство, если бы могъ продолжать предпріятіе, вдается въ слѣдующія размышленія: безъ сомнѣнія Всевышній уже опредѣлилъ, какой исходъ должно имѣть это дѣло, если ему благоугодно будетъ и впредь оказаться милостивымъ, то Онъ самъ отстранитъ препятствія, исправитъ всѣ ошибки и въ урочное время пошлетъ помощь откуда соизволитъ [2]). Ждать и ничего не жаловать не было особенно трудно. Въ Римѣ на это вѣроятно очень охотно согласились.

Взятіе Смоленска поляками послужило новымъ поводомъ для переписки. Самъ король сообщилъ

---

[1]) Тамъ же, E, 7, 1610, 16-го декабря, Вольскій нунцію Симонеттѣ.

[2]) Тамъ же, E, 40, 1611, 8-го января, Вольскій Павлу V.

папѣ радостную новость и начерталъ ему латинское письмо «изъ моей крѣпости Смоленскъ». Вольскій переслалъ всѣ подробности осады и даже рисунокъ знаменитой твердыни [1]). Получивъ одобрительное бреве отъ папы, онъ съ новымъ усердіемъ взялся за перо.

По возвращеніи Сигизмунда въ Польшу, начались дѣятельныя приготовленія для предстоящаго въ сентябрѣ мѣсяцѣ сейма. Заранѣе, еще изъ лагеря подъ Смоленскомъ, высланы были сенаторамъ соотвѣтствующія заявленія. Въ нихъ удѣлялось значительное мѣсто Московской войнѣ и возбуждался вопросъ о необходимыхъ налогахъ. Для Вольскаго это могло служить исходнымъ пунктомъ. Онъ позаботился о переводѣ на латинскій языкъ королевскаго письма отъ 12-го іюня 1611 года и инструкцій для сеймиковъ, и доставилъ всѣ эти офиціальныя данныя въ Римъ вмѣстѣ съ собственнымъ посланіемъ, помѣченнымъ 2-мъ числомъ августа мѣсяца. Новѣйшія событія освѣщались въ немъ очень искусно. Главная вина сваливалась на враговъ истинной вѣры. Они-то, не желая возвышенія католика Сигизмунда, выбрали въ цари его сына Владислава, съ которымъ надѣялись какъ бы то ни было сладить. Вслѣд-

1) Тамъ же, E, 9, 1611, 25-го (по другому списку 26-го) іюня, Сигизмундъ III Павлу V. — Посылка Вольскаго не имѣется на лицо.

ствіе этого, окончательное рѣшеніе вопроса и не состоялось на прошлогоднемъ сеймѣ. Маршалъ расхваливалъ стойкость короля, увѣрялъ, что значительная часть московскаго государства ему подчинилась, предвидѣлъ счастливый исходъ, но сознавался въ недостаткѣ денежныхъ средствъ. Конечно, писалъ Вольскій, король уповаетъ на Бога, который всѣмъ располагаетъ по Своей волѣ, но онъ надѣется также, что папа найдетъ возможность слѣдовать влеченію своего сердца, исполнить неоднократно выраженное желаніе и вмѣстѣ съ другими христіанскими государями подать щедрую помощь. На эту заманчивую просьбу послѣдовалъ, 13-го сентября, папскій отвѣтъ съ обычными учтивостями, но и съ обычнымъ отказомъ [1]).

Не смотря на всѣ свои усилія, Вольскій такъ и не добился ничего изъ Рима. Впослѣдствіи папа оказался однако жъ сговорчивѣе. По случаю торжественнаго посольства Житомірскаго епископа Павла Волуцкаго, въ 1613 году, онъ согласился на особый поборъ между польскимъ духовенствомъ и самъ выдалъ королю 40,000 червонцевъ на военныя издержки [2]). Такого рода пособіе не согласуется съ обычной политикой пап-

---

[1]) Ватиканскій архивъ, Polonia, 37 A, л. 384. — Римъ, архивъ Boncompagni, E. 7, 1611, 12-го іюня, Сигизмундъ III Вольскому; E, 40, 1611, 2-го августа, Вольскій Павлу V съ помѣткою объ отказѣ.

[2]) Pierling, т. III, стр. 370.

скаго престола, который, какъ ужъ было замѣчено, постоянно стремился къ примиренію Россіи съ Польшею. Въ этомъ повинны тогдашнія недоразумѣнія. Съ польской стороны дѣло представлялось такъ, что Москва присягнула Владиславу, что онъ единственный законный царь, противъ котораго возстаютъ только мятежныя партіи. А сына своего Владислава Сигизмундъ охотно отождествовлялъ съ самимъ собою. Чрезвычайно поучительно въ этомъ отношеніи королевское письмо къ императору Матвѣю отъ 14-го апрѣля 1613 года [1]). Въ немъ упорно проводится упомянутый взглядъ, который также излагался въ Ватиканѣ и вѣроятно повліялъ на папское рѣшеніе. Остается пожалѣть, что съ самаго начала смуты, съ воцаренія Василія Шуйскаго, Москва не имѣла представителя въ Римѣ, который могъ бы выяснить событія съ русской точки зрѣнія.

---

[1]) Вѣна, Государственный архивъ, Polonica.

МЕЛОЧИ.

Первое знакомство съ архивомъ князя Боргезе.

Это было въ 1875 году. Архивъ княжескаго рода Боргезе, прiобрѣтенный впослѣдствiи для Ватикана папою Львомъ XIII, хранился тогда въ великолѣпномъ семейномъ palazzo Borghese, и доступа къ нему вообще не было. Однако же почтенный князь Marc Antonio разрѣшилъ мнѣ просмотрѣть его сокровища.

Архивистомъ у князя состоялъ тогда Ludovico Passarini, живой и милый старичекъ, одушевленный искреннею любовью къ своимъ ветхимъ бумагамъ. Съ наслажденiемъ знатока онъ раскладывалъ передо мною цѣлыя кипы документовъ и умѣло пояснялъ минувшiя событiя. Наконецъ, узнавъ о моемъ пристрастiи къ русской исторiи, онъ обязательно вызвался показать мнѣ московскiя письма съ огромными печатями. Предложенiе

охотно было принято, и вскорѣ въ моихъ рукахъ былъ 499-й нумеръ второй серіи, гдѣ между прочими находятся оригиналы писемъ Димитрія къ папѣ съ собственноручною подписью, на толстой бумагѣ внушительнаго размѣра. Никогда не забуду моего восторга при видѣ этихъ драгоцѣнностей; казалось будто неожиданный лучъ падаетъ на темную, неразгаданную эпоху.

При дальнѣйшемъ знакомствѣ съ рукописями такого же рода вскорѣ выяснилось, что въ архивѣ Боргезе было значительное количество неизданнаго матеріала о Смутномъ времени. Тамъ преспокойно лежали подъ спудомъ и депеши нунція Рангони, и письма полковыхъ священниковъ Димитріева войска, и цѣлый рядъ интересныхъ извѣстій. Такая, хотя и случайная, находка не могла пройти безслѣдно, и я рѣшился пустить ее въ историческій оборотъ. Этой цѣли послужилъ трудъ Rome et Démétrius, напечатанный сперва въ журналѣ Études, а потомъ отдѣльно въ Ліонѣ и въ Парижѣ.

Только на одномъ обстоятельствѣ хотѣлось бы здѣсь остановиться. Не смотря на обильную жатву въ архивѣ Боргезе, окончательнаго и рѣшительнаго отвѣта о личности Димитрія въ немъ не нашлось. Къ тому же, дипломатическая переписка, какъ часто случается, представляла нѣкоторые пробѣлы. Особенно чувствительно было отсутствіе депеши 2 іюля 1605 года, въ которой Рангони, по

желанію Павла V, разсказывалъ исторію Димитрія, со всѣми ему извѣстными подробностями.

Вообще, и въ депешахъ краковскаго нунція, и въ письмахъ іезуитовъ, Димитрій признавался истиннымъ сыномъ Ивана Грознаго. То же мнѣніе казалось господствующимъ при дворѣ. Но убѣдительнаго доказательства не давалось; можно было только подозрѣвать, что оно находится въ утраченной депешѣ 2-го іюля. Подъ такимъ впечатлѣніемъ я приступилъ къ работѣ. Не скрывая моихъ предположеній, я однакожъ положительно оговаривался, что рѣшеніе вопроса о Димитріи должно быть предоставлено будущему[1]). Какъ изъ этихъ словъ можно вычитать, что я, если не самый рѣшительный, то «во всякомъ случаѣ наиболѣе освѣдомленный защитникъ подлинности царя Димитрія I»[2]), это для меня, не скажу неудобопонятно, но просто непостижимо.

Личное мое убѣжденіе до такой степени еще не было установлено, что я усердно отыскивалъ скрывающуюся въ архивѣ Инквизиціи депешу Рангони отъ 2 іюля 1605 года. Знакомство съ ней, съ докладомъ Вишневецкаго, съ посланіемъ Фоскарини и съ рядомъ другихъ новыхъ доку-

---

[1]) C'est ainsi que la solution définitive des doutes au sujet de Démétrius reste encore réservée à l'avenir. — Rome et Démétrius, Paris, 1887, стр. XXII.

[2]) Е. Н. Щепкинъ, Политика папскаго престола въ Смутное время, стр. 1.

ментовъ поколебали не мою защиту, а мои предположенія, что вовсе не одно и тоже.

Къ слову сказать, въ послѣднихъ трудахъ о Димитріи я пользовался докладомъ Вишневецкаго, посланнымъ въ Римъ 8 ноября 1603 года, и не позднѣйшимъ итальянскимъ пересказомъ того же доклада, какъ думаетъ Е. Н. Щепкинъ[1]). Главное здѣсь не то, что этотъ докладъ уже напечатанъ,—это всѣмъ извѣстно,—а то, что онъ восходитъ до 1603 года, между тѣмъ какъ у Новаковскаго и въ Кенигсбергской рукописи онъ пріурочивается къ 1606 году. Одна ничтожная цифра имѣетъ здѣсь огромное значеніе, особенно для провѣрки источниковъ, что, кажется, еще не всѣми сознается.

Письма Мышковскаго.

Сигизмундъ Мышковскій былъ одинъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ Сигизмунда III и неизмѣнно пользовался его довѣріемъ. Наканунѣ сейма 1603 года, онъ былъ назначенъ, не въ примѣръ другимъ, коронныімъ маршаломъ, а два года спустя ему поручили довершеніе переговоровъ о бракѣ короля съ эрцгерцогинею Констанціею, для чего онъ и предпринималъ поѣздку въ Прагу и въ Грацъ.

При такой обстановкѣ не удивительно, что онъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 2, прим. 1.

не былъ въ ладахъ съ Замойскимъ, а впослѣдствіи съ Рокошанами. Да и вообще популярности между соотечественниками онъ не имѣлъ. Его, какъ и Вольскаго, привлекала Италія, усердно имъ посѣщаемая. Онъ даже позаботился присвоить себѣ имя Гонзага и «заморскій» папскій титулъ маркиза, за что его противники домогались отстранить его отъ королевской службы.

Слѣдствіемъ частыхъ путешествій была переписка съ знатными особами. Мышковскій выступалъ, такъ сказать, великосвѣтскимъ репортеромъ. Писалъ онъ не только о своихъ дѣлахъ, но и о важнѣйшихъ событіяхъ, совершавшихся на его глазахъ [1]). Мнѣ удалось найти въ Италіи восемь писемъ, гдѣ рѣчь идетъ о Димитріи. Важны они главнымъ образомъ потому, что передаютъ слухи, которые держались при дворѣ.

Впервые исторію Димитрія Мышковскій сообщилъ герцогу Мантуанскому Викентію и кардиналу Альдобрандини 6-го января 1604 года [2]). Въ общемъ онъ кратко пересказываетъ докладъ Вишневецкаго. Есть однако кое-что совершенно новое и неожиданное. Здѣсь является имя укрывателя Димитрія. Спасъ его въ Угличѣ аноним-

[1]) Въ Мантуанскомъ архивѣ Гонзага (E, VII, Busta 559) есть много писемъ Мышковскаго. — Въ этомъ архивѣ E обозначаетъ Esteri, № VII—польскіе документы.

[2]) Мантуа, архивъ Гонзага, E, VII, 3, Busta 559.—Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, III, 112, л. 113.

ный наставникъ (pedagogo), который и передалъ его на попеченіе своему родственнику, «a questo duca di Sislavia in Volinnia (sic)», говорится въ одномъ письмѣ, а въ другомъ: «al sr duca di Silawicz in Wolinia (sic)». Кто былъ этотъ волынскій князь остается неразгаданнымъ, хотя очевидно подразумѣвается опредѣленное лицо.

Далѣе Мышковскій пишетъ, что, узнавъ о спасеніи Димитрія, бояре отправились къ Борису Годунову и требовали объясненій. Разгнѣванный царь отнесся къ нимъ презрительно, и они тутъ же его изрубили. Извѣстіе это ложно, въ чемъ убѣдился потомъ самъ Мышковскій, ибо 16-го іюля 1605 года, онъ сообщаетъ тому же мантуанскому герцогу, что Борисъ скоропостижно умеръ[1]). Но все-таки преждевременный слухъ не лишенъ значенія въ связи съ страннымъ опасеніемъ Димитрія, чтобъ Годуновъ не умеръ слишкомъ рано и съ послѣдующею дѣйствительно загадочною смертью того же Годунова. Невольно рождается подозрѣніе, не былъ ли въ ходу заговоръ противъ московскаго царя и не выдавался ли смѣлый какой-нибудь планъ, по недоразумѣнію, за свершившійся фактъ?

Ближе познакомился Мышковскій съ Димитріемъ, когда царевичъ пріѣхалъ въ Краковъ, чтобъ представиться королю. Въ качествѣ оче-

---

1) Мантуа, архивъ Гонзага, E, VII, 3, Busta 559.

видца и лица близкаго ко двору, замѣчательно его свидѣтельство, что Димитрія приняли очень ласково, и, вслѣдствіе полученныхъ извѣстій, почитали за истиннаго сына Ивана Грознаго. Лично на него Димитрій произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе, казался ему даровитымъ и воспріимчивымъ[1]). Во время московскаго похода между ними завязалась переписка. Впослѣдствіи Мышковскій даже гордился своею дружбою съ вѣнчаннымъ царемъ, намекалъ на родство съ нимъ своей жены, и разсчитывалъ на вліяніе въ Кремлѣ. Именно въ то время великій герцогъ тосканскій желалъ завести торговыя сношенія съ Персіею и воспользоваться теченіемъ Волги. Мышковскій предлагалъ свои услуги, увѣрялъ Фердинанда I, что проѣздъ чрезъ Москву будетъ доступенъ и ссылался на примѣръ кармелитовъ[2]).

Можно сожалѣть, что въ ихъ маломъ количествѣ письма Мышковскаго представляютъ только отрывочный матеріалъ. Тѣмъ не мѣнѣе въ нихъ слышится вѣрный отголосокъ придворнаго кружка. Они же указываютъ какимъ путемъ проникали въ Италію нѣкоторыя извѣстія о Димитріи.

---

[1]) Тамъ же, письма 5 и 19 марта 1604 года.

[2]) Флоренція, Государственный архивъ, отдѣлъ Медичи, 4292, л. 114, 118.—Мышковскій былъ женатъ на Елисаветѣ Богушъ. Его титулъ маркиза перешелъ впослѣдствіи къ Вѣлепольскимъ.

Дневникъ Савицкаго.

Каспаръ Савицкій былъ первый изъ іезуитовъ, который сошелся съ Димитріемъ. Ему же была дана послѣдняя аудіенція въ Кремлѣ. Ужъ изъ-за этого свидѣтельство его заслуживаетъ вниманія, и стоитъ остановиться надъ его личностью[1]).

Хотя до появленія Димитрія онъ ничѣмъ особеннымъ себя не заявилъ, однакожь въ Краковскомъ обществѣ онъ занималъ почетное мѣсто. Родомъ изъ Вильны, окончивъ свое образованіе въ Польшѣ и достигнувъ 24-хъ лѣтняго возраста, онъ вступилъ въ орденъ въ Римѣ 16-го сентября 1576 года, и пробылъ тамъ еще нѣкоторое время. По возвращенію на родину, ему пришлось завѣдывать, то учебной, то административной, то духовной частью въ разныхъ домахъ, въ Ярославѣ, Вильнѣ, Калишѣ, Краковѣ. О немъ отзывались какъ о человѣкѣ даровитомъ, опытномъ, находчивомъ въ совѣтахъ и искусномъ проповѣдникѣ. При томъ онъ не пренебрегалъ и письменною дѣятельностью. Послѣ него остались мелкія сочиненія аскетическаго и полемическаго содержанія, изданныя отчасти подъ чужимъ именемъ.

---

[1]) Для этого очерка послужили: Wielewicki, Historici diarii domus professae Societatis Jesu Cracoviensis, т. IV, стр. 3; Sommervogel, Bibliothèque de la Compagnie de Jésus, т. VII, стр. 679.

Въ 1604 году Савицкій былъ настоятелемъ орденскаго дома професовъ при церкви св. Варвары въ Краковѣ[1]). Подъ его руководствомъ находилось братство Милосердія, въ которомъ было много членовъ изъ знати. Такимъ образомъ онъ имѣлъ связи при дворѣ и знакомства между магнатами, и на его долю выпало самое раннее знакомство съ Димитріемъ. Объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, о поѣздкѣ Савицкаго въ Москву,о тамошнемъ плѣненіи уже сказано подробно въ другомъ мѣстѣ[2]). Здѣсь остановимся на его дневникѣ.

Съ самаго начала Савицкій очень заинтересовался Димитріемъ. Онъ переписывался съ полковыми священниками во время московскаго похода, передавалъ ихъ извѣстія Поссевину, а потомъ сталъ вести и собственный дневникъ. Къ сожалѣнію, оригиналъ этого дневника утраченъ. Онъ дошелъ до насъ только въ передачѣ Яна Велевицкаго, который имѣлъ его передъ глазами и пользовался имъ для своего обширнаго труда Historicum Diarium domus professae Societatis Jesu Cracoviensis[3]).

[1]) Этотъ домъ носитъ теперь № 7 на Маріацкомъ плацѣ.

[2]) Pierling, La Russie et le Saint-Siège, т. III.

[3]) Дневникъ Велевицкаго напечатанъ Краковскою академіею въ серіи Scriptores Rerum Polonicarum, т. VII, X, XIV, XVII.—На отрывки и плохой переводъ Муханова (Записки Гетмана Жолкевскаго, стр. 117, № 44) ссылаться болѣе не позволительно.

Велевицкій не объяснилъ какимъ образомъ онъ дѣлалъ свои заимствованія у Савицкаго, но сравнивая между собою различные отдѣлы, можно придти къ заключенію, что онъ то передавалъ своими словами содержаніе дневника, то просто вставлялъ цѣлыя выдержки изъ него, вѣроятно даже дословно. Въ самомъ дѣлѣ, иногда встрѣчается простая ссылка, иногда упоминается, что именно такъ говоритъ Савицкій, даже рѣчь влагается въ его уста съ употребленіемъ перваго лица. Велевицкій прибѣгаетъ къ этому пріему при описаніи главнѣйшихъ событій съ видимою цѣлью придать своему разсказу большій авторитетъ. Такъ приводятся въ первомъ лицѣ разговоръ съ Мариною 12-го мая 1606 года, представленіе Димитрію 13-го и послѣдняя аудіенція 24-го числа[1]).

Но если даже безусловно положиться на выдержки Велевицкаго, неизвѣстно какіе пропуски были имъ допущены. По нѣкоторымъ признакамъ можно догадаться, что Савицкій, не довольствуясь узкою рамкою лично пережитаго, старался вникнуть въ состояніе новой для него страны и познакомиться съ духомъ ея жителей. Такое настроеніе наглядно выступаетъ при описаніи Можайска, тамошняго монастыря и церкви св. Николая[2]). Если были еще другія того же рода замѣтки, что очень вѣроятно, то онѣ для насъ потеряны.

---

1) Hist. diar., т. II, стр. 139, 141, 145.

2) Тамъ же, стр. 184.

И такъ передъ нами только часть дневника Савицкаго, поочередно въ пересказѣ и въ выдержкахъ. На эту часть можно однакожъ ссылаться какъ на достовѣрный, хотя и неполный источникъ. Велевицкій былъ авторъ добросовѣстный и трудолюбивый. Къ тому же онъ писалъ главнымъ образомъ для домашняго обихода и врядъ ли предвидѣлъ, что Краковская академія когда-либо напечатаетъ его произведеніе: потому нѣтъ причины сомнѣваться въ его искренности.

Тѣмъ не мѣнѣе досадно, что Савицкій не издалъ самъ своего дневника безъ всякихъ сокращеній и поправокъ. По возвращенію изъ Москвы въ 1608 году, онъ вернулся къ своей прежней дѣятельности и у него хватило силъ еще на цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ. Въ 1613 году епископъ житомірскій, Павелъ Волуцкій, посланный Сигизмундомъ къ папѣ въ качествѣ королевскаго представителя, взялъ его съ собою въ Римъ. Московская война была тогда въ полномъ разгарѣ, и между прочимъ дѣло шло о субсидіяхъ[1]). Вторичное путешествіе въ Римъ предстояло Савицкому въ 1619 году. Удрученный лѣтами и недугомъ, онъ пустился въ дальній путь съ предчувствіемъ недобраго, и на самомъ дѣлѣ скончался дорогой, при возвращеніи, во Франкфуртѣ на Одерѣ, 19-го января 1620 года.

---

[1]) Pierling, т. III, стр. 370.

Димитрій въ современной польской поэзіи.

Появленіе Димитрія въ Польшѣ и послѣдующія необыкновенныя событія вызвали поэтическія произведенія, которыя съ теченіемъ времени обращались въ библіографическія рѣдкости и стали доступны для немногихъ.

Въ виду такого положенія, Ѳ. Ф. Вержбовскій возымѣлъ счастливую мысль перепечатать всѣ эти по объему не значительныя, а по содержанію не лишенныя интереса сочиненія[1]).

Въ строго научномъ предисловіи авторъ затрогиваетъ вопросъ о личности Димитрія и, по поводу мнѣнія г. Гиршберга, который почитаетъ Самозванца незаконнымъ сыномъ Стефана Баторія, выражается такъ: «Мнѣніе это не ново; оно было уже высказано однимъ изъ современниковъ Конрадомъ Буссовъ, и Гиршбергъ старается лишь подтвердить справедливость его новыми аргументами и соображеніями. По моему, историческое значеніе этого мнѣнія такое же, какъ и другихъ: оно возможно; но, кажется мнѣ, оно правдоподобнѣе мнѣнія Евгенія Щепкина, будто Димитрій былъ незаконнымъ сыномъ или самого Ивана Грознаго или же убитаго имъ его стар-

[1]) Матеріалы къ исторіи Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Выпускъ III. «Смутное время» въ современной ему польской литературѣ. Часть 1, 1605—1607 Варшава, 1900.

шаго сына Ивана»[1]). Далѣе, авторъ ссылается на фактъ, что Димитрій имѣлъ на лицѣ такую же бородавку какъ Стефанъ Баторій, съ тою лишь разницею, что она была не ниже, но повыше праваго глаза, и усматриваетъ въ этомъ сходствѣ, сохраненномъ на медаляхъ и монетахъ, признакъ атавизма. Не вдаваясь въ дальнѣйшій разборъ приведеннаго мнѣнія, замѣчу только, что Ѳ. Ф. Вержбовскій первый обратился къ нумизматикѣ.

Что касается до поэтическихъ произведеній о Димитріи, то ихъ можно раздѣлить на двѣ группы: къ первой принадлежатъ стихотворенія, написанныя передъ рѣзней 17 (27) мая 1606 года, а всѣ прочія — ко второй. Разница между ними, въ смыслѣ настроенія, огромная. Передъ Кремлевскимъ погромомъ выражались самыя горячія симпатіи, казалось бы поляки готовы слиться съ русскими въ одинъ народъ; но кровавая развязка возбудила совсѣмъ иныя чувства и вѣковая вражда ожесточенно возобновилась.

Съ исторической точки зрѣнія, первое мѣсто безспорно принадлежитъ брошюрѣ Яна Жабчица или Забчица: «Mars Krwawy». Ѳ. Ф. Вержбовскій полагаетъ, что онъ былъ придворнымъ шляхтичемъ Сендомирскаго воеводы, и съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться. Во всякомъ случаѣ Жабчица былъ представителемъ кружка совер-

---

[1]) **Тамъ же, стр. VI.**

шенно преданнаго семейству Мнишекъ, которыхъ онъ при всякомъ удобномъ случаѣ усердно расхваливаетъ. Въ противоположность Мышковскому, онъ утверждаетъ, что Димитрій скрывался не на Волыни, а у береговъ Ледовитаго моря. Всего замѣчательнѣе разсказъ о томъ, какъ ничтожный выходецъ добрался до князя Адама Вишневецкаго. Отъ бѣглаго монаха до магната далеко. Посредникомъ служилъ мѣстный игуменъ, которому Димитрій во всемъ признался на исповѣди. Здѣсь очевидно первоначальная версія и вся историческая суть послѣдующихъ баснословныхъ повѣствованій, которыя воспроизводятся у Карамзина и Костомарова.

Кромѣ того, не лишено значенія перечисленіе всѣхъ предводителей Димитріева войска. Оно отличается полностью и тѣмъ, что обозначено число всѣхъ находившихся въ отдѣльныхъ частяхъ воиновъ. Гетманомъ былъ выбранъ Юрій Мнишекъ, въ полковники назначились Зулицкій, Гоголинскій и Дворжицкій. Названы по имени также всѣ ротмистры. Что же касается до численности войска, то она нуждалась бы въ строгой провѣркѣ, которой однакожъ не поддается[1]).

Въ двухъ другихъ брошюрахъ Жабчица встрѣчается подробное исчисленіе всѣхъ членовъ се-

[1]) Тамъ же, стр. 12, 15, 21.

мейства Мнишекъ и гонцовъ, посланныхъ Димитріемъ въ Польшу[1]).

Кромѣ названнаго выше автора, Ѳ. Ф. Вержбовскій перепечаталъ еще Юрковскаго, Гроховскаго, Данецкаго, Лифтеля и кой-какія анонимныя стихотворенія. Свою ближайшую цѣль при этомъ онъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: «... думаю только, что, какъ ни ничтоженъ былъ бы матеріалъ фактическій, какой представляютъ эти брошюры, все-таки важны они въ томъ отношеніи, что отражаютъ взглядъ одной изъ дѣйствующихъ партій или сторонъ на современныя событія и взаимныя отношенія... никого уже не будетъ безпокоить вопросъ, не содержитъ ли та или другая брошюра чего либо интереснаго и каждый лично будетъ въ состояніи безъ затрудненій убѣдиться въ содержаніи и значеніи ихъ всѣхъ»[2]).

Причащеніе Марины.

О причащеніи Марины при вѣнчаніи въ Кремлѣ существуютъ два мнѣнія: положительное и отрицательное. Оба были недавно подвергнуты новому и очень дѣльному пересмотру[3]). Казалось

---

[1]) Тамъ же, стр. 42. Posel Moskiewski, стр. 87—88: Zegnanie Ojczyzny.

[2]) Тамъ же, стр. IX.

[3]) Е. Н. Щепкинъ, Политика папскаго престола въ Смутное время.

бы однако, что нельзя сводить этотъ вопросъ на разборъ того или другого текста. Здѣсь напрашивается болѣе широкая постановка, которая затронула бы и приготовительныя мѣры и настроеніе умовъ. Соотвѣтствующія данныя имѣются на лицо.

Не смотря на всѣ препятствія, Димитрій не хотѣлъ отказаться отъ брака съ Мариной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ему было не чуждо стремленіе угодить, по возможности, всѣмъ: и новымъ подданнымъ и старымъ друзьямъ. А съ обѣихъ сторонъ требованія были противоположныя. Русскіе архіереи настаивали на перекрещеніи «люторскія вѣры дѣвки». Но Димитрій отвергъ такое дикое предложеніе и отвоевалъ христіанство Марины. За то, онъ самъ желалъ, чтобы будущая царица подчинялась господствующимъ обычаямъ, въ особенности, чтобы она причастилась въ день вѣнчанія по восточному обряду. Объ этомъ предметѣ шли самые оживленные переговоры въ Краковѣ и въ Римѣ. Димитрій утверждалъ, что коронованіе невозможно безъ причастія, а Мнишекъ хлопоталъ о папскомъ соизволеніи. Кончилось тѣмъ, что Павелъ V безусловно отказалъ въ желаемомъ разрѣшеніи, а Димитрій отрекся отъ своихъ притязаній[1]). И такъ, при въѣздѣ въ Москву, Марина была увѣрена словами самого

[1]) Pierling, т. III, стр. 248.

царя, что свобода ея совѣсти останется неприкосновенною.

Но что случилось на самомъ дѣлѣ? До насъ дошелъ отрывокъ намѣченнаго чина при свадьбѣ Димитрія съ Мариною[1]). Онъ распадается на три части: обрученіе, вѣнчаніе на царство съ мѵропомазаніемъ, бракосочетаніе. Въ этомъ чинѣ упоминается и причащеніе: «архидіаконъ и протодіаконъ зовуть Государыню Цесаревну на помазание и к причастию». Спрашивается однакожь былъ ли этотъ чинъ строго выполненъ во всѣхъ своихъ предписаніяхъ? Апріорный отвѣтъ здѣсь менѣе умѣстенъ, чѣмъ гдѣ либо. Вѣдь Димитрій говорилъ полякамъ одно, а русскимъ архіереямъ другое; вѣдь онъ обѣщалъ не настаивать на причащеніи Марины, а тѣмъ не менѣе причащеніе полагалось въ брачномъ чинѣ. Дѣло въ томъ, что онъ видимо шелъ на комромиссъ, а хитрость представлялась возможною. Самое чинопослѣдованіе не было вполнѣ установлено во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Къ тому же патріархъ Игнатій легко поддавался царскимъ внушеніямъ; съ нимъ можно было сговориться и устроиться. Поэтому безъ провѣрки брачный чинъ, составленный передъ вѣнчаніемъ, не имѣетъ никакого значенія. Для провѣрки же есть нѣкоторыя данныя.

На московскихъ торжествахъ присутствовали

---

[1]) Собраніе госуд. грамотъ, т. II, стр. 289, № 138.

поляки, которые записывали все то, что происходило въ ихъ глазахъ. Такихъ дневниковъ дошло до насъ нѣсколько. Въ печати появились дневники Діаментовскаго, Нѣмоевскаго и анонимный дневникъ пословъ Олесницкаго и Госѣвскаго. Другіе еще не изданы и находятся въ Краковскомъ музеѣ Чарторыжскихъ и во Львовскомъ институтѣ Оссолинскихъ.

Въ общемъ можно сказать, что авторы довольно сбивчиво передаютъ церковныя чинодѣйствія. Хотя и очевидцы, но мало знакомые съ восточнымъ обрядомъ, они видимо путаютъ или чрезмѣрно сокращаютъ свой разсказъ. Если даже допустить, что, не смотря на перестaвки и несообразности, они подтверждаютъ въ главныхъ чертахъ вышеупомянутый брачный чинъ, то изъ этого еще ничего не вытекаетъ о причастіи Марины.

И дѣйствительно, ни одинъ дневникъ не приводитъ этой подробности и не утверждаетъ ее положительнымъ образомъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчается стереотипная фраза о мѵропомазаніи, «unkcya more graeco», и больше ничего. Ссылаться на то, что мѵропомазаніе «требуетъ» причащенія[1]) ровно ни къ чему не ведетъ, ибо Мнишки хотѣли именно избѣжать одно, а не другое. Они соглашались на мѵропомазаніе,

[1]) Щепкинъ, стр. 26.

какъ на коронаціонный обрядъ, а причастіе изъ рукъ патріарха по совѣсти Маринѣ не дозволялось. Обвинять ее безъ доказательствъ мы отнюдь не въ правѣ.

Говорятъ, что поляки большею частью вышли изъ церкви передъ причастіемъ, но съ Мариною остались ея спутницы. Онѣ все видѣли и разсказывали, что патріархъ поднесъ хлѣбъ и вино, въ память Галилейской свадьбы, что стеклянная чаша была потомъ растоптана. О причастіи нѣтъ ни слова.

Такимъ образомъ, изъ польскихъ дневниковъ нельзя сдѣлать никакого положительнаго вывода.

Есть свидѣтельство греческаго происхожденія, которое проливаетъ свѣтъ на занимающее насъ событіе. Арсеній, архіепископъ Элассонскій, а въ 1606 году архангельскій, присутствовалъ на вѣнчаніи Марины и вмѣстѣ съ архіепископомъ астраханскимъ Ѳеодосіемъ подносилъ ей «коруну царскую». Въ своихъ мемуарахъ, изданныхъ А. Дмитріевскимъ по Сумелійской рукописи, онъ выражается такъ: И послѣ вѣнчанія своего оба они (Димитрій и Марина) не пожелали причаститься Святыхъ Таинъ. Это сильно опечалило всѣхъ, не только патріарха и архіереевъ, но и всѣхъ видѣвшихъ и слышавшихъ. И такъ, это была первая и великая печаль, и начало скандала и причина многихъ бѣдъ для всего народа московскаго

и всей Руси»[1]). Е. Н. Щепкинъ заподозрилъ эту выдержку и видитъ въ ней позднѣйшую вставку, не заслуживающую довѣрія. Сказать по правдѣ, приводимыя имъ доказательства, внѣшнія и внутреннія, мало убѣдительны[2]).

Даже противоположное свидѣтельство патріарха Филарета не имѣетъ того значенія, которое ему придается. Слишкомъ ярко выступаетъ его юридическій, дѣловой характеръ. На соборѣ 1620 года Филаретъ Никитичъ возсталъ противъ Іоны, митрополита Крутицкаго, порицавшаго перекрещеніе латинянъ. Съ богословской, истинно научной точки зрѣнія, мнѣніе Филарета должно считать совершенно ложнымъ[3]). Чтобы какъ-нибудь его обосновать, патріархъ ссылался между прочимъ и на низверженіе патріарха Игнатія, которое онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Патріархъ Игнатій, угожая еретикомъ латынскія вѣры, и въ церковь соборную пресвятыи Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи честнаго и славнаго ея Успенія, введе еретическія папежскія вѣры Маринку, святымъ же крещеніемъ совершеннымъ христіанскаго закона не крестилъ ю, но токмо единѣмъ святымъ мѵромъ помаза, и потомъ вѣнчалъ ю стѣмь Разстригою. И якоже Іюда

[1]) А. Дмитріевскій, Архіепископъ Элассонскій Арсеній и мемуары его изъ русской исторіи, стр. 111.

[2]) Политика п. пр., стр. 29.

[3]) Макарій, Исторія русской церкви, т. XI, стр. 25.

предатель, и сей поругася Христу, и обоимъ убо симъ врагомъ Божіимъ Розстригѣ и Маринкѣ подаде пречистое Тѣло Христово ясти и Святую и честную Кровь Христову пити, его же Игнатія за таковую вину священноначальницы великія святыя церкви Россійскія, яко призрѣвшаго правила святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, отъ престола и отъ святительства правиломъ святымъ изринута въ лѣто 7114»[1]).

Здѣсь надо замѣтить, что современникъ Димитрія патріархъ Іовъ вовсе не взводилъ на Игнатія этого послѣдняго нареканія. Въ своей прощальной грамотѣ 1607 года онъ упоминаетъ только о муропомазаніи и ничего не говоритъ о причастіи. Вотъ первоначальное московское преданіе: Игнатій виноватъ въ муропомазаніи Марины. Предложеніе причастія есть ни что иное, какъ позднѣйшій наростъ, который впервые является четырнадцать лѣтъ послѣ событія. Какъ добросовѣстно Филаретъ относился къ фактическому матеріалу видно изъ того, что, по его словамъ, все это дѣлалось въ угоду латинянамъ. Положеніе его было щекотливое. Надо было оправдать вторичное крещеніе и сверженіе Игнатія, и вмѣстѣ съ тѣмъ себя не уронить и своего достоинства не выдать. Но Филаретъ, какъ извѣстно, на второмъ крещеніи

---

[1]) Дмитріевскій, стр. 135, по требнику 1651 г.—Стр. 134, свидѣтельство Іова.

Марины не настаивалъ; ему приходилось на-руку выставить обвиненіе, которое его бы самого не задѣвало. Въ виду такого стеченія обстоятельствъ, болѣе довѣрія внушаетъ простая, историческая справка Арсенія, чѣмъ обличительная выходка Филарета. Правда, присутствуя на томъ же соборѣ, Арсеній, тогда уже архіепископъ суздальскій и тарусскій, кажется, усердно отмалчивался. Ссылаться же съ полной увѣренностью на молчаніе «гречанина», который уживался со всѣми правительствами, начиная отъ Бориса Годунова, врядъ ли возможно и умѣстно. Никто не будетъ удивляться, что осторожный Арсеній не сталъ распинаться за Игнатія.

Если теперь окинуть все сказанное однимъ взоромъ, то выносится впечатлѣніе громадной мистификаціи. Таинство брака, совершенное въ Краковѣ, не только повторяется въ Москвѣ, но ему даже предпосылается обрученіе. Поляки считаютъ мνропомазаніе Марины коронаціоннымъ обрядомъ, а Филаретъ видитъ въ немъ знакъ присоединенія къ православію. На счетъ причащенія Димитрій увѣряетъ, что не будетъ его требовать отъ Марины, и вмѣстѣ съ тѣмъ оповѣщаетъ его въ брачномъ чинѣ. Самозванецъ хитрилъ. Не въ угоду-ли Маринѣ?

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА.

Новая постановка вопроса о Димитріи.

Мнишки и Бернардины.

СТРАН.

Димитрій и Кармелиты.

Нунцій Рангони.

Неизвѣстные или мало извѣстные источники.

Дневникъ Андрея Лавицкаго.

Исаакъ Масса.

Алессандро Чилли.

Ла Бланкъ и Канэ.

Римскія депеши (1605—1609) въ изданіи Тургенева.

Бареццо Барецци или Поссевино?

Н. И. Костомаровъ о Димитріи.

Переписка Николая Вольскаго съ Римомъ.

Мелочи.

